

Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов

1/ 2018

Economical
and
humanitarical
researches
of the regions

1/ 2018

*Регистрационный номер ПИ ФСС77- 39740
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
номер в каталоге Почта России 37137
ISSN 2079-1968*

Научно-теоретический журнал

№ 1 2018 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник Министерства образования Российской Федерации, заведующий кафедрой философии и мировых религий (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лукацкий М.А. – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник общего образования Российской Федерации, Научный руководитель лаборатории теоретической педагогики ИТИП РАО, заведующий кафедрой психологии и педагогики (Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва);

Осадчая Г.И. – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе (Институт социально-политических исследований Российской академии наук, г. Москва);

Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных и гуманитарных наук (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Москва);

Арсалиев Ш.М.-Х. – доктор педагогических наук, профессор, директор Института чеченской и общей филологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет», г. Грозный);

Розин М.Д. – доктор философских наук, профессор, директор Северо-Кавказского научного центра высшей школы (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Попов М.Ю. – доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»;

Маринов М. Б. – доктор философских наук, специалист (Уханьский университет, Китайская народная республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Говердовская Е.В. – заместитель главного редактора, доктор педагогических наук,

профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию (Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации», г. Пятигорск);

Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор, отдел гуманитарных исследований (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный);

Верещагина А.В. – доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Везиров Т. Г. - доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала);

Гончаров В.Н. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Гуманитарного института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь);

Горелов А.А. – доктор педагогических наук, профессор кафедры "Теория и методика физической культуры" (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", г. Санкт-Петербург);

Бондаренко А.В. – кандидат философских наук, доцент, (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа)

Елисеев В.К. – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета педагогики и психологии (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк);

Каргиева З.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова", г. Владикавказ);

Касьянов В.В. – доктор социологических, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», г. Краснодар);

Матяш Т.П. – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант кафедры философии религии и религиоведения (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Ратиев В.В. – доктор социологических наук, директор (Филиал частного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Краснодар, г. Краснодар);

Ромаева Н.Б. - доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и педагогических технологий Педагогического института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь);

Самыгин С.И. – доктор социологических наук, профессор кафедры "Управления персоналом и социологии" (Федеральное государственное бюджетное образовательное

учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет», г. Ростов-на-Дону);

Суций С.Я. – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований (Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону);

Спирина В.И. – доктор педагогических наук, профессор, декан социально-психологического факультета, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет», г. Армавир)

Тен Ю.П. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук (Ростовский филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия»:, г. Ростов-на-Дону);

Финько М.В. – доктор философских наук, профессор кафедры православной культуры и теологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону);

Хараева Л.А. - доктор педагогических наук, профессор (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик);

Шингаров Г.Х. – доктор философских наук, профессор кафедры "Философия" (Негосударственное аккредитованное частное образовательное учреждение высшего профессионального образования Современная гуманитарная академия, г. Москва);

Щербакова Л.И. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет М.И. Платова, г. Новочеркасск).

www.cegr.ru.

*Registration number PI FSS77- 39740
Federal Service for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
catalog number 37137 Russian Post
ISSN 2079-1968
Scientific theory journal*

№ 1 2018

EDITOR-IN-CHIEF

Nesmeyanov E.E. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of Russia, Honored Worker of the Ministry of Education of the Russian Federation, Head of the Department of philosophy and world religions (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Don State Technical University", Rostov-on-Don)

EDITORIAL COUNCIL

Lukatskii M.A. – Corresponding Member of RAO, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Honored worker of the general education of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Theoretical Science Pedagogy ITIP RAO, head of the Department of psychology and pedagogy (State-Funded Educational Institution of Higher Education "Yevdokimov Moscow State Medical and Dental University" of the Ministry for Public Health of the Russian Federation, Moscow);
Osadchaya G.I. – Doctor of Social Sciences, Professor, Deputy Director on scientific work (Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow);
Pusko V.S. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, head of the Department of political science of the faculty of social Sciences and Humanities (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Bauman Moscow State Technical University", Moscow);
Arsaliev Sh.M-Kh. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Director of the Institute of Chechen and General Philology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Chechen State University, Grozny);
Rosin M.D. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director of North-Caucasian scientific centre of higher school (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);
Popov M.Yu. – Doctor of Social Sciences, Professor, chief editor of "The Humanitarian, socio-economic and social Sciences";
Marinov M.B. – Doctor of Philosophical Sciences, specialist (Wuhan University, China)

EDITORIAL BOARD

Goverdovskaya E.V. – deputy Chief Editor, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Deputy Director of postgraduate and additional education (Pyatigorsk Medical-Pharmaceutical Institute - branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "The Volgograd State Medical University" of the Ministry for Public Health of the Russian Federation ", Pyatigorsk);

Akayev V.H. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, the Department of humanitarian studies (Federal Ibragimov State Institution of Science Integrated Research of Russian Academy of Sciences, Grozny);

Bondarenko A.V. – Candidate of Philosophical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa)

Vereshchagina A.V. – Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of theoretical sociology and methodology of regional researches of the Institute of sociology and regional studies (The Institute of Sociology and Regional Studies of Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don).

Vezirov T. G. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of methods of teaching mathematics and Informatics (Federal state budgetary educational institution of higher professional education "Dagestan state pedagogical University", Makhachkala)

Goncharov V.N. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor, associate Professor in the Department of philosophy, humanitarian Institute (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «North Caucasian Federal University», Stavropol);

Gorelov A.A. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Professor of "Theory and methodology of physical culture" (Federal State Scientific Institution "Institute of Socialization and Education" of the Russian Academy of Education, Moscow);

Eliseev V.K. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Dean of the faculty of pedagogy and psychology (Federal State Educational Institution of Higher Education «Lipetsk State Pedagogical University named after Semenov-Tyan-Shansky», Lipetsk);

Kargieva Z.K. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of the Department of pedagogy and psychology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Khetagurov North Ossetian State University», Vladikavkaz);

Kasyanov V.V. – Doctor of Social Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Professor, head of the Department of history and cultural studies (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Kuban State University», Krasnodar);

Matyas T.P. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor-consultant of the Department of philosophy of religion and religious studies (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);

Ratiev V.V. – Doctor of Social Sciences, Director (Branch of Private Educational Institution of Higher Education «Witte Moscow University» in Krasnodar, Krasnodar);

Romeva N.B. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of chair of pedagogics and pedagogical technologies Pedagogical Institute (Federal state Autonomous Educational Institution of Higher Education "North-Caucasus Federal University", Stavropol, Russia)

Samygin S.I. – Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of the Department "Personnel management and sociology" (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics», Rostov-on-Don)

Soushiy S.Y. – Doctor of Social Sciences, Associate Professor, chief researcher, Institute of socio-economic and Humanities research (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don);

Spirina V.I. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of social and psychological faculty, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University", Armavir)

Ten Y.P. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor, Professor of the Humanities Department (Rostov branch of the State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy", Rostov-on-Don);

Fin'ko M.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Orthodox culture and theology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education " Don State Technical University", Rostov-on-Don);

Kharaeva L.A. - Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Federal State Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov», Nalchik);

Shingarev G.H. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department "Philosophy" (Non-government accredited private institution of higher education Modern University for the Humanities, Moscow);

Shcherbakova L.I. – Doctor of Social Sciences, Professor, head of the Department of sociology and psychology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Platov South-Russian State Technical University», Novocherkassk);

© «Economical and
humanitarical
researches
of the regions»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

ВДОВЕНКО-МАРТЫНОВА Н.Н., КРУГЛАЯ А.А., ЯКОВЛЕВА С.Г., ФЕДОТОВА В.В. Освоение дисциплины «фармакогнозия» иностранными студентами через язык-посредник	10
ДАУДОВ Р.Х. Современное понимание бытия и бога в исламской философии	13
КОРКМАЗОВ А. В. Роль личностно смысловой сферы в профессиональном развитии индивида	18
ЛОБЕЙКО Ю.А. Формирование нравственных установок поведения и деятельности трудных обучающихся	21
МОРОЗОВА Т.П. Осознание детьми старшего дошкольного возраста взаимоотношений в группе сверстников	25
ПОПОВ И.В., ПОПОВА О.И. Подготовка наглядного информационного материала студентами на кафедре фармакогнозии как элемент формирования профессиональных компетенций	29
САФИН Н.М. Причины экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД России	32
СУЛТАНОВА З. В., СИУКАЕВА Е. Г. Анализ ценностной сферы южных и северных осетин методом Е.Б.Фанталовой	41
ХАЛМЕТОВ Т. А. Проектирование и реализация мультимедийно обучающего комплекса для сотрудников МВД России	46

СОЦИОЛОГИЯ

АБРАМОВ М.А. Факторы развития патриотизма в обществе	52
АПАНАСЕНКО Ф.Е. Социальные последствия развития электронного государства в современных российских условиях	56
КИЛЯСХАНОВ М. Х. К вопросу о необходимости целостного подхода в прикладном исследовании проблемы старости	60
РОСТОВА А.Т. Динамический аспект социальной преемственности	64

ФИЛОСОФИЯ

АКОПЯН Г.А. Философская антропология о свободе совести	69
ГЛЯНЕВ А. А. Диалог и социальность в философии диалога	72
ГОНЧАРОВ В. Н. Антропологический аспект информатизации образования общества: социально-философский анализ	77
ГУБАНОВА М.А. Философия культуры об особенностях формообразований духовной культуры	82
КОЛОСОВА О.Ю. Социально-экологический аспект устойчивого развития и безопасности общества: философский анализ	87
РУДЕНКО А.М. Свобода и безопасность человека в процессе самореализации в культуре начала XXI века	91
ЯРЫЧЕВ Н.У., НИКОЛОВ Н.О. Виды моделей уровней личностного бытия во взаимосвязи с моделями бытия мира	97

УДК 37

ОСВОЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ФАРМАКОГНОЗИЯ» ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ ЧЕРЕЗ ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК

Вдовенко-Мартынова Н.Н., Круглая А.А., Яковлева С.Г., Федотова В.В.

DEVELOPMENT OF DISCIPLINE "PHARMACOGNOSIA" BY FOREIGN STUDENTS THROUGH LANGUAGE-INTERMEDIARY

Vdovenko-Martynova N.N., Kruglaya A.A., Yakovleva S.G., Fedotova V.V.

В Пятигорском медико-фармацевтическом институте – филиале Волгоградского государственного медицинского университета обучаются не только российские студенты, но и граждане других стран (Марокко, Тунис, Камерун, Конго, Кот-д'Ивуар и др.). Для повышения качества их подготовки в институте внедряются и постоянно совершенствуются новые формы обучения. Так обучение проводится с использованием языка-посредника. Кафедра фармакогнозии и ботаники активно участвует в разработке и внедрении в учебный процесс новых форм и методов обучения иностранных студентов.

Not only Russian students but also citizens of other countries (Morocco, Tunisia, Cameroon, Congo, Cote d'Ivoire, etc.) study at the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University. To improve the quality of their training, new forms of training are being introduced and constantly being improved at the Institute. So the training is conducted using the language-intermediary. The Department of Pharmacognosy and Botany actively participates in the development and implementation of new forms and methods of teaching in the educational process.

Ключевые слова: высшее фармацевтическое образование, специалист–провизор, формы и методы обучения, образовательный процесс, иностранные студенты, язык – посредник, фармакогнозия.

Keywords: higher pharmaceutical education, specialist-pharmacist, forms and methods of teaching, educational process, foreign students, language-intermediary, pharmacognosy.

Программы высшего фармацевтического образования постоянно модернизируются с целью подготовки специалиста–провизора, отвечающего требованиям стремительно развивающегося общества [6]. В России фармацевтическое образование в виде специалитета (единой образовательной программы) пятилетнее. Фармакогнозия - одна из учебных профессиональных дисциплин, которая позволяет специалисту-провизору быть компетентным в вопросах, связанных с лекарственным растительным, животным и минерального происхождения сырьём, его ресурсами, интродукцией, заготовкой и переработкой, производством фитопрепаратов, стандартизацией, разработкой современных методик анализа, обеспечивающих качество. В современных условиях от специалиста–провизора требуется не только умение выполнения определенных заданий, а умение решать вопросы проблемного характера, управлять проектами [1]. Поэтому в настоящее время идет переход от квалификационной модели специалиста к компетентностной. Понятие «компетентность» специалистов-провизоров представляет собой совокупность знаний, умений, способностей, качеств и свойств личности, необходимых для успешной деятельности в фармацевтической сфере [4]. Образовательный процесс подготовки данных специалистов в стране постоянно модернизируется, в связи с чем и учебный процесс, а также рабочие программы дисциплины «фармакогнозия» совершенствуются. Все больше уделяется внимания в педагогическом процессе на развитие у обучающихся практических навыков, возрастает значимость самостоятельной работы студента [2].

В Пятигорском медико-фармацевтическом институте – филиале Волгоградского государственного медицинского университета обучаются не только российские студенты, но и граждане других стран (Марокко, Тунис, Камерун, Конго, Кот-д'Ивуар и др.). Несомненно, важно учитывать адаптацию иностранных студентов в условиях инонациональной среды, следовательно, использовать инновационные образовательные программы в их обучении. Для повышения качества их подготовки в институте внедряются и постоянно совершенствуются новые формы обучения. Так обучение проводится с использованием языка-посредника. Кафедра фармакогнозии и ботаники под руководством профессора, д.ф.н. Д.А.Коновалова активно участвует в разработке и внедрении в учебный процесс новых форм и методов обучения [3]. В настоящее время для освоения студентами дисциплины фармакогнозия в качестве языка-посредника используется французский язык, а с 2018-2019 учебного года вводится и преподавание на английском языке, имеющих статус языка международного общения. Преподаватели кафедры, на базе ПМФИ, прошли курсы повышения квалификации по французскому и английскому языкам: вводно-фонетические курсы, адаптивные и специализированные курсы, включающие основные дисциплины «Профессионально-ориентированный французский язык», «Профессионально-ориентированный английский язык», «Формирование профессионально-ориентированных коммуникативных компетенций в области преподаваемых дисциплин». Освоение дисциплины фармакогнозия, в соответствии с требованиями образовательного стандарта по специальности «Фармация», рабочего учебного плана, студентами осуществляется в пятом, шестом и седьмом семестрах, причём в пятом семестре на языке-посреднике, а в шестом и седьмом семестре предусмотрен плавный переход на русский язык с франко- и англоязычным сопровождением, чтобы в итоге сдать экзамен на русском языке. Этот подход способствует лучшей адаптации иностранных студентов к освоению дисциплины, так как адаптация - это предпосылка активной деятельности и необходимое условие её эффективности. Владение языком – посредником студентами из Марокко, Туниса, Камеруна, Конго, Кот-д'Ивуара является фактором, который наши преподаватели могут использовать для освоения профессионального материала обучающимися. Студенты за три семестра учебного года, согласно учебной программе, должны освоить достаточно объёмный материал, без которого невозможно понимание предмета. В большинстве случаев иностранные студенты легко запоминают латинские названия лекарственных растений, сырья, семейства, фармакогностические термины. На кафедре фармакогнозии и ботаники иностранные студенты обучаются на языке-посреднике с 2015 года. Разработан учебно-методический комплекс на языке-посреднике для иностранных студентов, включающий рабочие тетради для практических занятий, учебно-методические пособия для внеаудиторной работы студентов, конспекты лекций, электронные учебные пособия. Разработан фонд оценочных средств, включающий вопросы входного и тестовые задания, выходного контроля, как для каждого занятия, так и после освоения модуля, для промежуточного контроля, ситуационные задачи. Чтение лекционного курса по фармакогнозии иностранным студентам отличается не только использованием языка-посредника, но и прежде всего тем, что, исходя из языковых навыков письменной речи иностранных студентов, приходится более сжато излагать учебный материал, чётче выделять главное, структурируя, иллюстрируя, приводить примеры использования ЛРС в их странах, что вызывает интерес к предмету и облегчает студентам восприятие новых данных. Студенты как на занятиях, так и при подготовке к ним, пользуются гербарными и сырьевыми образцами лекарственного растительного сырья. На занятиях применяется личностно-ориентированный подход, т.е. предполагается отношение к студенту как к субъекту осознанной учебной деятельности, как к личности, способной учиться не по принуждению, а добровольно по собственному желанию и с интересом. Преподаватель объясняет, показывает, подводит к проблеме, советует, создаёт ситуацию успеха, поощряет, формирует мотивы к обучению[5]. Каждый студент выполняет практическую работу на

занятии, работает с гербарными и сырьевыми образцами, анализирует сырьё, применяя фармакогностические методы анализа. Активизации учебного процесса помогает решение ситуационных задач. Практика работы с иностранными студентами показывает, что большинству их свойственна завышенная самооценка знаний, в связи с чем особое значение имеет используемая балльно-рейтинговая система оценки знаний студентов, которая позволяет не просто от занятия к занятию и от зачета к зачёту выставлять оценки, а максимально объективно составить представление о динамике глубины постижения ими дисциплины, способствует лучшей их мобилизации с самого начала изучения предмета с ориентировкой на конечный результат. Студенты-иностранцы активно привлекаются к научным исследованиям по изучению лекарственного растительного сырья и регулярно участвуют в студенческих научных конференциях, докладывая фрагменты полученных результатов.

Наличие учебно-методического комплекса для иностранных студентов, правильно построенное занятие и лекция, хорошее владение языком-посредником преподавателем, позволяет в течение всего учебного времени поддерживать заинтересованность обучающихся на необходимом уровне, в результате этого студенты получают прочно закреплённые мотивации для успешного освоения дисциплины фармакогнозии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аладышева Ж.И., Береговых В.В., Пятигорская Н.В., Самылина И.А. Актуальные вопросы современного фармацевтического образования в Российской Федерации // Фармация. 2013. № 1. -С.3-7
2. Говердовская Е.В., Варфоломеева Т.В., Каурова А.Н., Климова А.В. Ценностные ориентиры обновления содержания высшего профессионального образования на Северном Кавказе // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 6. -С. 25-30
3. Коновалов Д.А., Вдовенко-Мартынова Н.Н., Яковлева С.Г., Круглая А.А. Использование компетентностно-ориентированных технологий обучения на практических занятиях по фармакогнозии // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-1. - С.1847
4. Коновалов Д.А., Федотова В.В. Организационно-педагогические условия формирования профессиональных компетенций в процессе изучения фармакогнозии // Методологические основы дидактических приемов в образовательном пространстве медицинского и фармацевтического вузов в свете реализации новых регламентирующих документов: материалы учебно-научно-методической конференции. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах. 2017. -С. 106-109
5. Попова О.И., Коновалов Д.А., Лукашук С.П., Попов И.В., Круглая А.А. Повышение мотивации учебной деятельности студентов при изучении фармакогнозии // В сборнике: III Гаммермановские чтения Сборник научных трудов научно-методической конференции. Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия. 2017. - С.107-109
6. Постановление Правительства РФ от 17.02.2011 N 91 (ред. от 28.12.2017) «О федеральной целевой программе «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ БЫТИЯ И БОГА В ИСЛАМСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Даудов Р.Х.

MODER UNDERSTANDING OF BEING AND GOD IN ISLAMIC PHILOSOPHY

Daudov R.H.

В статье раскрываются основные взгляды арабо-персидских мыслителей современной (20-21 вв.) исламской философии, в описании таких фундаментальных понятий как «бытие» и «Бог». Рассматриваются все возможные варианты описания «бытия» и «Бога» как со стороны представителей современного традиционализма, так и со стороны представителей модернизма, обосновывается актуальность данного направления для философии ислама. Описываются модели единства и множественности бытия через внедрение в сознание общества единства веры, указываются затруднения исламских философов при обосновании знания Бога, которое непосильно человеческому сознанию, приводятся основания для выделения различных подходов исламских философов к данной тематике. Особое внимание уделяется разнице между идеями традиционализма и модернизма, также характеру изменения их взглядов в ходе развития арабо-мусульманской философии. Акцент делается на единстве и единственности Бога в онтологии ислама, на единстве веры в общества, несмотря на разные сложности в описании и трактовке своих идей.

The article reveals the main views of the arab-persian thinkers of modern (20-21 centuries) islamic philosophy, in describing such fundamental concepts as "being" and "God." All possible variants of the description of "being" and "God" both from the side of representatives of modern traditionalism and from representatives of modernism are considered, the urgency of this direction for the philosophy of islam is grounded. Models of unity and plurality of being are described through the introduction of the unity of faith in the consciousness of society, the difficulties of islamic philosophers are indicated in the justification of the knowledge of God, which is beyond the human consciousness, and the grounds for distinguishing the various approaches of islamic philosophers to this topic. Particular attention is paid to the difference between the ideas of traditionalism and modernism, as well as the nature of the change in their views during the development of the arab-muslim philosophy. The emphasis is on the unity and uniqueness of God in the ontology of islam, on the unity of faith in societies, despite the various difficulties in describing and interpreting their ideas.

Ключевые слова: Бог, бытие, исламская онтология, традиционализм, модернизм, пространство, мир, единство, множество, джахилия.

Keywords: God, being, islamic ontology, traditionalism, modernism, space, peace, unity, multitude, djahiliya.

Современные представители исламской философии сделали попытку дать свое описания понятия бытия и Бога. Почти все традиционалисты, да и часть модернистов, придерживаются 112 суры из Корана для «описания» Бога, которая называется «Чистота веры», «Очищение» («Аль-ихлас»): Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Скажи: «Он Аллах – Един, Аллах вечный, Он не родился и не был рожден, И не был Ему равным ни один!».

Исходя из этой суры, традиционалисты предполагают Вечность Бога, Его Единство, и на Его полное отличие от всего, что является Его творением. Эта сура «Чистота веры» «смогла вместить в себя основные черты, присущие огромной реальности ислама» [6, с.83].

Один из ярких представителей традиционализма Саид Кутб обращал особое внимание на то, что употребление слова «ахад» («един») вместо, на первый взгляд, синонимичного ему «вахид» («единственный») не случайно, и имеет глубокий онтологический смысл. Так, слово «ахад» означает также, что Аллах является единственной подлинно существующей реальностью, ибо по словам С. Кутба, не существует ничего вместе с Ним, кроме Него самого и что нет ничего подобного Ему. При

этом мусульманин не просто видел проявления этой реальности во всех формах бытия, берущих от нее свое начало, но и по мере совершенствования в собственной вере перестал замечать во всей Вселенной что-либо помимо Аллаха, поскольку считал, что истинная реальность есть нечто, присущее одному лишь Аллаху. Все является в конечном итоге делом рук Аллаха, ибо все сущее черпает свое бытие из этого истинного бытия, как черпает оно свою реальность из этой истинной реальности.

Представители традиционализма склоняются к мнению, что Бога невозможно описать и что-либо высказать о Нем. В понимании мистиков, Бог является некой неопределенностью, а у традиционалистов же просматривается строгое деление Бога и бытия (мира), который является творением Его.

Свою трактовку пространства («место» араб. «макан») сделал и С. Кутб. Основопологающей категорией в его концепции пространства является понятие «джахилия» [Там же], которое использовалось в исламской историографии для обозначения доисламского, так называемого «варварского» периода в арабской истории, эпохи незнания «Слова Аллаха». То есть, порядок в мире, который был до снисхождения Корана Пророку Мухаммаду (до нач. VII века).

По словам Кутба, «Джахилия» – это, прежде всего, незнание законов (шариата) из сур Корана, среди которых главнейшим является таухид (единобожие). В связи с этим, С. Кутб апеллировал к следующим аятам Корана: «Он (один) – тот, кто на небесах Бог и на земле Бог» (43:48[2]). «Решение принадлежит только Аллаху. Он повелел, чтобы вы поклонялись только Ему. Это – правая вера». (12:40 [2]). И сказал Аллах: «Не берите двух богов; ведь Бог – только один и Меня бойтесь! Ему принадлежит то, что на небесах и земле, Ему – подчинение постоянное, неужели вы боитесь кого-нибудь кроме Аллаха?» (16:51–52[2]).

Саид Кутб утверждал, что «джахилия» – это не теория, а способ организации общества и мира, в основе которого лежат правила, придуманные людьми, а не ниспосланные Богом. По мнению Саида Кутба, мусульманская община опять постепенно погружается в новую «джахилию»: «Весь мир, на Востоке и на Западе, мусульманский и немусульманский, верующий и атеистический – вернулся к джахилие» [6, с.97].

Этот философ негативно относился к идее арабского национализма и считал, что все правоверные мусульмане должны объединиться в единую умму, независимо от их национальной принадлежности, поскольку в Коране термин «единство» (аль-вахда) выражается словом «вера» (аль-иман), то и мусульманская нация – единая нация, объединяющая в своих рамках всех братьев по вере, независимо от их национальностей.

Выход в сложившейся ситуации с миром и мусульманской уммой С. Кутб видел в «возрождении веры» и «традиции», а также в «воссоздании Халифата» – единого государства для всей мусульманской общины. При этом «возрождение» и «воссоздание» представляет собой процесс усиления роли ислама во всех сферах жизни уммы, которое будет функционировать по законам Корана, не подвергшейся интерпретации Сунны, и по основанному на них своду мусульманских правил – шариата.

Другой представитель традиционализма – Али Шариати, иранский философ и революционный теоретик, во многом был схож с идеями Саида Кутбы. Он тоже признавал важную роль «традиции» и Корана в устройстве бытия (мира), считал, что Коран содержит ответы на все потенциальные вопросы, которые касаются социальной справедливости и мироустройства. Кроме этого, Али Шариати тоже хотел очистить веру и ислам от искажений, призывал к объединению мусульман в «праведную» умму в едином государстве Халифат [7, с.59].

Центральным пунктом его учения о бытии стало понятие «таухида», которое он понимал как единство Аллаха, природы и человека. Учение Али Шариати о противоборстве религии «таухида» – единобожия и «ширка» – многобожия, можно сопоставить с размышлениями Саида Кутбы о битве ислама с «джахилией». Но, в отличие от учения Али Шариати, Саид Кутб строго проводил грань между Богом и Его творением

– бытием (миром), показывая в этом свою бинарность. Для разьяснения бинарности Саид Кутб снова приводил в пример 112 суру Корана – «Аль-Ихлас» («Чистота веры»): Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Скажи: «Он – Аллах – Един, Аллах вечный, Он не родился и не был рожден, и не был Ему равным ни один!» [5, с.104]. Следовательно, в онтологической системе бинарность означает строгое деление бытия и Бога.

В направлении антирелигиозных и западнических размышлений на рубеже XIX–XX веков работал еще один ученый – Фарах Антун (1874-1922). Агатангел Крымский высказывался о нем, как о вольномыслящем философе – пессимисте. Как известно, родился Фарах Антун в Сирии, но вынужден был ее покинуть в связи с цензурой и деспотической политикой турецкой власти. Он поселился в Александрии и трудился над изданием журнала «Аль-Джамиа» («Объединение»). Вскоре философ увлекся популярной работой Э. Ренана «Averroesetaver-roïsme», после чего сам прибегнул к творчеству Ибн Рушда, опубликовав свой взгляд на вопросы в вызвавшей критические высказывания книге «Ибн Рушд и его философия» (1903 г.).

А. Крымский отмечал, что в ней Ф. Антун «с рационализмом подошел к множеству деликатных религиозных аспектов» и осветил их «с субъективной страстностью, которой у академического Ренана не было». Этим трудом философ вызвал «возмущение и в христианском, и в мусульманском арабском мире» [4, с. 644]. Критически эту работу Ф. Антуна рассматривал и известный прогрессист ислама – Мухаммад Абдо.

В 1904 году философ издал роман «Новый Иерусалим», в содержании которого автор сделал попытку проанализировать рассматриваемую Ренаном идею о человеческой природе Христа. В нем Ф. Антун коснулся и рассматриваемой Аристотелем проблемы о реальности или нереальности личного бессмертия, прекращения существования человека после смерти. Закрывая глаза на противодействие большого количества духовенства, теология стала доминирующей сферой духовного обновления. Она определяла интеллектуальную атмосферу и посредством трудов известных и престижных своих репрезентантов санкционировала и активизировала обновление во всех аспектах культурной деятельности.

В своих работах философы уверенно утверждали, что разум человека наделен двойственной природой, поскольку, кроме осмысления вещей, косвенно воспринимаемых человеком, разум понимает свои духовные истоки и «стремится к сокровенным вещам», то есть он вбирает в себя понятие интенциональности – «постоянного устремления сознания к чему-либо, находящемуся за пределами его» [1, С.184].

Известно также, что разум человека не бездеятелен, а активен, и эта активность предусматривает достижение цели. Такое восприятие разума, например, Аль-Хадж заимствует у Р. Декарта и оно, кстати, близко к определению разума в экзистенциализме. В этом контексте цель становится реальным, глубочайшим источником эволюции науки, она же здесь выступает гарантией развития общества, которое почти всегда овладевает человеком, где бы он ни был. Удаление от общества является формальной идеей, которая не найдет себе места в действительности. А человек пребывает в постоянном диалоге с «другим», будь это кто-то, кроме него, или он сам.

Характерно и то, что социальные ростки, пребывающие в кораническом учении, остались вне внимания, то есть «прагматическая логика» ислама оказалась не развита. Беда ислама заключалась в том, что он так и не сформировал находящиеся в нем социальные эмбрионы, институты и явился в новый мир незащищенным. Чтобы пребывать в цивилизации, миру ислама необходимо создавать собственную социальную базу, поскольку спонтанно формировавшийся социум (нередко в навязанных со стороны формах) не соответствует современным требованиям и пребывает в состоянии заболевания, нанокризис, в котором находится исламское общество, и не может быть разрешено другому, кроме как посредством власти.

Однако власть не имеет права допустить произвол – это условие поставлено ей Кораном, ведь Аллах устами Мухаммада предостерегает тех, кто творит беззаконие (23:93

[3]), является несправедливым (23: 96 [2]). Как известно, все на земле принадлежит Аллаху (23: 84 [2]), но он передает собственные владения в пользование человеку, требуя от него неукоснительного подчинения божественному закону, за нарушение которого Аллах наказывает. Содержащаяся здесь опасность для тех, кто отрицает учение Мухаммада, является «духовным» предупреждением, способом показать сопротивляющимся в неверии опасные для них последствия во время последнего суда. Однако этот существующий в исламе и имеющий политические корни зачаток государственности, который выражается в формировании мусульманской империи, Халифата, на самом деле далек от «эксплуататорского духа», доходящего до искоренения туземных рас и «сатанизма».

Как полагает Э. Мунье Беннаби, даже в период побед ислам, вопреки идеям Икбала, не накопил колониалистского духа. Коран вещает: «Человеку, которому Аллах даровал Писание, мудрость и пророчество, не подобает говорить людям: «Будьте рабами мне, а не Аллаху», а (подобает говорить): «Будьте приверженцами Господа тем, что вы учитесь Писанию и читаете его» (3: 79 [3]). Рвение к власти, а точнее, к ее могуществу (*volonté de puissance*), существовала в исламе в ограниченном количестве, информирует Беннаби. Как нет в реальном исламе принципа общественного гегемонизма, так отсутствует в нем и гегемонизм духовный, потому что его принцип заключается в неприкосновенности сознания человека: «Нет принуждения в вере. Уже (давно) истинный путь различили от ложного» (2: 256 [2]). «Мы ниспослали вам Тору, в которой содержится руководство к прямому пути и свету» (5:44 [2]). «И мы даровали ему Евангелие, а в нем – свет и праведный путь» (5: 46 [2]). «Каждому из вас Мы установили (различные) законы веры и предписания... Так старайтесь же превзойти друг друга в добрых деяниях» (5:48[2]). «Мы даровали почет сынам Адама... и дали им явное превосходство над другими тварями» (17:70 [2]).

Исходя из сказанного выше, человек является не «маленькой точкой живой материи», а важным для Бога творением, возвышающимся над Сатаной. Этот пункт Э. Мунье Беннаби считает главным в утверждении гуманизма, трансформации духовных ценностей ислама в социальные, для нахождения исламом соответствующего и достойного места в современном контексте, дополнения западной, эллинистической по своему происхождению, мысли мусульманской идеологией, ориентированной на благо. Однако в устремлении к истинному благу в исламском сознании философ видит недостаток, связанный с тем, что мусульманин ищет истину, выраженной в некоей персоне, «знатке мудрости», который сводит уважение духовности к минимуму. Вторым изъяном мусульманского сознания, по мнению Э. Мунье Беннаби, является конфликт между «духовным» и «социальным» составляющими, то есть – несоответствием нравственных норм, которые диктуются религией, и реалистического, «социального» поведения.

Философ также отмечал, что возрождение, которое переживал арабский социум в конце XIX – начале XX века, не дало эффективных результатов по причине «испорченной социальности», а также в связи с тем, что фундаментальная проблема его цивилизации была заполнена задачами важными, но нередко незамедлительными. Болезнь мусульманского общества состояла в том, что оно желало осуществить «ренессанс», не избавляясь от факторов, которые привели к продолжавшемуся в последние столетия «декадансу». Это событие уводило в сторону от неотложной задачи изучения условий развития цивилизации, дилемм культуры, которая не осознавалась мусульманским обществом как фундаментальная, требующая непрерывного внимания и признания ее в качестве таковой.

Продолжая эту тему, акцентируем внимание на том, что против экзистенциального трактования общества как силы, что противостоит в современных условиях человеку, угнетающей его, обедняющей, нивелирующей и даже «овеществляющей» выступал Аль-Хадж. Философ подходит к вопросу об обществе иначе, поскольку его не интересует проблема «тап» и он не принимает во внимание негативный опыт экзистенциализма. По этой же причине Аль-Хаджу не приемлет и аскетизм с его желанием изолироваться от

общества. Ведь общество, «Другой», считает ливанский философ, не ликвидируют свободы человека, а порождаяемая обществом пропасть между человеком и его индивидуальностью завершается союзом человека со своей личностью. Философ утверждал, что личность – это человек, после того этапа, когда он вернулся к своей высшей самости через другого, а индивидуализм представляет собой один из аспектов эгоизма, персонализм, в свою очередь, является понятием, символизирующим «Я».

Благодаря единству с другим человеком субъект приходит к пониманию собственной сущности и свободы. Более того, человек персонифицируется в той степени, насколько он социализируется. В предложенной трактовке общества просматривается безусловное влияние Э. Мунье, что подтверждается аналогичным рассмотрением человека в связи с окружающим миром, природой, которой он овладевает; там же – понимание единства как общения, «встреч», деятельности свободных, осознавших свою ответственность личностей.

В контексте такого понимания прошлое предстает в качестве раскрывающего настоящее, а настоящее – как предвосхищающее будущее. Но это на самом деле не так, утверждал Аль-Хаджи, потому что развитие происходит благодаря стремлению к цели, а цель – и есть будущее. В контексте такого взгляда на вопрос определяющим, первичным является именно будущее, а прошлое относится к воспоминаниям и никогда не повторится. Настоящее, в свою очередь, перед тем, как стать действительностью, было в состоянии ожидания будущего, поэтому оно и является, как у Анри Бергсона, «идеодвигателем». Аналогичные мотивы можно найти и в работах Ибн Сины, отмечавшего, что причиной очевидных изменений является будущее, которое и формулирует вектор прогресса.

В результате анализа философии представителей традиционализма становится очевидным, что для них главным является возрождение традиции, ее «модернизация» без «вестернизации». Надо исключить из нее все нововведения, которые вносят представители Запада, и создать государство по законам шариата. Государство, в котором будет единая во взглядах мусульманская умма, остальное же пространство воспринимается как «территория войны», которая находится в «заблуждении» и «незнании» истинного предназначения человека в этом мире, должно посредством «джихада» быть вытесненным или трансформироваться в «пространство ислама».

Подводя итоги можно отметить, что одним из наиболее распространенных течений в современной мусульманской мысли считается традиционализм (или неоконсерватизм) – понятие, которое в онтологии ислама стремится «законсервировать» или «сохранить» традиции в современном мире, которые сложились еще во времена Пророка Мухаммада. Его представители категорически отвергают попытки пересмотра догматики ислама и настаивают на том, что учение пророка носит неизменный характер.

Доминирующей идеей в ходе отделения знания от веры является объективация знания. В средневековье у философов зачастую случалось смешивание знания с религией и добродетельностью. Мыслители умными называли тех, кто отличал хорошее и плохое, избирая первое и сторонясь второго. В связи с этим разум выступает не индифферентным, объективным инструментом познания, а практически направленным талантом человека. Вопреки наукам теологии, выступающих в качестве важнейших метафизических наук о душе, разуме, главной мотивацией и ее особенностях, философское учение является знанием настоящей природы действующих вещей, которые имеют причину. Кроме того, философия является знанием «естественных обстоятельств» и их оснований, ближайших, имеющих главенствующую природу, и ближайших отчужденных, которые имеют низкую природу.

Философы полагали, что Бог не произошел от чего-то, что предшествовало бы Его появлению. Сотворенный Богом материальный мир (бытие) не имеет начала, его создание находилось вне времени и он не отдален от Бога временем творения. Мир существует одновременно с Ним. Представители традиционализма склоняются к мнению, что Бога

невозможно описать и что-либо высказать о Нем. В понимании мистиков Бог является некой неопределенностью, а у традиционалистов существует строгое деление Бога и мира, который является Его творением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Хадж. Философские размышления / К.Ю. Аль-Хадж. –Бейрут, 1957. – С. 184.
2. Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. – М., 1963.
3. Коран / Пер. М.-Н. О. Османова. – М., 1995.
4. Крымский А. История новой арабской литературы / А.Е. Крымский. – М., 1971. – С.644.
5. Кутб С. В сени Корана / С. Кутб. - М., 2003.
6. Кутб С. Особенности исламского представления и его ценности / С. Кутб. – М., 1988.
7. Шариати Али. Человек и Ислам / Али Шариати. - Мешхед, 1955.

УДК 37

РОЛЬ ЛИЧНОСТНО СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ИНДИВИДА

Коркмазов А. В.

THE ROLE OF PERSONALITY IN THE SEMANTIC SPHERE IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL

Korkmazov A.V.

В статье раскрыта роль личностно-смысловой сферы в профессиональном развитии индивида; раскрыто понятие ценностно-смыслового отношения к профессии. Рассмотрены вопросы формирования системы личностно-смысловых, ценностно-смысловых ориентаций, а также переходы из одной смысложизненной ситуации в другую со всеми вытекающими последствиями.

The article reveals the role of the personal and semantic sphere in the professional development of the individual; the concept of the value-semantic attitude to the profession is revealed. Questions of formation of a system of personal-semantic, value-semantic orientations, as well as transitions from one meaningful situation to another with all the ensuing consequences.

Ключевые слова: личностно смысловая сфера, профессиональное становление, личностные ценности, личностный рост.

Keywords: personality, the semantic sphere, professional formation, personal values, personal growth.

Личностно смысловая сфера является наиболее вероятной основой для формирования компетентной личности будущего специалиста, способного принимать решения в нестандартных профессиональных ситуациях, так как способствует регуляции поведения индивида в правовом пространстве, формированию духовно-нравственного базиса, а также определению целевых установок, витальных ценностей.

Индивид, обладающий низким правовым сознанием, системой ценностей рассогласованной с общепризнанной в социуме, не осознавший смысл профессиональной деятельности, не сможет на должном уровне реализовывать себя как профессионал [6].

Активизация ценностного отношения, его формирование – процесс длительный и

многоаспектный, поэтому профессиональная подготовка – всего лишь один из этапов этого процесса. Ценностное отношение личности к профессии начинает формироваться в общеобразовательном учреждении, продолжает в среднем специальном учебном заведении (или в вузе) и формирование устоявшейся системы ценностей по отношению к профессионально деятельности происходит уже непосредственно на рабочем месте [5]. По мнению В.Э. Чудновского, процесс трансформации ценностно-смысловых ориентаций проходит через всю жизнь индивида, «вступая в сложные взаимодействия с возрастными особенностями и средовыми факторами»[9]. Это является следствием того, что формирование личностно смысловой сферы индивида является диахронным процессом.

Профессиональное становление характеризуется определёнными этапами, связанными со специфическими психофизиологическими и социально-психологическими особенностями, обеспечивающими успешное выполнение профессиональной деятельности, и напрямую связанными с поиском и нахождением личностного смысла в своей жизни, выбором своей профессиональной деятельности. Этот процесс заложен в самой человеческой природе, то есть является внутренней интенцией человека. Исследуя ценностно-смысловое отношение к профессии, Д.Н. Завалишина отмечает, что отношение старшеклассников к будущей профессии, как правило, характеризуется абстрактностью и романтичностью [2]. Абитуриенты, поступаая в высшие учебные заведения, в силу воспринятых ими положительно окрашенных социальных ценностей, имеют не всегда верные представления о сущности выбранной ими профессии, особенностях процесса обучения данной профессии, требованиях к будущей трудовой деятельности. С началом трудовой деятельности, по мнению Л.В. Шелеховой, характер ценностно-смыслового отношения индивида к профессиональной деятельности становится многовариативным, так как в процессе адаптации к профессии приходит осознание новых целей деятельности: овладение средствами деятельности и приложение реальных усилий по их формированию[13]. Это означает, что для субъекта период начала и завершения обучения соответствует переходу из одной смысло-жизненной ситуации в другую со всеми вытекающими последствиями: трансформацией сложившихся стереотипов, адаптацией к другим жизненным условиям, иной социокультурной среде, изменением социально-экономического статуса.

Согласно концепции Е.А. Климова, в процессе получения профессионального образования происходят внутренние и поведенческие перестройки индивида, что способствует его адаптацию к новым условиям жизнедеятельности [3]. Кроме того, обучения в вузе подразумевает единый вид деятельности (познание) и характер труда (учеба), общую цель обучения (получение высшего образования), возрастную и психологическую однородность, что обуславливает выделение студенчества в отдельную социальную группу. С целью раскрытия особенностей проявления личностно смысловой сферы в качестве регулятор профессионального становления будущего специалиста необходимо учитывать особенности студенческого возраста. На высшем уровне личность «самоопределяется по отношению к ходу в жизни в целом». Проведенный анализ ценностного аспекта отношения субъекта к жизни в целом, позволил автору утверждать, что «личностью разрешается противоречие, равное смыслу жизни, жизненно-мировоззренческого масштаба»[1]. Именно в рассматриваемый нами возрастной период активно формируется мировоззрение, предполагающее адаптацию личностных качеств к системе отношений и ценностей, присущей взрослым людям. Смысл жизни можно рассматривать именно как мировоззренческую проблему человеческого существования, решение которой позволяет осознать сущность индивида, его место в социуме, жизненное предназначение, что актуализируется в период поздней юности. В этой связи особое значение приобретает процесс становления личности в вузе, формирование системы личностных

смыслов, обладающих просоциальным, деонтологическим характером и предопределяющих профессиональную направленность как фактор личностного роста[7].

Личностно-смысловое отношение к конкретной профессиональной общности – это сложное интегративное образование, основывающееся не только на эмоциональном отношении к ней, но и на интеллектуальной оценке данной общности, которая соотносится с общепринятыми ценностями, потребностями и возможностями субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни. - М. Мысль, 1991.- 299 с.
2. Завалишина, Д.Н. Динамика ценностно-смыслового отношения субъекта к профессиональной деятельности // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни. - М., 2001. - С. 193–203.
3. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения. - М.: Академия, 2004. - 304 с.
4. Кон, И.С. Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности) /И.С. Кон. // Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. - М.: Просвещение, 1979. – 175 с.
5. Коркмазов, А.В. Категория «личностно-смысловая сфера» как психолого-педагогический феномен /А.В. Коркмазов//А сборнике: Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире. В сборнике статей Международной научно-практической конференции: в 2ч.-2017 С.240-243
6. Коркмазов А.В. Психолого-педагогические приемы формирования и развития системы личностных смыслов в образовательном процессе./А.В. Коркмазов// Проблемы современного педагогического образования. Серия: педагогика и психология. Сборник научных трудов. г. Ялта-2017 -№56 Т-10 С.253-265.
7. Нагоева М.А.Правовое воспитание среди несовершеннолетних/ М.А. Нагоева.//Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности материалы международной научно-практической конференции. под общей редакцией В.А. Сосова. 2017. с. 192-195.
8. Нагоева М.А. Соотношение оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности./М.А. Нагоева.//Теория и практика общественного развития. 2016. № 5. С. 86-88.
9. Чудновский, В.Э. Проблема становления смысложизненных ориентаций личности / В.Э. Чудновский // Психологический журнал-2004. - Т.25.-№6
10. Шамаев А.М. Профилактические мероприятия как эффективный способ противодействия экстремистским проявлениям // Шамаев А.М. / Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2016. №10-2. С. 205-208.
11. Шамаев А.М. Некоторые вопросы по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности на спортивно-массовых мероприятиях // Шамаев А.М. / Успехи современной науки и образования. 2016. Т.2. №9.
12. Шелехова, Л.В. Самопрезентация педагога-психолога как проявление профессиональной идентичности/Л.В.Шелехова. О.А. Седикова. // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Сб. статей: – Ялта: РИО ГПА, 2016. – Вып. 52. – Ч. 3. – с.389-396
13. Шелехова, Л.В. Функции личностно-смысловой сферы / Л.В.Шелехова, А.А.Панеш // Культурная жизнь Юга России –Краснодар: ООО «Просвещение-Юг». – 2012. – №3. – С. 21 – 23

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ УСТАНОВОК ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДНЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Лобейко Ю. А.

FORMATION OF MORAL INSTALLATIONS OF BEHAVIOUR AND ACTIVITY OF DIFFICULT STUDENTS

Lobeyko Yu. A.

В статье обосновывается, что формирование нравственного поведения у трудных обучающихся - одна из актуальных проблем теории и практики воспитания. По мнению автора, решение её предполагает блокирование негативных проявлений активности, переключение психической энергии на формирование готовности положительного самоутверждения в коллективе, выработку привычки к систематическому творческому труду на пользу обществу, пробуждение потребности в приобретении знаний, развитие инициативы, стремления к самоусовершенствованию. Речь идет о формировании общественной активности у трудных подростков.

It is proved in article that formation of moral behavior at difficult students - one of current problems of the theory and practice of education. According to the author, the decision assumes her blocking of negative manifestations of activity, switching of mental energy to formation of readiness of positive self-affirmation in collective, development of a habit to systematic creative activity on advantage to society, awakening of need for acquisition of knowledge, development of an initiative, aspiration to self-improvement. It is about formation of public activity at difficult teenagers.

Ключевые слова: личность, сознание, деятельность, общественная активность, воспитательный процесс

Keywords: personality, consciousness, activity, public activity, educational process

Поиск приёмов и средств, стимулирующих общественную активность в целях нравственного самоутверждения, имеет прямую связь с решением проблемы интенсификации и оптимизации воспитательного процесса. Проблемы развития стимулов общественной активности связаны с вопросами комплексного стимулирования, «к числу которых можно отнести содержание и организацию самой учебной и воспитательной деятельности» [4, С. 230-232]. Серьезное внимание уделяется здесь сущности ответной реакции обучающегося на внешние стимулы, условиям перерастания стимулов в мотивы. «При отборе содержания обучения необходимо учитывать как специфику содержания, так и методы его усвоения» [1, С. 9-12].

Основываясь на экспериментальных данных, можно предложить различные классификации стимулов. Одна из групп характеризуется как стимулы, определяющие установку на готовность к активной деятельности - познавательной или общественной. Создание установки, формирование готовности к активной деятельности здесь возможно в применении органически связанных между собой методов, комплекса побудителей, куда входят убеждение, пример, перспектива. Одновременно предлагается усложнение видов общественно-трудовой деятельности обучающихся. Но этот, в целом правильный подход к решению данной проблемы, не учитывает в своем комплексе всех возможных «аспектов ... влияния на телесный и информационный образы человека» [6, С. 37-40], как на личность обучающегося. Остается вне поля зрения неосознаваемая сфера психики, которая может играть существенную роль в формировании положительных установок при направленном внушающем воздействии, способствуя «формированию новой социальной реальности» [8, С. 64-68], определяющей «тенденцию устойчивости общества ... число управляемых и контролируемых общецивилизационных факторов» [7, С. 23-26], «необходимость поиска духовного смысла, «сверхидеи», способной объединить общество» [9, С. 57-61].

Особо важное значение это имеет в процессе перевоспитания трудных

обучающихся, так как в силу их психологических особенностей применение комплекса вышеназванных побудителей нередко наталкивается на глухую стену непонимания, непринятия предъявляемых требований.

Педагогическая практика показывает - отклонения эти настолько серьезны, что при их наличии обучающийся теряет необходимый контакт с педагогом и коллективом, педагогическое воздействие подчас им не воспринимается, он становится неуправляемым. Подростком, как правило, движут в данный момент отрицательно направленные побудительные силы, способствующие созданию и наращиванию негативных установок. Встает вопрос о поисках путей, средств, способов, позволяющих мобилизовать побудительные силы, дать им правильное направление, создавая на их основе нравственные установки, влияющие на формирование мотивационной сферы.

Один из путей создания нравственных установок поведения и деятельности в направленном воздействии на неосознаваемую сферу психики трудных подростков. Исследования в данном направлении позволяют установить педагогическую эффективность и целесообразность применения педагогического внушения как средства воспитательного воздействия в целях формирования нравственных установок поведения и деятельности.

Рассмотрим характер отклонений, являющихся первопричиной образования у трудных подростков некоторых форм отрицательного отношения к общественной активности и сознательной дисциплинированности. В практике перевоспитания нередко встречаются ситуации, когда прямое убеждение не дает положительного результата - подростки остаются глухими к доводам и разъяснениям.

В одних случаях обучающиеся выслушивают педагогов и, оставаясь при своем мнении, неохотно, формально выполняют требования, в других - отвергают их. Данное явление было изучено психологами и условно определено как смысловой барьер [3]. Сущность его заключается в том, что обучающийся не видит для себя необходимости принимать внутренне, лично те или иные требования (например, активно участвовать в жизни общеобразовательного учреждения), так как не находит в этом удовлетворения. «Ребенок хорошо понимает то, чего от него требуется, и даже понимает объективную справедливость этих требований, но они являются настолько чуждыми его собственным переживаниям и стремлениям, что остаются для него лишены коренного смысла» [3, с. 17].

Явление смыслового барьера необходимо рассматривать как глубокий конфликт подростка с окружающей средой, играющий существенную роль в формировании определенной системы его отношений.

Как правило, он возникает на почве разных оценок тех требований, которые предъявляются обучающемуся. Те, кто представляет требования, вкладывают в них определенные понятия. Те, кому они предъявляются, в силу разных причин оценивают их иначе.

Чаще всего такие конфликты возникают в отношениях педагогов с трудновоспитуемыми обучающимися. Известно, что нравственная сфера педагогически запущенных подростков изобилует искаженными моральными понятиями о добре, зле, справедливости, чести, достоинстве. Требования, предъявляемые подростку, он, в силу неправильного понимания им некоторых моральных категорий, считает несправедливым или обидным. У трудного подростка происходит неадекватная реакция на требование. Она влечет за собой неадекватное требование поведение. Возникает ситуация, когда воспитатель и воспитанник не понимают друг друга, то есть налицо «смысловой барьер» - серьезная преграда на пути к дальнейшему воспитанию.

Психологический барьер, возникший в условиях определенной ситуации по причине неправильно воспринятого требования и проявляющихся в немотивированном отклонении требований и в других, сходных ситуациях, можно назвать ситуативным смысловым барьером. Сложившаяся ситуация определяет и его возникновение, и его

проявление. Другой вид смыслового барьера проявляется в том, что обучающимся отвергаются необходимые жизненно важные требования по причине непонимания их общественного смысла. Лично для себя он считает их совершенно незначимыми. Причины его возникновения психологи видят в неправильном воспитании, когда для выполнения требования не подготовлена психологическая почва. Данное явление тесно связано с педагогической запущенностью. Оно находится в прямой связи с узостью духовных интересов трудных подростков, с искаженным восприятием некоторых моральных понятий, с отсутствием осознанной критичности по отношению к себе и своему поведению. Несформированность нравственного идеала влечет за собой пренебрежение к интересам общества. Потребительские интересы, которыми руководствуются в повседневной жизни педагогически запущенные обучающиеся, приносят им немедленное, осязаемое удовлетворение. Выполнение требований значимости, таких, как быть активным членом общества, хорошо учиться, трудиться на общую пользу, при наличии педагогической запущенности требует затраты труда и времени. В результате обучающийся в перспективе может получить моральное удовлетворение, до осознанности которого трудный подросток еще не поднялся. Он психологически не готов к этому, в силу чего данные требования лично им не принимаются.

Но трудные подростки живут и учатся в коллективе, где требования общественной ценности предъявляются постоянно. В результате возникает не просто временная конфликтная ситуация, а складывается система взглядов и отношений к требованиям, которые они не хотят принимать всерьез, так как они им чужды. Требования выполняются либо формально, либо игнорируются, иногда отношение к ним выражается в форме протеста.

Такой вид смыслового барьера очень устойчив, он проявляется постоянно во всем поведении подростка, во всех его отношениях, и выражает внутреннюю позицию обучающегося по данному вопросу.

Известно, что внутренняя позиция играет в формировании мотивов поведения существенную роль, определяя ее как совокупность отношений, сложившихся в определенную систему. Внутренняя позиция «не всегда осознаваема, она нередко выступает в форме непосредственных переживаний» [3, с. 10].

Именно к этой форме следует отнести смысловой барьер к определенному виду деятельности. По характеру проявления его можно назвать устойчивым.

Возникшие смысловые барьеры порождают негативное отношение к тем, кто предъявил требование. Оно может переноситься в другие сходные ситуации, на других людей и даже на другие требования. Может сформироваться система негативного отношения ко всем, кто в сходных ситуациях предъявляет такие же или похожие требования. В конечном счете негативное отношение может перейти на сам процесс деятельности, в связи с которой обучающемуся были предъявлены требования.

Понятие отрицательного отношения неизмеримо шире понятия смыслового барьера. Сам психологический барьер нередко является источником его возникновения. Как показывает воспитательная практика, преодоление отрицательного отношения к требованиям значительно затрудняется, если в основе его лежит смысловой барьер. Нередко в основе отрицательного отношения лежит проявление негативизма.

Термин негативизм (от латинского слова *negō* - отрицаю) перенесен в педагогику из медицины и означает немотивированное и неразумное сопротивление ребенка воздействию на него со стороны окружающих людей. Различают две формы негативизма: пассивный, выражающийся в немотивированном отказе от выполнения требуемого действия; активный, когда ребенок выполняет действия, противоположные тем, которые от него требуют. Негативизм может проявляться эпизодически, возникая при наличии одного из фазовых состояний коры головного мозга, так называемой ультрапарадоксальной фазы, или путем индукционного торможения коры под влиянием резкого возбуждения в подкорковых центрах.

Однако он может быть и устойчивым, проявляющимся уже как черта характера. Такая форма негативизма является следствием неправильного воспитания. В период проявления негативизма обычные словесные воздействия не дают эффекта, они не воспринимаются ребенком и даже могут дать реакцию, обратную требованию.

Негативное отношение с характерным проявлением негативизма - это отрицание предъявленных требований независимо от их содержания и ситуации, неосознанное стремление постоянно поступать вопреки чужой воле. Систематическое проявление указанных реакций может сложиться в устойчивые условно-рефлекторные связи, способствующие формированию отрицательных качеств личности.

Очевидно, преодоление негативного отношения следует начинать с ликвидации самих явлений смысловых барьеров и негативизма.

Педагогическая практика свидетельствует, что негативизм в поведении обучающихся преодолевается также с большим трудом. Когда же имеем дело с педагогически запущенными подростками, для которых характерны устойчивые формы негативизма, ликвидация его становится делом особо сложным. Убеждения, разъяснения, предоставление других средств для самоутверждения, к сожалению, не дают результата. В силу негативизма подросток просто отвергает их, убедить его в обратном почти невозможно.

Причина неуспеха заключается в том, что все известные приёмы и методы, направленные на ликвидацию данных отклонений в нравственном поведении обучающихся, обращены в основном к их сознанию. Природа же этих психологических образований такова, что они не поддаются вербальному воздействию, адресованному только к интеллекту.

Воспитательный эффект в преодолении данных отклонений можно получить путем педагогического воздействия на неосознаваемую сферу психики обучающихся с помощью психорегулирующей тренировки. Специфика этих занятий позволяет миновать излишнюю, необоснованную критичность трудных подростков и через неосознаваемое, активизируя психику, «позволяющей эффективно отражать особенности социальной динамики» [2, С. 95-100], влиять в целом на «сознание человека, тесно связанное с ... формами социальной деятельности» [5, С. 27-30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкина Ю. С., Морозова Т. П. Психолого-педагогическая готовность выпускника педагогического вуза к включению в профессиональную деятельность // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2017. - №3. - С. 9-12.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.
3. Божович Л.И. Отношение школьников к учению как психологическая проблема. Известия АПН РСФСР. Вып. 36. - М.: АПН РСФСР, 1951. - С. 3-28.
4. Говердовская Е. В., Мкртычева Н. М. Организация воспитательного пространства современного вуза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 9. - С. 230-232.
5. Гончаров В. Н. Социальная концепция информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2011. - №6-2. - С. 27-30.
6. Камалова О.Н., Джиеова Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - №1. - С. 37-40.
7. Колосова О. Ю. Глобализация культурных процессов: синергетический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - №2. - С. 23-26.

8. Лукьянов Г. И. Трансформационные процессы в современном российском обществе как отражение динамики новой социальной реальности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2017. - №4. - С. 64-68.

9. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Проект модернизации - европейский соблазн // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. - 2011. - № 2. - С. 57-61.

УДК 37

ОСОЗНАНИЕ ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ГРУППЕ СВЕРСТНИКОВ

Морозова Т. П.

AWARENESS OF THE ADVANCED PRESCHOOL AGE OF RELATIONSHIP BY CHILDREN IN GROUP OF PEERS

Morozova T. P.

В статье обосновывается, что проблеме взаимоотношений ребенка со сверстниками в настоящее время посвящено много исследований. По мнению автора, это не случайное явление, так как в современной отечественной педагогике и психологии детский коллектив рассматривается как элемент социальной структуры общества, как та его ячейка, в которой и через которую общество целенаправленно решает задачи, связанные с формированием нового человека.

It is proved in article that many researches are devoted to a problem of relationship of the child with peers now. According to the author, it not the casual phenomenon as in modern domestic pedagogics and psychology the children's collective is considered as an element of social structure of society, as that his cell in which and through which society purposefully solves the problems connected with formation of the new person.

Ключевые слова: личность, межличностные отношения, эмоциональное состояние, нравственные чувства, психологическая изоляция

Keywords: personality, interpersonal relations, emotional state, moral senses, psychological isolation

Исследователи, которые занимаются проблемами межличностных отношений, с уверенностью говорят о том, что дошкольные группы имеют уже все признаки первичного коллектива, но выраженного в специфической форме. Эти межличностные отношения, определяются «сложным взаимодействием различных видов социальной коммуникации» [1, С. 95-100] «тесно связаны с ... формами социальной деятельности» [2, С. 27-30], обеспечивают «единство взаимодействия всех подсистем» [5, С. 124-128], «формирование новой социальной реальности» [8, С. 64-68], «обеспечивают максимальное взаимодействие социальных условий» [7, С. 143-147], оказывают огромное влияние на формирование личности. «Особое внимание отводится анализу чувственной сферы человека» [3, С. 127-133], что «способствует процессам коренного изменения ... культурно-цивилизационной картины мира» [6, С. 5-7].

Действительно, дошкольной группе в той или иной степени присущи все особенности малой группы. Так, она является официальной или формальной группой, то есть имеет предписанные сверху цели и характер деятельности. Далее в старших группах начинает складываться система деловых отношений (А. С. Макаренко назвал ее системой ответственной зависимости). Исследования Я. Л. Коломинского, К. Я. Вольцис и других психологов говорят о том, что система деловых отношений возникает прежде всего в ходе ролевой игры. В. Г. Нечаева, Т. А. Маркова, Р. Н. Жуковская, Л. А. Пенъевская отмечают, что уже в старших группах детского сада отношения детей основаны не только на личных симпатиях, но и на отношениях, связанных с выполнением заданий, которые дает взрослый. Дети должны совместными усилиями выполнить задания, в нужный момент

прийти на помощь друг другу, указать на ошибку товарища, объективно оценить свою работу и работу другого. Все это подтверждает вывод о зарождении в дошкольной группе системы деловых отношений.

Для ребенка важно, какое положение он занимает в группе сверстников. От этого зависит его эмоциональное состояние, развитие нравственных чувств. Не меньшее значение имеет и то, как осознает он свое положение, какие переживания вызывает у него это осознание. Для изучения вопроса об осознании старшими дошкольниками своего положения в группе сверстников и взаимоотношений с другими детьми существует специальная методика.

Изучение осуществляется в несколько этапов. На первом этапе была применяется социометрическая методика, предложенная Я. Л. Коломинским. Детям предлагается подарить по три переводные картинки товарищам по группе. Затем проводится «выбор товарища для игры». Следует отметить, что в этом эксперименте детям предлагаются для выбора фотографии всех испытуемых, так как дошкольникам трудно бывает сделать вербальный выбор, не видя перед собой группу.

При этом получается довольно объективная картина положения каждого ребенка в коллективе. Осознание своего положения в группе сверстников является важным фактором создания эмоционального равновесия ребенка. Если он достаточно точно осознает свое благополучное положение, то у него создаются все предпосылки для хорошего эмоционального самочувствия. То же самое можно сказать и о детях, которые занимают плохое положение, но не осознают этого. Они тоже довольно часто чувствуют себя благополучно.

Те же мальчики и девочки, которые осознают свое плохое положение или считают его хуже, чем оно есть на самом деле, испытывают чувство тревожности, недовольства собой. Эмоциональное благополучие ребенка в коллективе во всех возрастах зависит от социометрического статуса. Однако эта связь не прямая и не однозначная, она опосредуется наличием взаимных симпатий и характером осознания своего положения [4].

При проведении социометрических экспериментов детям задаются вопрос «Как ты думаешь, кто выберет тебя?». Ответы на этот вопрос позволяют также определить точность осознания ребенком отношений со стороны членов группы. Более половины старших дошкольников ожидают выборов намного больше, чем получили их на самом деле. Примечательно, что большинство этих детей занимают неблагоприятное положение в коллективе. Те же, кто чувствует себя довольно спокойно в среде сверстников, пользуется симпатиями многих из них, склонны к недооцениванию своего положения в системе личных взаимоотношений. Как отмечают психологи, таким детям не приходится задумываться о своем положении, чаще всего они называют нескольких сверстников, с которыми их связывают особо дружеские отношения. Совсем небольшой процент испытуемых оценивает свое положение адекватно. Наиболее точно дети осознают взаимные отношения.

На следующем этапе исследования необходимо стремиться уточнить осознание детьми своего положения и выяснить, как они ориентируются во взаимоотношениях в группе сверстников. Для этой цели используется аутосоциометрический эксперимент. Он заключается в следующем. Предварительно собирают фотографии всех детей группы и наклеивают их на маленькие квадраты из плотной бумаги. Перед ребенком кладут четыре большие картинки с изображением дворца, пряничного домика, избы, избушки. Эксперимент проводится строго индивидуально, чтобы на ребенка не могло повлиять мнение других членов группы. Испытуемому предлагают разложить фотографии следующим образом: во дворец поместить тех детей, которых любят очень многие; в пряничный домик - тех, кого любят немного меньше; кого любят совсем немногие - в избу, кого же совсем никто не любит - в избушку. Собственную фотографию также необходимо положить на одну из картинок. Данные аутосоциометрического эксперимента можно рассматривать по следующим

параметрам:

Во-первых, какова оценка ребенком своего положения в группе, то есть воображаемый статус. Так, если ребенок положил свою фотографию на первую картинку, считается, что он отнес себя к I статусной группе, если на вторую картинку - ко II и так далее;

Во-вторых, точность определения ребенком взаимоотношений в группе сверстников (если сравнить реальную статусную структуру группы с предложенной каждым ребенком статусной структурой);

В-третьих, социометрическую установку каждого члена группы. Если более половины фотографий ребенок положил во дворец и пряничный домик, считается, что он проявил центростремительную установку, то есть положение большинства группы оценивает как благополучное. Если же половину детей испытуемый отнес к III и IV группам, то он проявил центробежную установку. Те дети, которые положили на первую и вторую картинки столько же фотографий, сколько на третью и четвертую, проявили нейтральную установку.

Аутосоциометрический эксперимент еще раз подтверждает выявление другими методиками особенности осознания детьми своих взаимоотношений. Большинство детей дошкольного возраста относит себя к I и II статусным группам, то есть обнаруживают высокий уровень притязаний в области личных взаимоотношений. Лишь немногие дети (около пятой части) отнесут себя к III группе и всего десятая часть - к IV группе. Дети, занимающие благоприятное положение в коллективе, чаще проявляют центростремительную установку, то есть выражают эмоционально-положительное отношение к сверстникам. Большинство детей, которые находятся в неблагоприятных психологических условиях, проявляют центробежную установку, общая оценка группы у них ниже, чем у первых.

Анализ точности определения ребенком взаимоотношений в группе сверстников показывает, что дошкольники довольно субъективно судят о положении других детей в группе. Так, можно заметить, что если один ребенок положительно относится к другому, то представляет его положение гораздо лучше, чем оно есть на самом деле. И наоборот, если он не любит кого-нибудь, то относит его к низким статусным группам. Это еще раз подтверждает предположение о том, что взаимоотношения дошкольников носят непосредственный, эмоциональный характер. Дошкольнику трудно выделить в личности человека положительные и отрицательные черты. Он выделяет то, что импонирует ему или, наоборот, то, что ему не нравится и от этого отталкивается в оценке личности в целом.

Для уточнения этого положения проводится следующий эксперимент. Детям предлагается оценить качества личности членов группы. При оценке друзей испытуемые, как правило, называют только положительные качества, не отмечая ни одного отрицательного. При оценке же тех, к кому ребенок не испытывает симпатии, он называет только отрицательные качества.

На следующем этапе изучения осознания дошкольниками взаимоотношений в группе сверстников используется комплексную методику, которая состоит из десяти вариантов.

1) Ребенку предлагают рисунок, на котором изображена комната для занятий (расставленные столы). Необходимо положить фотографии детей на те столы, за которыми, по мнению испытуемого, захочет сидеть каждый. С кем захочет сидеть сам испытуемый и кто захочет сидеть с ним? Где разместил он тех, кого выбрал в предыдущих экспериментах? Тщательно записываются мотивировки испытуемых.

2) На рисунке ребенку предлагается разместить детей вокруг воспитателя, который читает книгу. Есть несколько мест рядом с воспитателем, два места в стороне и одно место отдельно. Куда положит ребенок свою фотографию, кого поместит рядом с собой, а кого на отдельные места? Ответы на эти вопросы дают материал, который уточняет данные, полученные в социометрических и аутосоциометрических экспериментах.

3) На рисунке изображена космическая ракета, в которой четыре места. Ребенку объясняют задачу: «Ты командир космического корабля. Подбери себе экипаж из трех человек. Вы полетите очень далеко. Почему ты выбрал этих ребят?» Интересно сравнить данные этого эксперимента с результатами эксперимента выбор товарища для игры. Как влияют новые условия задания на выбор партнеров? Кроме того, предлагается проверить полученные данные в экспериментальной игре «Космический корабль», то есть предлагается выбрать эки-

паж для конкретной игры. Такие варианты одного и того же критерия позволяют получить достаточно надежные и достоверные социометрические данные, сделать выводы об устойчивости отношений старших дошкольников. Затем ребенку предлагают составить экипаж за других членов группы, то есть проводится своего рода аутосоциометрический эксперимент. В результате обработки полученных данных выясняется, насколько верно дошкольники ориентируются в отношениях между членами группы. Затем используется серия картинок, работу по которым можно отнести к проективной методике.

4) На первой картинке изображены дети, играющие на площадке: в центре группа из четырех ребят, двое играют с одной стороны, один ребенок - с другой. Испытуемому предлагается указать, где бы он находился в такой ситуации. Для облегчения задачи группа из четырех человек помечена I, из двух - II, один человек - III. Ребенку предлагается распределить местонахождение и других детей (аналогичное распределение предлагается испытуемым и в следующих двух вариантах). Полученные данные можно сравнить с данными одномоментных срезов структуры группы в свободном общении (методика Т. А. Репиной), при котором изучается реальное общение детей между собой. Кроме того, эти данные позволяют выявить детей, которые, по мнению большинства, часто играют в одиночестве, а также определить наиболее стабильные группировки.

5) На второй картинке изображена такая ситуация: трое детей дерутся, двое стоят в стороне и не обращают на них внимания; один убегает от дерущихся; другой наблюдает со стороны; третий жалуется воспитателю. Ребенку предлагается указать свое место в данной ситуации и определить места других детей, то есть задание дает возможность выяснить, кому из детей, по мнению испытуемого, наиболее присущ определенный тип поведения.

6) На третьем рисунке - дети на прогулке в парке. Один расположился возле воспитателя, другие играют группками или в одиночку. Где поместит испытуемый себя? Обработка данных аналогична предыдущим.

7) Ребенку задают вопрос «Ты разбил чашку, но никто не видел. Кому ты расскажешь об этом: а) кому-либо из детей (кому именно), б) воспитателю, в) никому?»

8) «Если бы ты переехал жить в другой город, о ком бы ты скучал больше всего: а) о ком-либо из детей (о ком именно), б) о воспитателе, в) ни о ком?»

Ответы на эти вопросы помогают выяснить эмоциональное отношение дошкольника к воспитателю, к детям, узнать, есть ли у ребенка близкие друзья, доверяет ли он воспитателю.

И наконец, задаются вопросы позволят определить возможное поведение ребенка в конфликтных ситуациях.

1) «Тебя кто-то толкнул. Что будешь делать: а) плакать, б) жаловаться, в) ударишь его, г) сделаешь замечание, д) ничего не скажешь?».

2) «Кто-то взял твою игрушку без разрешения. Что будешь делать: а) плакать, б) жаловаться, в) попытаешься отобрать, г) скажешь, что так нельзя делать, д) ничего не скажешь?».

Возможные ответы делятся на несколько категорий. Так, первые два ответа можно отнести к пассивно-отрицательному типу поведения, третий - к активно-отрицательному, четвертый - к положительному и последний - к индифферентному. Полученные данные предлагается сравнить с реальными актами поведения детей в конфликтных ситуациях.

В заключении можно сделать некоторые предварительные выводы. Старшим дошкольникам вполне доступна оценка некоторых нравственных качеств сверстников, хотя общую характеристику личности они не всегда могут дать справедливую.

Дошкольники, занимающие благоприятное положение в группе, чаще проявляют положительное отношение к сверстникам, общая оценка группы у них намного выше, чем у детей, которые находятся в неблагоприятных психологических условиях. Это указывает на необходимость работы педагога по выявлению детей, оказавшихся в своеобразной психологической изоляции, выяснению причин данного явления и, главное, по оптимизации детских взаимоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. – С. 95-100.
2. Гончаров В. Н. Социальная концепция информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2011. - №6-2. - С. 27-30.
3. Камалова О. Н. Становление и развитие неклассических подходов понимания интуиции в первой половине XX века // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 4. - С. 127-133.
4. Кисловская В. Р. Школьник среди сверстников и взрослых. - Алма-Ата: Мектеп, 1975. - 40 с.
5. Колосова О. Ю., Говердовская Е. В. Системный подход как принцип экологической направленности подготовки современного преподавателя // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 124-128.
6. Несмеянов Е.Е., Колосова О.Ю. Информационная культура в контексте глобальных процессов // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2014. - № 3. - С. 5-7.
7. Лобейко Ю. А., Говердовская Е. В. Психолого-педагогический аспект развития личности студента-спортсмена в контексте современных социальных условий // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 143-147.
8. Лукьянов Г. И. Трансформационные процессы в современном российском обществе как отражение динамики новой социальной реальности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2017. - №4. - С. 64-68.

УДК 37

ПОДГОТОВКА НАГЛЯДНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО МАТЕРИАЛА СТУДЕНТАМИ НА КАФЕДРЕ ФАРМАКОГНОЗИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Попов И.В., Попова О.И.

PREPARATION OF VISUAL INFORMATION MATERIAL FOR STUDENTS AT THE DEPARTMENT OF PHARMACOGNOSY AS AN ELEMENT OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE

Popov I.V., Popova O.I.

В статье представлены современные методологические способы и методы подготовки наглядного информационного материала студентами совместно с преподавателями, необходимые для формирования у будущих специалистов-провизоров профессиональных компетенций. Описанные виды наглядного информационного материала имеют четкую практическую ориентацию, необходимую для подготовки конкурентоспособного специалиста на рынке труда.

The article presents current methodological techniques and methods of preparing illustrative information material by students, together with teachers, necessary for the formation of future specialists-pharmacists' professional competencies. Describes the types of visual information material have a clear practical orientation needed to prepare competitive specialists in the labor market.

Ключевые слова: обучение, демонстрационный материал профессиональные компетенции, провизор.

Keywords: training, demonstration material, professional competencies, pharmacist.

В настоящее время в системе образования приоритетными становятся развивающие технологии обучения, рассчитанные на совершенствование личности, как обучающегося так и педагога. Поэтому одной из важнейших задач, рациональное и результативное решение которой требует от преподавателей высшего учебного заведения знания творческих технологий обучения, является развитие мышления [2].

Одной из мотиваций создания федерального государственного образовательного стандарта третьего поколения стала цель готовить и выпускать не только профессионально подкованных, но и нестандартно мыслящих специалистов, способных решать любые поставленные перед ними задачи [10]. В результате освоения программы обучения в фармацевтическом вузе молодые люди должны научиться думать, анализировать, сопоставлять, выделять главное, проявлять инициативу в получении знаний [1].

Цель исследования. Определить, научно обосновать, интегрировать и внедрить инновационные педагогические технологии при подготовке наглядного информационного и практического материала студентами фармацевтического профиля, обеспечивающие продуктивную учебную деятельность как элемент формирования общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Материалы и методы исследования. Теоретический анализ научно-методической литературы по теме исследования и обобщение педагогического опыта работы кафедры фармакогнозии, прямое и косвенное наблюдение. Педагогический эксперимент, включающий разработку наглядного информационного и практического материала, электронных учебно-методических комплексов (гербарий) и организацию учебного процесса. Статистические методы при проверке исходного уровня знаний (входной контроль) студентов, анализ их рейтинга за время обучения, оценка качества образовательных услуг.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ теоретического материала показал, что сама жизнь требует изменений образования от принципа «дать знания», нужно перейти к принципу «научить получить необходимые знания и умения». Для достижения этого результата необходима собственная деятельность обучающегося, его индивидуальное усилие по овладению знаниями, навыками и умениями [11].

Известно, что методы обучения – это средства совместной работы студентов и преподавателей, нацеленные на решение задач обучения. По источникам знаний используются словесные (устные и печатные материалы), наглядные (предметы, явления) и практические методы (получение знаний, умений и навыков при выполнении практических действий). Словесные методы педагога включают лекции, беседы, дискуссии, круглые столы, семинары [9].

Эффективное усвоение большого объема теоретического материала по фармакогнозии (1,5 года обучения) невозможно без использования элементов адаптационной системы обучения. Поэтому в качестве средств, облегчающих студентам усвоение материала, преподаватели подготавливают совместно со студентами схемы и опорные сигналы, основанные на феномене идентификации словесного образа и текста (общепринятые научные понятия, ключевые слова, формулы, графики, рисунки). Обязательными для восприятия данного материала являются элементы эмоционально яркого содержания мультимедийных презентаций. Они позволяют преподавателям повысить качество обучения предмету, воплощают в жизнь принцип наглядности.

Учебные средства самостоятельного конструирования в виде слайдов, включающих модуль учебных занятий (своеобразную дорожную карту его проведения), с использованием конкретных операционно-содержательных блоков, например, по большой теме «Лекарственные растения и сырье, содержащие эфирные масла», помогают студентам составить определенный алгоритм решения ряда проблем, проявить самостоятельность и ответственность в формировании профессиональных компетенций. Самостоятельная подготовка наглядного информационного материала служит своеобразным мостиком между теорией и практикой, формирует поведенческий алгоритм

конкурентоспособного на рынке труда специалиста, способного к эффективной работе по специальности, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности [8].

Одним из элементов формирования профессиональных компетенций на занятиях по фармакогнозии является самостоятельная работа студента на занятии. В процессе обучения студент готовит микропрепараты из лекарственного растительного сырья (ЛРС), работает с микроскопом, учится находить диагностические признаки в микропрепарате (микроскопический метод анализа сырья).

Также важную роль в обучении студента выполняют постоянные микропрепараты. К изготовлению постоянных микропрепаратов для кафедры фармакогнозии привлекаются студенты, в том числе студенты, являющиеся членами студенческого научного общества (СНО) кафедры фармакогнозии. В процессе изготовления постоянных микропрепаратов студенты получают навыки для дальнейшей научно-практической деятельности необходимой для качественного выполнения выпускной квалификационной работы (ВКР). Работа над ВКР – это не только сбор и обработка информации, но и комплекс собственных лабораторных исследований.

Неотъемлемой частью в формировании профессиональных компетенций провизора является летняя практика по фармакогнозии [3].

За время практики студенты не только знакомятся с лекарственными растениями, произрастающими как в дикой природе, так и в культуре (в частности в ботаническом саду Пятигорского медико-фармацевтического института). На практике студенты самостоятельно заготавливают гербарные образцы лекарственных растений и проводят заготовку образцов сырья необходимого для учебных занятий [4].

Самостоятельная заготовка студентами гербарных образцов и сырья лекарственных растений дает возможность намного глубже познать предмет фармакогнозии, формируя у будущего провизора разносторонние знания о лекарственных растениях, возможность самому делать выводы о подлинности ЛРС и его доброкачественности [5].

Качественно подготовленные гербарные образцы составляют неоценимый фонд кафедры фармакогнозии ПМФИ, который может использоваться для целей обучения, научных исследований, обеспечивая единство учебно-воспитательного процесса [6]. Использование гербария в учебном процессе способствует повышению научного уровня обучения, стимулирует глубокое освоение материала, повышает интерес к предмету, способствует интеграции знаний различных областей науки [7].

Еще одним элементом, формирующим профессиональные компетенции, является проведение научных конференций в вузе. В рамках проведения конференции допускаются как устные доклады, так и стендовые, однако большинство студентов изъявляют желание выступать с устным докладом. Традиционные устные доклады всегда сопровождается красочными мультимедийными презентациями, которые студенты подготавливают сами. Мультимедийные презентации и ресурсы сети Интернет, позволяют четко систематизировать и структурировать материал доклада.

Многие подготовленные студентами презентации становятся элементами публикаций в различных научных журналах, включаются целыми разделами в ВКР, служат вдохновением для мотивации других студентов к участию в СНО. Ведь есть студенты, придя на кафедру фармакогнозии на 3 курсе, не расстаются с ней до конца 5 курса, и даже, закончив вуз и получив диплом, изъявляют желание поступить в аспирантуру, чтобы продолжить свои научные исследования.

Заключение. Таким образом, набор подготовленного наглядно-информационного и практического материала силами студентов совместно с преподавателями способствует реализации принципа наглядности в обучении, значительно увеличивает доступность объяснений, что может помочь студентам реализовать творческий потенциал.

Создание нового и необходимого своими руками и «мозгами» способствует развитию мышления, самореализации и саморазвитию важнейших элементов при

формировании профессиональных компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Говердовская Е.В., Димидова М.А. Подготовка преподавателей медико-фармацевтического института к освоению и использованию образовательных инноваций // Фармацевтические науки от теории к практике: заочная научно-практическая конференция с международным участием. – 2016. – С. 221-222.
2. Лопухина М.Г. Компетентностный подход в преподавании биологии на факультете профориентации и довузовской подготовки // Инновации в образовании и медицине. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Махачкала, 2017. – Т.1. – С. 146-149.
3. Попов И.В. Изучение трудозатрат при заготовке лекарственного растительного сырья // Вестник пермской государственной фармацевтической академии, 2010. – № 7. – С. 160-163.
4. Попов И.В. Основные логистические операции в управлении материальным потоком лекарственного растительного сырья // Разработка, исследование и маркетинг новой фармацевтической продукции, Пятигорск, 2012. – С. 497-498.
5. Попов И.В., Попова О.И. Основные направления социально-гигиенического мониторинга при заготовке лекарственного растительного сырья на современном этапе // Новая аптека, 2011. – № 9-1. – С. 15-17.
6. Попов И.В., Попова О.И. Определение размеров склада хранения лекарственного растительного сырья на основе логистики // Новая аптека, 2011. – № 8-1. – С. 42-45.
7. Попов И.В., Попова О.И. Управление качеством процесса приемки лекарственного растительного сырья на складе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2011. – Т. 13, № 1-8. – С. 2031-2033.
8. Попова О.И. Компетентностно-ориентированные задания в обучении студентов дисциплины «Фармакогнозия» // Развитие и достижения в учебно-методическом обеспечении образовательной деятельности, 2015. – С. 171-180.
9. Ратникова Л.И., Шип С.А., Мисевич Н.Д. Лекции в медицинском вузе – нужны ли они студентам? // Педагогика высшей школы. 2016. № 1 (4). С. 100-104.
10. Федеральный закон от 29.12.2012г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.01.2017)».
11. Хаджиева З.Д., Никитина Н.В., Лежнева Л.П., Темирбулатова А.М. Направления совершенствования контроля учебной деятельности студентов и оценки их знаний // Современные проблемы науки и образования, 2015. – № 4. – С. 547.

УДК 37

ПРИЧИНЫ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ СРЕДИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Сафин Н. М.

REASONS FOR EXTREMIST STATEMENTS AMONG COURSANETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS MIA OF RUSSIA

Safin N. M.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью противодействия экстремистским проявлениям, как одной из главных проблем развития человеческой цивилизации. Цель статьи – выяснить причины экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД

России. На основе гипотетико-дедуктивного метода и экспертных опросов выявлены объективные и субъективные причины экстремистских проявлений среди курсантов, включающие общую и специальную составляющие. Основные результаты исследования состоят в научном обосновании сущности программ антиэкстремистского воспитания, как целенаправленного процесса профилактики и коррекции деструктивного поведения, а также формирования устойчивой направленности на уважение чести и достоинства каждого человека и гражданина, готовности к соблюдению и защите их прав и свобод, установки на антиэкстремистскую бдительность.

The relevance of the article is conditioned by the need to counteract extremist manifestations as one of the main problems of the development of human civilization. The purpose of the article is to find out the reasons for the extremist manifestations among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Based on the hypothetical-deductive method and expert interviews, objective and subjective causes of extremist manifestations among cadets, including general and special components, were revealed. The main results of the research consist in the scientific substantiation of the essence of anti-extremist education programs as a purposeful process of prevention and correction of destructive behavior, as well as in the formation of a sustained attention to respect for the honor and dignity of each person, anti-extremist vigilance.

Ключевые слова: антиэкстремистское воспитание, антиэкстремистская бдительность, толерантность молодежи, социально-экономическая незащищенность молодежи, особенности возрастного развития личности в молодости, противоречия в ценностях современной молодежи, индивидуальные особенности личности, профессионально-нравственная деформация сотрудников полиции

Keywords: anti-extremist education, anti-extremist vigilance, tolerance, socio-economic insecurity of young people, features of the age-related evolution of the individual, contradictions in the values of modern youth, individual personality characteristics, professional and moral deformation of police officers.

Необходимость профилактики экстремистских проявлений превратилась в начале XXI века в одну из главных проблем развития человеческой цивилизации [13]. Понятия «экстремистские проявления», «экстремистская деятельность», «экстремизм» сопряжены, но не идентичны. Экстремизм - негативный социальный феномен, сущность которого состоит в приверженности наиболее радикальным идеологиям, основанным на нетерпимости к принципам конституционного строя, охраняемым государством демократическим правам и свободам человека и гражданина, а также готовности к их пропаганде и реализации активными насильственными методами. Экстремистская деятельность – правовая категория для обозначения противоправных деяний экстремистской направленности, создающих реальную угрозу общественной безопасности и общественному порядку, обуславливающих социальную напряженность, а также посягающих на конституционные права и свободы граждан. Сущность экстремистских проявлений состоит в общественно опасных и противоправных деяниях, подрывающих идеи равноправия граждан, независимо от их социальной, идеологической, политической, расовой, национальной, религиозной принадлежности, и оказывающих деструктивное влияние на развитие общества [16]. Выяснено, что наиболее распространенные формы экстремистских проявлений составляют: 1) создание экстремистских организаций и попытки участия их лидеров или членов в выборах государственных органов власти различных уровней или муниципальных органов управления; 2) проведение несанкционированных общественно-политических акций, 3) распространение печатной, аудио- и видеопродукции и 4) совершение преступлений с целью разжигания социальной, национальной и религиозной вражды, дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. Выяснено, что причины экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД России обусловлены совокупностью объективных и субъективных причин. В каждой совокупности можно выделить общую и специальную составляющие (см. Таблицу 1).

Причины экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД России

Причины составляющие	Объективные	Субъективные
Общая	распространение радикальной идеологии; низкий уровень толерантности молодежи; недостаточное внимание государственной власти к социально-экономической защищенности молодежи, нормативно правовому обеспечению профилактики экстремизма	особенности возрастного развития личности в молодости; противоречия в ценностях современной молодежи; индивидуальные особенности личности
Специальная	отсутствие программ антиэкстремистского воспитания курсантов образовательных организаций МВД России	профессионально-нравственная деформация сотрудников органов внутренних дел

Из таблицы 1 видно, что общая составляющая объективных причин экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД России включает распространение радикальной идеологии; низкий уровень толерантности молодежи; социально-экономическую незащищенность молодежи; недостаточное внимание государственной власти к нормативно правовому обеспечению профилактики экстремизма.

Распространение радикальной идеологии способствует инспирированию экстремизма среди молодежи, мобилизации значительных ресурсов молодежи для проведения масштабных акций экстремистского характера. Радикализм рассматривается как стремление к решительным методам и действиям. Радикальная идеология обосновывает необходимость коренных общественных и политических изменений, выводящих за пределы официальной системы. Основные методы распространения радикальной идеологии составляют: размещение информационных материалов (книг, брошюр, аудио- и видеоматериалов, видеообращений) в сети Интернет; создание специальных сайтов, содержащих материалы экстремистской направленности; создание специализированных сайтов общения (чатов, форумов); использование акций воздействия флэш-моб [11].

Низкий уровень толерантности молодежи обусловлен рядом причин. Во-первых, деструктивным информационным воздействием на данную возрастную группу, следствием которого в условиях социального расслоения могут стать повышенная агрессивность в молодежной среде, национальная и религиозная нетерпимость, а также социальное напряжение в обществе, распространение коррупции [12]. Во-вторых, недостаточным внедрением социокультурных программ, направленных на укрепление социального, межнационального и межконфессионального согласия в молодежной среде [10]. В-третьих, негативным влиянием внешней миграции, как нерегулируемым

передвижением миллионных масс населения, разрушающим этническую однородность, половозрастной состав, социальную стабильность, обуславливающим межнациональную и межконфессиональную напряжённость, рост преступности в регионе [20]. Низкий уровень толерантности молодежи является благодатной почвой для пропагандистских лозунгов различных экстремистских элементов с целью разжигания ксенофобии, межнациональной розни и т.д. Важнейшая цель воспитания толерантности в молодежной среде состоит в утверждении ценности человеческого достоинства и неприкосновенности каждой человеческой личности с учетом культурных и психологических факторов [21]. Исключительно силовые методы противодействия экстремизму малоэффективны, нужно следовать путем убеждения и пропаганды умеренных, толерантных ценностей, исторически сложившихся в нашем обществе [9].

Социально-экономическая защищенность личности – основа самореализации. Недостаточное внимание государства к социально-экономической защищенности молодежи проявляется в усилении поляризации социальных групп молодежи мегаполисов и провинциальных поселений; имущественном расслоении среди молодежи, росте безработицы; недоступности качественного высшего образования [14]. Социально-экономическая незащищенность молодежи ведет к пассивности, отрешенности, пессимизму, антисоциальной направленности, протесту, преступным действиям, экстремизму. В молодежной среде наиболее распространены политический, националистический, религиозный формы экстремизма. На взаимовыгодной основе распространяется взаимодействие лидеров экстремистских группировок, а также их консолидация с радикальными политическими организациями для увеличения электоральной базы, ресурсного обеспечения. Выяснено, что в ряде регионов страны истинной причиной, так называемых межнациональных и межконфессиональных конфликтов, становятся экономические интересы, в том числе по переделу собственности и сфер теневого бизнеса. Учитывая вышесказанное, главным результатом реализации государственной молодежной политики должно стать улучшение социально-экономического положения молодежи и увеличение степени ее вовлеченности в социально-экономическую жизнь страны, совершенствование деятельности отраслевых образовательных кластеров [17; 19].

Недостаточное внимание государственной власти к нормативно правовому обеспечению профилактики экстремизма проявляется в имеющихся коллизиях в нормах права. Например, повышенная общественная опасность экстремизма обуславливает необходимость закрепления ответственности за несообщение о таком преступлении. Учитывая, что субъект данного преступления общий, то реализация данных правовых мер будет способствовать повышению информированности органов внутренних дел и позволит своевременно реагировать на факты проявления экстремизма, в том числе и в среде мигрантов.

Общая составляющая субъективных причин экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД России включает особенности возрастного развития личности в молодости, противоречия в ценностях современной молодежи, индивидуальные особенности личности.

Особенности возрастного развития личности в молодости составляют: 1) поиск идентичности, характеризующийся, с одной стороны, стремлением к самопознанию, формированием Я-концепции, открытостью к общению, с другой стороны, сосредоточением на своих интересах, чувствах, потребностях и неприятием чужих стремлений и эмоций, неспособностью (нежеланием) рассматривать иную, нежели собственную, точку зрения как заслуживающую внимания (эгоцентрическая доминанта) [4, С. 6-37]; 2) творческая активность, проявляющаяся, с одной стороны, в дивергентном мышлении, развитии интеллектуальных способностей, умении формулировать эвристические гипотезы, с другой стороны, в конфликтных отношениях с окружающей средой, отсутствии удовлетворенности ею и поиске нового, установке на обширные

масштабы, которые субъективно более приемлемы, чем ближние (доминанта дали) [6, С. 433-456]; 3) мотивация достижения, связанная, с одной стороны, со стремлением к успеху, признанию, самоутверждению, а также избегания неудач, с другой стороны, с тягой к неизведанному, рискованному, приключениям (доминанта романтики), а также сопротивлению, преодолению, волевым напряжениям, проявляющимся в упрямстве, хулиганстве, борьбе против воспитательского авторитета, протесте (доминанта усилия) [5, С. 16-21]. Особенности возрастного развития личности в молодости позволяют сказать, что экстремистские проявления имманентно присущи поведению молодежи. Еще Б.Г. Ананьев отмечал, что наступление зрелости человека (физической зрелости) и личности (гражданской зрелости) не совпадают по времени (гетерохрония) [1]. Характерные для молодежи эгоцентрическая доминанта, доминанты дали, романтики, усилия могут привести к протестному поведению (молодежным «взрывам»), проявляющемуся в стихийных массовых движениях и сопровождающемуся немотивированной жестокостью; игнорированию общепринятых социальных норм и ценностей; формированию комплекса авторитарной личности, склонной к агрессивному поведению.

Противоречия в ценностях современной молодежи обусловлены современным анонимным состоянием российского общества. Аномия обуславливает циничное и безответственное отношение молодежи к закону, игнорирование требований общественной морали, дезориентацию в выборе жизненного пути, пренебрежение нравственными ценностями, распространение ксенофобии. Выявлены следующие противоречия в ценностях современной молодежи между: здоровым образом жизни и наркоманией; активной гражданской позицией и социальной инфантильностью; интернационализмом и шовинизмом; юридической грамотностью и правовым нигилизмом; гражданским согласием и культом насилия [18]. У молодежи, воспитанной в традиционной культуре, противоречия в ценностях формируются на ментальном уровне, между культурными стереотипами восприятия и осмысления мира и осознаваемой реальностью. В сознании молодежи повышается роль неформальных, межличностных отношений, утверждается связанное с этим противоречивое отношение к институтам социального контроля. Заметно усиливается аполитичность, сочетающаяся с нарастающим негативизмом, социальным протестом. На этой почве и растет влияние экстремизма на молодежь. Противоречия в ценностях современной молодежи обуславливают интерес деструктивных сил общества к этой возрастной группе населения, формирование антиобщественных установок. Изначально хулиганские, граничащие с преступлениями, деяния, становятся основой экстремистских проявлений. Недостаточный опыт социальной адаптации молодежи, влияет на ценности, предпочтительные образцы поведения, оценки социального взаимодействия. Молодежь вовлекают в экстремистские группировки для участия в нарушениях общественного порядка, убийствах людей иных национальностей или вероисповедания за деньги, но чаще за сомнительные ценности и лозунги. Это обуславливает организацию антиэкстремистской среды в образовательных организациях [15].

Индивидуальные особенности личности представляют собой определенное системное образование, которое характеризует ее как субъекта социальной реальности. Выявлены следующие структурообразующие компоненты индивидуальных особенностей личности: 1) психосоматический (темперамент, задатки, физические особенности), характеризующий динамическую и эмоциональную стороны поведения; 2) социальный (способности, волевые качества, виды мотивационных образований), определяющий поведение в изменяющихся внешних условиях; 3) рефлексивно-ситуационный (характер), выражающий основную жизненную направленность и проявляющийся в своеобразном образе действий. Выяснено, что индивидуальные особенности личности обуславливают ее взаимодействие с окружающей средой, влияют на социальную адаптацию, активность,

сензитивность, эмоциональность, впечатлительность, импульсивность, мотивацию, саморегуляцию [7, С. 199-204; 8, С. 27-42].

Именно индивидуальные особенности обуславливают развитие таких качеств личности, как внушаемость, максимализм, подражание, фанатизм, составляющих основу экстремистских проявлений среди молодежи. Внушаемость, как степень восприимчивости к внушению, определяет субъективную готовность подвергнуться и подчиниться внушающему воздействию. Примером может быть вовлечение молодежи в неформальные объединения экстремистской направленности (байкеры, военно-спортивные клубы, металлисты, панки, хиппи, др.), участвующих в разбоях, грабежах, распространении наркотиков, вандализме. Максимализм обуславливает формирование готовности к использованию «крайних» средств (выходящих за рамки общепризнанных моральных и правовых норм) для достижения целей. С.Н. Булгаков в работе «Героизм и подвижничество» рассматривая максимализм как качество личности, писал, что в каждом максималисте сидит такой маленький Наполеон от социализма или анархизма [2, IV, С. 49]. Для современной молодёжи свойственна психология максимализма, которая должным образом является основой для агрессивности и экстремизма. Подражание подразумевает следование какому-либо примеру, внешнюю идентификацию со значимой личностью, группой. Фанатизм создает основу для усвоения идей, придающих смысл жизни (сверхценных, сверхзначимых) и формирования готовности жертвовать во имя этих идей собственной жизнью и жизнями других людей. Фанатично настроенная личность наиболее оптимальная кандидатура для совершения экстремистских действий.

Специальная составляющая объективных причин экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД России включает отсутствие специально ориентированных на них программ антиэкстремистского воспитания. Антиэкстремистское воспитание – одна из составляющих воспитательной работы с курсантами образовательных организациях МВД России. Еще в 2009 году в коллективном труде сотрудников образовательных организаций МВД России под редакцией В.Я. Кикотя было представлено научно-педагогическое обоснование недостаточной эффективности организации воспитательной работы с курсантами [3, С. 46-52, 87-101]. Конечно, со времени издания книги прошло немало лет. Однако, сделанные в ней выводы не потеряли своей актуальности: «недостатки в организации воспитательной работы с личным составом рассматриваются руководством МВД как причины многих проблем в оперативно-служебной деятельности: участвовавших случаев невнимательного реагирования сотрудников на сообщения и заявления граждан о совершении преступлений, ..., противоправных действий, снижения уровня доверия населения к государственным органам власти...» [3, С. 9-10].

Установлены следующие взаимосвязи между организацией воспитательной работы с курсантами образовательных организациях МВД России и принципами деятельности полиции (Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О полиции», статьи 5-11): 1) эффективность деятельности полиции по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств повышается при условии включения в содержание воспитательной работы с курсантами антиэкстремистской составляющей; 2) оптимизация соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина в процессе оперативно-служебной деятельности усиливается при условии профилактики и коррекции деструктивного поведения курсантов, а также формирования установки на антиэкстремистскую бдительность.

Сущность антиэкстремистского воспитания курсантов образовательных организаций МВД России отражает целенаправленный процесс профилактики и коррекции деструктивного поведения, а также формирования устойчивой направленности на уважение чести и достоинства каждого человека и гражданина (независимо от пола,

расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям), готовности к соблюдению и защите их прав и свобод, установки на антиэкстремистскую бдительность.

В содержании антиэкстремистского воспитания можно выделить несколько компонентов: 1) знаниевый, предусматривающий формирование целостного представления об экстремизме, экстремистской деятельности, экстремистских проявлениях; правах и свободах человека и гражданина, социально-культурных различиях; законности как общественном благе; а также знание нормативно-правовых актов в сфере противодействия экстремизму, экстремистской деятельности, экстремистским проявлениям и форм и методов их распространения; 2) мотивационный, включающий осознание ценности демократии, общественной безопасности, чести и достоинства каждого человека и гражданина, а также необходимости противодействия экстремизму, экстремистской деятельности, экстремистским проявлениям; 3) деятельностный, объединяющий умения и навыки толерантного поведения, социального и профессионального взаимодействия с учетом этнокультурных и конфессиональных различий; готовность к соблюдению и защите прав и свобод каждого человека и гражданина.

Специальная составляющая субъективных причин экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД России сопряжена с профессионально-нравственной деформацией сотрудников органов внутренних дел. Профессионально-нравственная деформация представляет собой негативное изменение правовых ориентиров и девальвацию нравственных ценностей у сотрудников органов внутренних дел под воздействием условий и опыта профессиональной деятельности, проявляющееся в искаженном отношении к служебному долгу и дискредитирующее их моральный облик [3, С. 164-170]. Выявлены признаки профессионально-нравственной деформации: 1) субъективный, проявляющийся в стойкой завышенной самооценке, сопровождающейся пренебрежительным отношением к представителям других профессий; болезненной реакции на критику или контроль, проверке своей деятельности; преувеличении собственного опыта, включающего презумпцию своей непогрешимости; излишней самоуверенности; 2) служебный, охватывающий злоупотребление властью (грубость к гражданам, унижение их достоинства, неоправданное применение силовых методов, спецсредств и оружия, цинизм); предвзятое отношение к объекту служебной деятельности; обвинительный уклон (установка) или презумпция первичной вины объекта; абсолютизацию карательных-принудительных мер и убеждение в их универсальной эффективности; неприменение властных полномочий в обязывающих случаях; неразборчивость в средствах; использование запрещенных способов деятельности; 3) компетентностный, объединяющий формально-бюрократические методы руководства (бездушные, высокомерие, властность, замкнутость, волокита, халатность); терпимость к нарушениям служебной дисциплины и фактам невыполнения служебного долга; субъективное толкование законопослушного поведения и нормативной регламентации служебной деятельности; разглашение служебной тайны; формализм и упрощенчество при оформлении документации; фальсификацию доказательств, документов; нарушения процессуального кодекса, Правил дорожного движения, не вызванных служебной необходимостью; факты коррупции; 4) бытовой, включающий сращивание с преступным миром, перенос элементов криминальной субкультуры на службу и быт; личное установление недозволенных связей или их поощрение; перенесение деталей служебного общения и профессиональных приемов деятельности на внеслужебные сферы (властно-командный тон, жаргон, речевые штампы, ненормативная лексика, неуместное обращение к профессиональному юмору); 5) этический, характеризующийся нравственной распущенностью, выражающейся в пьянстве, употреблении наркотиков бытовом разложении, аморальных поступках, следовании

двойным моральным стандартам; утратой чувствительности к горю, равнодушием к человеческой беде.

Выяснено, что профессионально-нравственной деформации подвержены не только опытные сотрудники органов внутренних дел, но и курсанты, только начинающие службу в полиции. Для курсантов начало службы сопряжено с большими физическим и эмоционально-психологическими перегрузками, стрессами, взаимодействием с представителями криминальной среды и аморальными личностями и т.п. В совокупности с индивидуальными и возрастными особенностями, противоречиями в ценностях, служба в полиции уже на начальном этапе может привести к профессионально-нравственной деформации. Выяснено, что профессионально-нравственная деформация и экстремистские проявления среди курсантов образовательных организаций МВД России сопряжены друг с другом (см. таблицу 2).

Таблица 2

Сопряженность профессионально-нравственной деформации и экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД России

признаки профессионально-нравственной деформации	экстремистские проявления среди курсантов
субъектный	пренебрежительное отношение к представителям других этносов или конфессий; использование «этнических кличек»
служебный	оскорбление, нанесенное гражданину по поводу его этнической или конфессиональной принадлежности, или продемонстрированное к этим качествам неуважение; грубость, применение силовых методов в отношении задержанных по национальным или религиозным мотивам
компетентностный	правовой нигилизм, проявляющийся в пренебрежительном отношении к принципу равноправия граждан перед законом
бытовой	посещение сайтов, пропагандирующих экстремистскую идеологию; личное установление недозволённых связей
этический	не уважение к этноконфессиональным правам человека; двусмысленные, некорректные высказывания

Из таблицы 2 видно, что профессионально-нравственная деформация может привести к искаженному (деформированному) восприятию объекта профессиональной деятельности (неразборчивому отношению к людям). Это актуализирует необходимость профилактики экстремистских проявлений среди курсантов образовательных организаций МВД России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. - М.: Наука, 1977. - 379 с.
2. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. - М.: Грифон, 1999. <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (дата обращения 12.01.2018).
3. Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации / Под общ. ред. д.п.н., д.ю.н., профессора В.Я. Кикотя. - М.: ЦОКР МВД РФ, 2009. - 480 с.

4. Выготский Л.С. Педология подростка // Собрание сочинений: в 6 т. / Т.4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. - М.: Педагогика, 1984. - 432 с. http://elib.gnpbu.ru/text/vygotsky_ss-v-6tt_t4_1984/go,6;fs,1/ (дата обращения 12.01.2018).
5. Гамезо М.В., Герасимова В.С., Горелова Г.Г., Орлова Л.М. Возрастная психология: Личность от молодости до старости. - М.: Педагогическое общество России, Издательский дом «Ноосфера», 1999. - 272 с.
6. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / под редакцией Матюшкина А.М. - М.: Прогресс, 1965. - 534 с. http://www.practicalthinking.narod.ru/psy_of_thinking_matushkin.pdf (дата обращения 12.01.2018).
7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. - СПб.: Питер, 2000. - 512 с.
8. Конопкин О. Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2005. - №1. - С. 27-42.
9. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б. Информационно-психологическая безопасность личности: философский аспект // Общество: философия, история, культура. - 2014. - № 1. - С. 11-16.
10. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б. Селективная поддержка развития региональной сферы профессиональных образовательных услуг // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. - 2013. - № 2-2. - С. 316-319.
11. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б., Стуколова Л.З. Информационно-психологическая безопасность личности: сущностная характеристика // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 1. - С. 21.
12. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б., Терентьева И.В., Юсупова Э.А. Научно-методическое обеспечение повышения эффективности антикоррупционной политики в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. - 2013. - № 6. - С.337.
13. Национальный антитеррористический комитет <http://nac.gov.ru/> (дата обращения 12.01.2018).
14. Пугачева Н.Б., Лунев А.Н., Стуколова Л.З. Перспективные направления исследований профессионального образования как общественно значимого блага и достоинства личности // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 1. - С. 91.
15. Пугачева Н.Б., Судденкова Н.В., Татарина И.П. Сущностная характеристика инновационной образовательной среды // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2012. - № 1. - С. 64-71.
16. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 N Пр-2753) <http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/> (дата обращения: 11.01.2018).
17. Татарина И.П., Шевцова В.В., Лунев А.Н. Экономические механизмы создания и эффективного развития отраслевых кластеров // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2012. - № 2. - С. 204-210.
18. Askhadullina N.N., Grigoriev A.P., Mozhaev E.L., Pachikova L.P., Lunev A.N. Organization of health-saving environment of the university // Modern Journal of Language Teaching Methods. - 2017. - Vol. 7. - Issue 6. - P. 133-144.
19. Lunev A.N., Pugacheva N.B., Stukolova L.Z. Socially oriented regional economic space as an instrument in managing the development of service sector // Актуальні проблеми економіки. - 2014. - Т. 155. - № 5. - С. 247.
20. Pugacheva A.S., Filippova V.P., Kon A.Y., Dorzhieva L.B., Silchenok I.S., Pugacheva N.B., Lunev A.N., Mustafina A.A. Market Regulators of Service Spheres Innovative Development as a Tool of Regional Socio-Economic Policy // International Review of Management and Marketing. - 2016. - Т. 6.- № 2S. - P. 294-300.

21. Terentyeva I.V., Pugacheva N.B., Lunev A.N., Korshunova O.V., Selivanova O.G. Management of the formation of general cultural competence of the university students // Modern Journal of Language Teaching Methods. – 2017. - Vol. 7. - Issue 6. - P. 11-20.

УДК 37

АНАЛИЗ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ ОСЕТИН МЕТОДОМ Е.Б.ФАНТАЛОВОЙ

Султанова З.В., Сиукаева Е.Г.

ANALYSIS OF AXIOLOGICAL SPHERE OF SOUTH AND NORTH OSSETIANS BY THE METHOD OF E. B. PENTALOFOS

Sultanova Z.V., Siukaeva E.G.

В статье рассматриваются вопросы расхождения между обычаями и традициями осетинской части населения, проживающие в Республике Южная Осетия и Республики Северная Осетия–Алания. По мнению выдающих психологов, традиционные ценности являются базовыми психологическими характеристиками, влияющими на регуляцию жизнедеятельности личности и связывающие их социальной культурой. Анализируются иерархии значимых и достижимых ценностей, а также противоречия между ними. Выявлены наиболее проблемные сферы жизни в Республике Южная и Северная Осетия.

In the article are examined questions of the divergence between customs and traditions of the ossetic part of the population, that live into the states Of alaniya – republic South Osetia and the republics North Osetia -Alaniya in the opinion of the psychologists of value they are the base psychological characteristics, which influence the regulation of the vital activity of personality and connecting with their social culture. Are analyzed the hierarchies of the significant and accessible values, and also the contradiction between them. Are revealed the most problematic spheres of life into the states Of alaniya – republic South Osetia and in the republic North Osetia -Alaniya.

Ключевые слова. Государство, Южная Осетия, северная, осетин, значимый, ценность, противоречия, внутренний, конфликт, метод, методология, анализ, теория, жизнь, стратегия, психология, мотивационно-личностный, приоритет, познание.

Keywords. State, South Osetia, northern, osetin, meant, value, contradictions, internal, conflict, method, methodology, analysis, theory, life, strategy, psychology, is motivational -lichnostniy, priority, the knowledge.

Анализ ценностной сферы в данном исследовании проводится в контексте изучения психологических особенностей осуществления собственной жизни современными осетинами. По мнению ряда психологов ценности являются базовыми психологическими характеристиками, влияющими на регуляцию жизнедеятельности личности и связывающие их с социальной культурой [1].

В предыдущих исследованиях мы изучали ценности осетин посредством теоретического и методологического подхода Ш. Шварца [5]. Диагностический инструмент израильского исследователя, явился источником ценнейшей информации о стратегических жизненных целях и общих мировоззренческих ориентирах современных осетин [4].

Наряду с тем, мы задались вопросом, насколько представители этнической общности позволяют себе «приблизиться» к тому, что ценят. Иначе выражаясь, о разнице между ценностью и ее достижимостью. В этой связи для нас авторитетной явилась методика Е.Б. Фанталовой [7].

Автор основывается на дифференциации ценностей Милтона Рокича, определяющей отношение личности к окружающему миру, к другим людям, к самому себе. Выделив терминальные ценности, касающиеся целей индивидуального

существования, Елена Борисовна разработала процедуры, диагностирующие расхождения между значимостью ценности и ее доступностью [6]. Данная методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» (УСЦД) использована нами в исследовании. В зависимости от степени выраженности, расхождения квалифицируются как «внутренний конфликт», «внутренний вакуум» или «нейтральная зона» [2]. Перечисленные теоретические положения и практические наработки способны значительно обогатить представления о ценностной сфере осетин. Инструмент позволил раскрыть внутренние конфликты, выявить их локализацию и выраженность в мотивационно-личностной сфере по всему списку ценностей у представителей осетинской этнической общности [3].

Выборку, отвечающей условиям репрезентативности, в нашем исследовании составили 371 человек. Из них 172 – осетины (южные), проживающие в г.Цхинвал, и 199 – осетины (северные), проживающие в г.Владикавказ.

В таблицах 1 и 2 представлены приоритеты «значимых» ценностей у северных и южных осетин.

Таблица1

Значимые ценности в РСО-Алания	<i>Средний бал (из 11 возможных)</i>
Счастливая семейная жизнь	9,6
Здоровье	8,3
Любовь	7,2
Друзья верные хорошие	7
Материально-обеспеченная жизнь	6,4
Уверенность в себе	6
Свобода как независимость	5,4
Интересная работа	4,6
Познание	4,2
Активная деятельная жизнь	3,2
Творчество	1,9
Красота природы искусства	1,8

Таблица2

Значимые ценности в РЮО	<i>Средний бал (из 11 возможных)</i>
Счастливая семейная жизнь	9,4
Здоровье	8,5
Любовь	7
Друзья верные хорошие	6,6
Материально-обеспеченная жизнь	6,4
Уверенность в себе	6,4
Свобода как независимость	4,7
Интересная работа	4,4
Познание	4,3
Активная деятельная жизнь	3,4
Красота природы искусства	2,4
Творчество	2,4

Как видно из таблиц, значительно превосходит все остальные и является наиболее значимой - и на севере, и на юге **счастливая семейная жизнь**. Иерархия указанных ценностей в обеих половинках этноса практически идентична. Существенны различия в авторитетности красоты природы и искусства (при $p=0,02$). Для южан эта тема важнее, северяне меньше уделяют внимание эстетике. Напомним, что указанные расхождения отражают наименее актуальную ценность для осетин. Кроме того, южане сегодня реже задаются вопросами свободы как независимости в поступках и действиях (при $p=0,01$). На севере они чаще находят отклик.

Насколько осетины приближены к обретению рассмотренных «значимых» ценностей и реализации своих возможностей, своего «Я» в условиях такого обретения показывают таблицы 3 и 4.

Таблица 3

ЦЕННОСТИ ДОСТИЖИМЫЕ В РСО- Алания	Средний бал (из 11 возможных)
Счастливая семейная жизнь	6,6
Друзья верные хорошие	6,3
Уверенность в себе	6,2
Любовь	6,1
Здоровье	5,8
Свобода как независимость	5,8
Познание	5,6
Интересная работа	5,3
Красота природы искусства	5,0
Активная деятельная жизнь	5
Материально- обеспеченная жизнь	4,1
Творчество	3,7

Таблица 4

ЦЕННОСТИ ДОСТИЖИМЫЕ В РЮО	Средний бал (из 11 возможн ых)
Счастливая семейная жизнь	7,4
Любовь	6,4
Уверенность себе	6,3
Друзья верные хорошие	6
Свобода как не зависимость	5,7
Познание	5,6
Активная деятельная жизнь	5,4
Здоровье	5,1
Интересная работа	4,9
Красота природы искусства	4,9
Материально- обеспеченная жизнь	4,3
Творчество	3,6

Таблицу рангов достижимых приоритетов на севере и на юге, как и в случае со «значимыми», возглавляет счастливая семейная жизнь. На первый взгляд, кажущаяся гармония в ценности и достижимости счастливой семейной жизни на севере сопровождаются наибольшими из встречающихся, вообще у осетин, расхождений - в 3 балла. В масштабах большой социальной группы, приближение среднего к верхней границе нормы заставляет насторожиться. Несмотря на то, что 3 включена в «нейтральную зону», она приближена к верхней границе в 4 бала, соседствующей с внутренним конфликтом. Это значит, что во Владикавказе присутствует тенденция, ценить счастливую семейную жизнь, но при этом считать ее труднодостижимой. В Цхинвале внутреннее разногласие во взгляде на семейную счастливую жизнь встречаются значимо реже (при $p=0,03$) Здесь выявлены расхождения в 2 балла.

Обсуждаемые противоречия уточняют данные, изложенные в табл.5 и 6. Так тема счастливой семейной жизни является самой проблемной в Северной Осетии. Неудовлетворенность текущей жизненной ситуацией, блокада основных потребностей, внутреннего дискомфорта, внутренней конфликтности в сфере семейной жизни свойственно 36,7 % опрошенных. Из них всего 0,8% испытывают *внутренний вакуум*, переживаемый как состояние внутреннего опустошения, снижения побуждений, ощущение «избыточности присутствия». Большая часть же находится в состоянии *внутреннего конфликта*, характеризующегося разрывом между потребностью в

достижении внутренне значимых ценностных объектов и возможностью такого достижения в реальности. На юге подобное состояние свойственно 19,5 %. Это статистически менее ощутимо для субэтноса (при $p = 0,03$).

Таблица 5

Ценности	Противоречия в Северной Осетии
Счастливая семейная жизнь	36,7%
Здоровье	31,3%
Красоты природы и искусства	29,7%
Материально обеспеченная жизнь	27,4%
Творчество	26,5%
Любовь	20,3%
Познание	19,6%
Активная деятельная жизнь	18%
Свобода как независимость в поступках и действиях	16,5%
Наличие хороших друзей	12,5%
Уверенность в себе	12,5%
Интересная работа	11,7%

Таблица 6

Ценности	Противоречия в Южной Осетии
Здоровье	42,6%
Красоты природы и искусства	24,8%
Материально обеспеченная жизнь	23%
Активная деятельная жизнь	21,7%
Творчество	21,5%
Счастливая семейная жизнь	19,5%
Познание	15,9%
Свобода как независимость в поступках и действиях	13,3%
Наличие хороших друзей	10,7%
Интересная работа	10,4%
Любовь	8,9%
Уверенность в себе	8,8%

Для цхинвальцев же наиболее конфликтогенной ценностью является здоровье. Опустошение и снижение побуждений о здоровье присуще 2,6% горожан. Остальная часть - 40% испытывают разрыв между потребностью в здоровье и возможностью его достижения в реальности. Для них характерна, неудовлетворенность своим здоровьем в данный момент жизни, блокада потребности в его гармонизации. Можно полагать, что в Южной Осетии очень остро стоит проблема удовлетворения потребности в оздоровлении.

Иерархию внутри ценностных конфликтов среди осетин в целом возглавляют здоровье (34,%), счастливая семейная жизнь (28,2%) и материально-обеспеченная жизнь (24,1%). Конфликтные противоречия в остальных сферах для этнической общности не существенны.

Состояние опустошения, снижения побуждений, ощущение избыточности присутствия, то есть «внутренний вакуум» осетины склонны испытывать в таких сферах жизни как: красота природы и искусства (27,4%), творчество (20,4%), активная деятельная жизнь (17,7%) и познание (16,6). В остальных сферах жизни внутри ценностная пустота слабо проявлена. Как видим, состояние вакуума характерно для наименее значимых

ценностей жизни.

Изложенные положения позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Иерархии значимых ценностей у южных и северных осетин практически идентичны.

2. Наиболее значимой, и на севере и на юге является ценность счастливой семейной жизни.

3. Осетины, в целом, более всего неудовлетворены здоровьем, счастливой семейной жизнью и материальным обеспечением жизни. Эти сферы являются наиболее конфликтными.

4. Ценность счастливой семейной жизни является для северных осетин наиболее конфликтной. То есть треть из них ее высоко ценят, но зачастую считают труднодостижимой в реальности.

5. У южных осетин противоречий в ценности счастливой семейной жизни гораздо меньше, чем у северян.

6. В Южной Осетии наиболее конфликтогенной является ценность здоровья. Для 40% южных осетин удовлетворение потребности в оздоровлении является труднодостижимым.

7. На юге и севере Осетии вопросы материальной обеспеченности относятся к числу наиболее острых.

8. Южные осетины в настоящее время реже задаются вопросами свободы как независимости в поступках и действиях, чем северяне, для которых эта тема актуальней.

9. Менее всего осетины, в особенности северные, нуждаются в удовлетворении потребности в красоте природы и искусства.

10. На сегодняшний день для осетин менее всего актуальны области жизни, связанные с творчеством, активной деятельной жизнью и познанием.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ и МОНРЮО «Психологические детерминанты жизнедеятельности современных осетин», проект № 16-26-13003.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деева Н.А. Рефлексивные механизмы переживания кризиса и изменение ценностно-смысловой сферы: дисс. на соискуч ст. канд.психол наук : 19.00.01 — общая психология, психология личности/Деева Н.А. —Омск:Гос.пед.ун-т, 2005. - 187 с.

2. Джагаева Т.Е. Профессиональная этика педагога в межэтнической среде Материалы XI Международной Российско-Американской научно - практической конференции РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 2009 – С.45-50.

3. Джагаева Т.Е. Формирование межнациональной компетенции детей в условиях национального региона. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2011, №3, С. 57-61.

4. Братусь Б.С. Аномалии личности. –М.: Мысль, 1988г.-301 с.

5. Султанова З.В. Исследование ценностей северных и южных осетин методом Ш.Шварца // Материалы 29-международной конференции «Актуальные проблемы в современной науке и пути их решения». -N8 (29), ч.2.-Москва, 2016 г. С 65-71.

6. Султанова З.В., Сиукаева А.Г., Газзаева – Супрунова Н.М., Газзаева М.З.. Возрастные особенности восприятия жизни южными осетинами // Исследование и проектирование в социальной работе: материалы V заочной Международной научно-практической конференции –Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – С.184-190.

7. Фанталова Е. Б. «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах»: психометрическое исследование показателей. Методика //

УДК 37

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНО ОБУЧАЮЩЕГО КОМПЛЕКСА ДЛЯ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ

Халметов Т. А.

REASONS FOR EXTREMIST STATEMENTS AMONG COURSEWORKERS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS MIA OF RUSSIA

Khalmetov T. A.

Актуальность статьи обусловлена внедрением в учебный процесс мультимедийных обучающих комплексов. Цель статьи – дать характеристику модели проектирования и реализации мультимедийного обучающего комплекса. На основе гипотетико-дедуктивного метода и экспертных опросов выявлены дидактические стратегии, формы, методы проектирования и реализации мультимедийного обучающего комплекса. Основные результаты исследования состоят в научном обосновании дидактических стратегий (экспериментальной, контекстной, интерактивной, connectivism), как педагогического сценария управления развитием учебного процесса, обеспечивающего надежность овладения обучающимися знаниями, умениями, навыками и формирования компетенций; диалектической взаимосвязи дидактических стратегий, форм и методов обучения, обуславливающей вариантность устойчивого взаимодействия субъектов преподавания и учения; взаимосвязь образного, действенного, понятийного мышления; открытость учебного процесса и актуализацию его результатов.

The relevance of the article is due to the introduction of multimedia training systems into the educational process. The purpose of the article is to characterize the model of designing and implementing a multimedia training complex. Based on the hypothetical-deductive method and expert surveys, didactic strategies, forms, methods of designing and implementing a multimedia training complex were revealed. The main results of the research consist in the scientific substantiation of didactic strategies (experimental, contextual, interactive, connectivism), as a pedagogical scenario for managing the development of the learning process, ensuring the reliability of mastering students' knowledge, skills, competences; the dialectical relationship of didactic strategies, forms and methods of instruction determines the interaction of its subjects; interrelation of figurative, effective, conceptual thinking; openness of the educational process and actualization of its results.

Ключевые слова: мультимедийно обучающий комплекс, дидактические стратегии, педагогический сценарий, управление учебным процессом, педагогическое управление, педагогическое взаимодействие, педагогическое моделирование.

Keywords: multimedia teaching complex, didactic strategies, pedagogical scenario, educational process management, pedagogical management, pedagogical interaction, pedagogical modeling.

В известной книге Уильяма Эшби «Введение в кибернетику» отмечается, что использование модели может принести пользу: модель помогает исследователю думать о данном предмете либо действует в качестве аналогового устройства [17, С. 157]. Педагогическое моделирование, как метод научного познания, выполняет две основные функции: 1) теоретическую, позволяющую установить взаимосвязи между структурообразующими компонентами предмета исследования и спрогнозировать его развитие [16, С. 133]; 2) практическую, направленную на создание оптимальных концепций развития предмета исследования [1, С. 304]. В исследовании процесса обучения модель, во-первых, выступает как важнейшее средство наглядного представления взаимосвязей его структурообразующих компонентов, позволяющее находить оптимальные инструменты учебного процесса, исходя из поставленной цели [1, С. 279, 304]. Во-вторых, модель указывает упорядоченное направление потоков учебного материала, их операционное значение в решении конкретных задач обучения, совершенствовании интеллекта обучающихся и формировании мотивации получения образования в течение всей жизни [8, С. 132].

Дороти Ли Сэйерс, английская писательница первой половины XX века в произведении «Утерянные инструменты обучения», писала, что умея преподавать «предметы», мы не можем обучающихся научить их думать. Они учатся всему кроме искусства думать, помнят выученное, но забывают, как этого достигли. В то время, как единственно правильная цель образования - научить человека учиться самому [30, С. 5, 28]. Мультимедийный обучающий комплекс, как средство педагогического управления обучением, обеспечивает эффективность выстраивания значимых знаний, умений, навыков, формирования компетенций, приобретения опыта рефлексии обучения [18].

Модель проектирования и реализации мультимедийного обучающего комплекса включает несколько кластеров: целевой (цель, задачи), методологический (принципы), содержательный (знания, умения и навыки, компетенция), процессуальный (дидактические стратегии, формы, методы, средства, педагогические условия), результативный (критерии и результат). Установление взаимосвязей между кластерами модели позволяет оптимально их структурировать и обеспечить устойчивые положительные результаты обучения [15; 27]. В этой статье опишем процессуальный кластер. Понятие «стратегия» имеет несколько дефиниций, одна из которых - искусство руководства, планирования [2, С.1277]. В педагогической науке используются понятия «дидактическая стратегия» [1, С.365], «педагогическая стратегия» [6], «стратегия преподавания» [12], «стратегические цели» [5; 28], «стратегии воспитания» [9], «стратегии обучения» [10], «стратегия развития» [7; 32], «стратегии педагогического взаимодействия» [13], «стратегии педагогической деятельности» [11], «стратегия управления» [26; 34]. Авторы определяют сущность стратегии, исходя из контекста педагогического управления образовательным процессом. Мы предлагаем рассматривать стратегию как перспективный план управления развитием образовательного процесса, основанный на количественных и качественных показателях [23]. Исходя из цели нашего исследования, наибольший интерес представляет дидактическая стратегия, как педагогический сценарий управления развитием учебного процесса, обеспечивающий надежность овладения обучающимися знаниями, умениями, навыками и формирования компетенций [33]. Надежность характеризуется объемом и качеством знаний, умений, навыков, компетенций и представляет собой критерий эффективности педагогического управления учебным процессом [1, С. 363]. Реализация мультимедийного обучающего комплекса предусматривает несколько дидактических стратегий в зависимости от последовательности представления учебного материала и выполнения познавательных заданий.

Первая дидактическая стратегия - экспериментальная. Она предусматривает линейную последовательность представления учебного материала в соответствии с циклами обучения и выполнения познавательных заданий [24, С. 33-57]. Индивидуализация учебной деятельности достигается за счет различной скорости усвоения учебного материала и выполнения заданий на разных циклах обучения (осмысление непосредственного опыта; наблюдение и его теоретическое обобщение; усвоение нового учебного материала; экспериментальная проверка новых знаний, умений, навыков на практике и интеграция их в структуру опыта). Эффективность применения экспериментальной стратегии повышается при наличии непосредственного, конкретного опыта обучающихся по охране правопорядка на международных спортивных мероприятиях [4].

Вторая дидактическая стратегия – контекстная [3, С. 46, 52]. Она предусматривает нелинейное гипертекстовое представление учебного материала, моделирующего содержание деятельности сотрудников МВД по охране правопорядка на международных спортивных мероприятиях, снабженного гиперссылками. Индивидуализация учебной деятельности достигается посредством предоставления обучающемуся возможности формировать индивидуальную траекторию изучения учебного материала, управляя последовательностью перехода от одного раздела к другому с помощью системы меню, а также вариативных форм учебной деятельности. Оптимальность применения контекстной стратегии усиливается при условии владения обучающимся отдельными знаниями, умениями, навыками и направленности на активизацию познавательной деятельности [3, С. 65].

Третья дидактическая стратегия - интерактивная. Она предусматривает

концентрическое представление учебного материала, обеспечивающего его повторное изучение при расширении содержания, углублении и конкретизации знаний, умений, навыков, нарастании сложности познавательных заданий, практическом закреплении, вариативном взаимодействии субъектов учебного процесса [14, С.105,157]. Индивидуализация учебной деятельности обеспечивается в процессе вариативного познавательного общения субъектов учебного процесса (форум, коллоквиум, консультация, деловые игры, дискуссия), а также предоставления обучающемуся возможности выбирать темп изучения учебного материала [29]. Результативность применения интерактивной стратегии возрастает при условии постоянного взаимодействия субъектов учебного процесса (группового, личностного, ролевого) посредством прямых и обратных связей, свободного обмена мнениями о путях решения проблемы [25].

Четвертая дидактическая стратегия-connectivism (коннекционистская). Она предусматривает сетевое представление учебного материала, обеспечивающего взаимное обучение (непрерывное активное самостоятельное взаимодействие субъектов учебного процесса, необходимое и достаточное для создания проектов мультимедиа) и децентрализацию учебной деятельности [22, С. 1-9]. Индивидуализация учебной деятельности достигается посредством предоставления обучающемуся возможности поиска дополнительного учебного материала в разных источниках (веб-браузерах, интернет-форумах, социальных сетях, YouTube и других) и создания собственных мультимедиа для демонстрации своих знаний, умений, навыков [19, С.27-33]. Идеологи connectivism отмечают, что обучение – это, прежде всего, процесс создания знаний, а не их потребления: учащиеся могут экспоненциально улучшать свое обучение, подключаясь к существующим сетям, базам данных, и обмениваясь информацией [19, С.27-33;21;31, С.3-10]. Обучение проектированию – наиболее эффективный способ усвоения знаний, умений, навыков [20]. Значение применения стратегии connectivism возрастает при условии установления устойчивых взаимосвязей между конкретным опытом деятельности обучающихся, учебным процессом, содержанием обучения, проектированием мультимедиа (см. таблицу 1).

Таблица 1

Преимущества и недостатки дидактических стратегий

дидактические стратегии	преимущества	недостатки
экспериментальная	линейное представление учебного материала и возможность выбора темпа его изучения, стимулирование когнитивных аспектов обучения (восприятие и осознание)	фиксированная последовательность изложения учебного материала
контекстная	гипертекстовое представление учебного материала, индивидуальная траектория изучения	обучающиеся отвлекаются при работе с гиперссылками, рассеивается внимание, имеет место недостаток навыков работы с интерфейсом пользователя
интерактивная	концентрическое представление учебного материала, организация вариативного познавательного общения, развитие навыков совместной работы и коллективного познания	проблемы с использованием средств навигации (методикой поиска и управления учебным материалом), недостаток обратной связи
connectivism	сетевое представление учебного материала, непрерывное активное самостоятельное взаимодействие субъектов учебного процесса, децентрализация учебной деятельности, возможность поиска дополнительного учебного материала в разных источниках, интеграция учебного материала и его системная интерпретация	процессуальные и материально-технические ограничения применения, недостаток обратной связи

Из таблицы 1 видно, что все дидактические стратегии имеют свои преимущества и недостатки. На практике все дидактические стратегии диалектически взаимосвязаны, дополняя друг друга. Дидактические стратегии обуславливают формы и методы учебного процесса. Формы характеризуют время, место и порядок организации учебного процесса. Методы сопряжены с особенностями обучения и представляют собой способы перевода управляемого извне учебного процесса в самоуправляемый процесс (см. таблицу 2).

Таблица 2

Дидактические стратегии, общие и специальные формы и методы обучения

		формы	методы			
			знаниевые	деятельностные	компетентностные	портфолио
дидактические стратегии	Общие формы, методы обучения	аудиторные, самостоятельные формы, включающие фронтальную, индивидуальную, групповую деятельность, стажировка	лекция-дискуссия, проблемная лекция, лекция с разбором конкретной ситуации, лекция вдвоем, лекция с заранее запланированными ошибками, коллоквиум, консультация, встречи со специалистами, конспектирование и аннотирование литературы, реферативные работы, инструктирование	семинар, круглый стол, «мозговой штурм», тренинг, дискуссии, кейс-метод, бригадно-лабораторный метод	практикумы, метод-проектов, деловые и ролевые игры, стажировка	сбор и систематизация всех выполненных познавательных заданий (документальный портфолио – «собрание работ»)
Экспериментальная	Специальные формы, методы обучения	Дистанционные (chat-on-line, видео-конференция, интернет-форум) и интегративные (научно-исследовательская работа, практика) формы	лекция-визуализация	составление электронных глоссариев, презентаций, альманахов	образовательные web-quest; коучинг (метод тренинга, направленный на достижение чётко определённых целей)	сбор и систематизация комментариев и внешних оценок выполненных заданий (процедурный портфолио – отражает динамику выполнения познавательных заданий)
Контекстная				разработка web-страниц, мультимедиа-приложений		
Интерактивная						
connectivism						

Из таблицы 2 видно, что диалектическая взаимосвязь дидактических стратегий, форм и методов обучения обуславливает вариантность устойчивого взаимодействия субъектов преподавания и учения; взаимосвязь образного, действенного, понятийного мышления; открытость учебного процесса и актуализацию его результатов.

Обобщая изложенное отметим, что основные функции модели проектирования и реализации мультимедийного обучающего комплекса для сотрудников МВД: 1) позволяют установить взаимосвязи между принципами отбора и структурирования учебного материала, дидактическими стратегиями, формами и методами обучения, которые обуславливают их необходимое проявление и развитие (теоретическая функция); 2) направлены на построение оптимального алгоритма педагогического управления процессом обучения сотрудников МВД по охране правопорядка на международных спортивных мероприятиях (практическая функция). Модель проектирования и реализации мультимедийного обучающего комплекса для сотрудников МВД имеет содержательно-деятельностный характер. Содержательная составляющая обеспечивает наглядное отражение трансферентных связей дидактических стратегий, форм и методов обучения; обуславливает повышение информативной емкости учебного материала и интеграцию его структурообразующих компонентов. Деятельностная составляющая указывает варианты взаимодействия субъектов преподавания и учения; направляет на усвоение практикоориентированных знаний, умений, навыков, формирование действенной компетенции; ориентирует на персонализацию обучения путем комбинирования дидактических стратегий, форм и методов обучения. На практике модель проектирования и реализации мультимедийного обучающего комплекса обеспечивает интенсификацию процесса обучения, формирование познавательной самостоятельности обучаемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. – М.: Высшая школа, 1980. – 368 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. - СПб.: Норинт, 1998. - 1536 с.
3. Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения: Материалы к четвертому заседанию методологического семинара 16 ноября 2004 г. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 84 с. <http://fgosvo.ru/uploadfiles/npo/20120326010135.pdf> (дата обращения 16.01.2018)
4. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б. Информационно-психологическая безопасность личности: философский аспект // Общество: философия, история, культура. - 2014. - № 1. - С. 11-16.
5. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б. Селективная поддержка развития региональной сферы профессиональных образовательных услуг // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. - 2013. - № 2-2. - С. 316-319.
6. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б. Социальная практика как философское основание педагогического стратегирования в техническом вузе // Общество: философия, история, культура. - 2013. - № 4. - С. 11-16.
7. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б., Стуколова Л.З. Информационно-психологическая безопасность личности: сущностная характеристика // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 1. - С. 21.
8. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б., Терентьева И.В. Методологические основы опытно-экспериментальной работы как компонента исследований проблем профессионального образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-2. С. 132.

9. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б., Терентьева И.В., Юсупова Э.А. Научно-методическое обеспечение повышения эффективности антикоррупционной политики в высшей школе // *Современные проблемы науки и образования*. - 2013. - № 6. - С.337.

10. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б., Чепурышкин И.П. Принципы управления качеством образования как основание удовлетворения образовательных потребностей человека // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 4. С. 104.

11. Пугачева Н.Б., Лунев А.Н., Стуколова Л.З. Перспективные направления исследований профессионального образования как общественно значимого блага и достояния личности // *Современные проблемы науки и образования*. - 2014. - № 1. - С. 91.

12. Пугачева Н.Б., Лунев А.Н., Чепурышкин И.П. Исторические предпосылки создания научно-методических основ управления качеством образования в школе интернате // *Современные проблемы науки и образования*. - 2014. - № 4. - С. 110.

13. Пугачева Н.Б., Судденкова Н.В., Татарина И.П. Сущностная характеристика инновационной образовательной среды // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. - 2012. - № 1. - С. 64-71.

14. *Современные образовательные технологии в учебном процессе вуза: методическое пособие / авт.-сост. Н. Э. Касаткина, Т. К. Градусова, Т. А. Жукова, Е. А. Кагакина, О. М. Колупаева, Г. Г. Солодова, И. В. Тимонина; отв. ред. Н. Э. Касаткина. – Кемерово: ГОУ «КРИПО», 2011. – 237 с.*

15. Татарина И.П., Шевцова В.В., Лунев А.Н. Экономические механизмы создания и эффективного развития отраслевых кластеров// *Экономические и гуманитарные исследования регионов*.-2012.-№2.- С. 204-210.

16. Терентьева И.В., Пугачева Н.Б., Лунев А.Н. Теоретические методы опытно-экспериментальной работы в педагогике профессионального образования//*Современные проблемы науки и образования*.-2015.-№1-2.-С. 133.

17. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. - М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.

18. Askhadullina N.N., Grigoriev A.P., Mozhaev E.L., Pachikova L.P., Lunev A.N. Organization of health-saving environment of the university // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. - 2017. - Vol. 7. - Issue 6. - P. 133-144.

19. Downes S. New technology supporting informal learning // *Journal of Emerging Technologies in Web Intelligence*. – 2010.-№ 2(1). -P. 27-33. <http://skunkers.pbworks.com/f/New+Technology+Supporting+Informal+LEarning.pdf> (дата обращения 16.01.2018)

20. Downes S. What Connectivism Is // Saturday, February 03, 2007 <http://halfanhour.blogspot.ru/2007/02/what-connectivism-is.html> (дата обращения 16.01.2018)

21. Education-2020 – Connectivism <http://education-2020.wikispaces.com/Connectivism?responseToken=0f1fbe3eaff13e925f15dd7d68f27b5d7> (дата обращения 16.01.2018)

22. Goodyear P., Banks S., Hodgson V., McConnell D. (Eds.) *Advances in Research on Networked Learning*. – London: Springer Science & Business Media. 2004. - 248 p.

23. Ivanov V.G., Barabanova S.V., Shagieva R.V., Chikisheva N.M., Lunev A.N., Volkova N.V., Nabiullina K.R., Spirina E.V. The Essence and Content of State Regulation of Services Development in Conditions of Increasing Autonomy of Federal State Entities // *International Review of Management and Marketing*. - 2016. - Т. 6. - № 2. – С. 149-154.

24. Kolb D.A. and Fry R. Towards an applied theory of experiential learning // *Theories of Group Process/C.Cooper (ed.)*. - London: John Wiley, 1975, pp. 33-57. http://www.colorado.edu/ftep/sites/default/files/attached-files/kolb_-_experiential_learning.pdf (дата обращения 16.01.2018)

25. Lunev A.N., Pugacheva N.B., Stukolova L.Z. Development strategies for professional educational services under the increasing autonomy of territories within the federal state // *Актуальні проблеми економіки*.- 2014. - Т.10. - №160. - С. 215.

26. Lunev A.N., Pugacheva N.B., Stukolova L.Z. Socially oriented regional economic space as an instrument in managing the development of service sector // *Актуальні проблеми економіки*. - 2014. - Т. 155. - № 5. - С. 247.

27. Lunev A.N., Safin R.S., Korchagin E.A., Sharafutdinov D.K., Suchkova T.V., Kurzaeva L.V., Nikishina S.R., Kuznetsova, N.A. The Mechanism of Industrial Educational Clusters Creation as Managerial Entities of Vocational Education // *International Review of Management and Marketing*. - 2016.-Т.6. - №2. - С.166-171.

28. Pugacheva A.S., Filippova V.P., Kon A.Y., Dorzhieva L.B., Silchenok I.S., Pugacheva N.B., Lunev A.N., Mustafina A.A. Market Regulators of Service Spheres Innovative Development as a Tool of Regional Socio-Economic Policy// *International Review of Management and Marketing*.-2016.-Т.6.- № 2. - С. 294-300.

29. Pugacheva N.B., Kirillova T.V., Ovchinnikova I.G., Kudyashev N.K., Lunev A.N., Pavlova O.A., Kashina S.G., Valeyev, A.S. The Mechanism of State-Public Management of Vocational Education in the Region // *International Review of Management and Marketing*. - 2016. - Т. 6. - № 2. – С 6-11.

30. Sayers Dorothy L. *The Lost Tools of Learning*. – London: Methuen, 1948. – 30 p. <https://ru.scribd.com/document/36325362/The-Lost-Tools-of-Learning> (дата обращения 16.01.2018)

31. Siemens G. *Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age* // *International Journal of Instructional Technology and Distance Learning*. – 2005. - № 2(1). – P. 3-10. http://www.itdl.org/Journal/Jan_05/article01.htm (дата обращения 16.01.2018)

32. Terentyeva I.V., Mukhomorova I.V., Perezhogina O.N., Pugacheva N.B., Lunev A.N., Akhmetzyanova G.N., Lezhnin V.V., Gainullina R.R. Development Strategy of Service Sector in Conditions of Federal States Entities Autonomy Increasing // *International Review of Management and Marketing*. - 2016. - Т.6. - № 2. – С. 1-5.

33. Terentyeva I.V., Pugacheva N.B., Lunev A.N., Korshunova O.V., Selivanova O.G. Management of the formation of general cultural competence of the university students // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. – 2017. - Vol. 7. - Issue 6. - P. 11-20.

34. Terentyeva I.V., Starodubtsev M.P., Timonin A.I., Pugacheva N.B., Zyкова N.N., Lunev A.N., Ezhov S.G., Starikova L.D. Assessment of state services quality and availability in the socio-cultural sphere // *International Review of Management and Marketing*. - 2016. - Т. 6. - № 1. - С. 122-127.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЗМА В ОБЩЕСТВЕ

Абрамов М.А.

FACTORS OF DEVELOPMENT OF PATRIOTISM IN SOCIETY

Abramov M.A.

Патриотизм представляет собой один из важнейших факторов стабилизации общественной структуры. По этой причине исследование факторов развития патриотизма представляет не только теоретический, но и существенный практический интерес. В статье рассматриваются основные факторы, определяющие развитие патриотизма в обществе. Рассматривается процессуальный аспект существования патриотического мировоззрения, а также факторы, определяющие деактуализацию патриотических установок. Исследуется взаимосвязь между состоянием основных социальных институтов и уровнем патриотизма в обществе. Доказывается, что образовательная сфера имеет приоритетное значение в формировании патриотизма.

Patriotism represents one of the most important factors of stabilization of public structure. For this reason the research of factors of development of patriotism represents not only theoretical, but also essential practical interest. In article the major factors defining development of patriotism in society are considered. The

procedural aspect of existence of patriotic outlook, and also the factors defining a deactualization of patriotic installations is considered. The interrelation between a condition of the main social institutes and level of patriotism in society is investigated. It is proved that the educational sphere has priority value in patriotism formation.

Ключевые слова: патриотизм, общество, социальное сознание, социальные институты, социальная стабильность.

Keywords: patriotism, society, social consciousness, social institutes, social stability.

Стабильность общества определяется рядом факторов, к числу которых относятся уровень адаптивных возможностей социальной системы, характер внешней среды, эффективность общественных институтов и состояние социального сознания. Серьезное изменение какого-либо одного из перечисленных факторов влечет за собой дестабилизацию ситуации в обществе, требующую существенного перестроения его структуры[1]. Для эффективного регулирования социальных процессов и, в частности, предотвращения деструктивных изменений общественной структуры, критическое значение приобретает оценка динамики изменения условий ее существования. На основании оценки динамики изменения условий существования общества происходит построение системы мер по предотвращению возможных угроз социальной стабильности. И в этом смысле наибольшую опасность представляют те сферы, в которых изменения протекают наиболее быстро.

В настоящее время одной из наиболее динамичных сфер общественной жизни является область культуры и информационной коммуникации [2]. Технические возможности цифровой коммуникации определяют практически мгновенное распространение информации, что определяет чрезвычайно высокие показатели общественного резонанса в ситуациях, когда происходят события, напрямую затрагивающие интересы членов общества. С учетом того, что социальное сознание представляет собой одну из основных детерминант общественных процессов и косвенно определяет структуру социального взаимодействия, существование такого мощного инструмента воздействия на общественное сознание, как средства массовой информации и сеть Интернет, определяет возможность интенсивного воздействия на систему общественных отношений посредством вброса провокационных сообщений, а также посредством постепенного навязывания населению деструктивных социальных моделей. Помимо целенаправленной деструктивной деятельности нельзя сбрасывать со счетов и естественные процессы распространения информации, в ходе которых происходит постепенная деформация общественного сознания, связанная с заимствованием ценностных ориентаций, моделей поведения и способов оценки окружающей действительности из внешних источников. Все это в совокупности позволяет судить о важности защитных функций общества, способствующих минимизации ущерба от различного рода информационных воздействий, в конечном итоге приводящих к деформации общественной структуры.

В современном российском обществе практически невозможным является ограничение распространения информационной продукции, что связано как с запретом на ограничение гражданских свобод и свободы слова, так и с практически неконтролируемым характером информационного обмена в сети Интернет. По этой причине механизм, определяющий устойчивость российского общества к деструктивным информационным воздействиям, должен быть ориентирован не столько на блокирование информационных сообщений провокационного характера, сколько на развитие в среде населения корректных способностей по оценке значения конкретных сообщений, что способствует общему снижению их негативного значения.

Более детальный анализ проблемы деструктивных информационных процессов демонстрирует, что подобного рода подход практически не имеет альтернатив в обществе, ориентированном на сохранение гражданских свобод. Блокирование информационных ресурсов в настоящее время реализуется только в отношении материалов, имеющих явный преступный характер (экстремистские материалы, разнообразные руководства по изготовлению запрещенных веществ, детская порнография и т.д.). Однако деструктивное воздействие оказывают не только подобного рода материалы. Так, например, существует широкий спектр литературных произведений, в той или иной степени провозглашающих преобладание личной выгоды над общечеловеческими ценностями, вплоть до их отрицания. Подобного рода

искажение аксиологических установок не является преступлением, однако оказывает негативное воздействие на характер мировоззрения членов общества, еще не сформировавших собственную позицию. Другим ярким примером негативных последствий информационных процессов является заимствование западной модели самореализации (включающей в себя критерии состоятельности, соответствующие социальным возможностям малой части населения). Принятие подобного рода ценностных установок приводит к возникновению социальной неудовлетворенности, попытка устранения которой зачастую приводит либо к неудачам и росту социальной напряженности, либо к вовлечению членов общества в противоправную деятельность.

Оборотной стороной данного процесса является то, что в ходе межкультурной коммуникации происходит существенное обогащение культуры общества. Однако данный процесс может быть оценен в качестве конструктивного только при условии корректной реакции членов общества на получаемую культурно-информационную продукцию. Это определяет значимость внутренних защитных механизмов общества, ориентированных не на блокирование, но на осмысление и корректную оценку получаемой информации. Это предполагает, с одной стороны, наличие развитой традиции социальной рефлексии, с другой – набор ценностных ориентиров, способствующих корректной оценке того или иного информационного воздействия.

В качестве одной из важнейших разновидностей подобного защитного механизма выступает патриотизм, ориентированный на сохранение целостности и благополучия общества, что предполагает, с одной стороны, развитую социальную позицию (которую значительно труднее подвергнуть деформации и использовать для манипуляции, нежели противоречивое, абстрактное или эклектичное социальное мировоззрение), с другой – установку на достижение блага для общества.

Прикладное значение социального знания предполагает переход от идеи значимости патриотизма к поиску методологии для его привития членам общества. Вместе с тем, чрезвычайный интерес представляет и противоположный аспект проблемы – рассмотрение факторов деактуализации патриотизма в социальном мировоззрении.

Прежде чем приступить к оценке факторов, определяющих состояние патриотического сознания в конкретном обществе, необходимо дать первоначальное определение патриотизма, что способствует более точному осуществлению последующих исследовательских процедур.

Патриотизм на базовом уровне может быть определен, как система социальных установок, ориентированная на достижение благополучия общества в целом. Объектом патриотического отношения является Родина, которая определяется не через отождествление с государством, но через совокупное формирование объекта отношения, включающего в себя территориальную определенность локальной социальной системы, а также совокупность людей, относящихся к ней и ее внутренних социальных подсистем. Патриотизм напрямую связан с моментом личного самоопределения субъектов общественных отношений: речь идет о связывании личных интересов и интересов общества, при котором человек приобретает деятельное стремление к осуществлению действий, конструктивных для его Родины.

Таким образом, патриотизм представляет конструктивную форму социального мировоззрения. В контексте заявленной проблемы представляют интерес ответы на следующие вопросы:

1. Каким образом в обществе реализуется процесс формирования и трансляции патриотических установок?
2. Каким образом реализуется процесс существования (и, в частности, сохранения) патриотических установок?
3. Какие факторы определяют деактуализацию патриотических установок?

Рассмотрим данные вопросы по порядку. Патриотическое сознание может сформироваться самостоятельно, в ходе осмысления человеком своего места в обществе, либо может представлять собой результат восприятия извне конструктивных социальных установок. Поскольку в течение жизни члены общества неоднократно сталкиваются с идеей патриотизма, транслируемой в различных формах, нельзя однозначно судить о том, что кто-либо пришел к патриотическому отношению полностью самостоятельно. В любом случае имеет место определенное косвенное влияние, даже при условии, если оно не подлежит осознанию. По этой

причине первоначальная постановка вопроса возникновения патриотических установок у членов общества связана с идеей их трансляции. Здесь реализуются два важных момента: осознание общества, как среды существования (в том числе и его границ), а также самоидентификация члена общества, направленная на социальную систему в целом.

Оба обозначенных процесса реализуются в процессе социализации. В этом смысле ответственность за развитие патриотизма лежит на функциональных сферах общественной жизни, отвечающих за социализационные процессы. На уровне первичной социализации речь идет об институте семьи, деятельность которого в дальнейшем подкрепляется функциональной активностью института образования.

Первоначальные социальные установки чрезвычайно важны. В этом смысле роль института семьи, на уровне которого длительное время реализуется воспитательная функция и функция социального контроля, сложно переоценить. Вместе с тем, на уровне института семьи реализуется процесс трансляции социальных установок, от старшего поколения к младшему. И в этом смысле способность института семьи к привитию патриотических установок напрямую зависит от их текущей представленности в обществе.

Следующим важным социальным механизмом, на уровне которого происходит формирование представлений об обществе и месте конкретного человека в нем, является институт образования. Эффективность социализации, которую проходят ученики общеобразовательных учреждений, напрямую зависит от квалификации педагогов и содержания учебной программы. Особенностью образовательной сферы в данном случае является то, что она не только способствует привитию конструктивных социальных установок, но и развивает навыки анализа социальных процессов, что реализуется в рамках гуманитарной программы [3]. Чем эффективнее данная сфера образовательной деятельности, тем более высокой в дальнейшем является устойчивость общества к деструктивным внешним воздействиям.

Еще одним важным социальным институтом, определяющим характер общественного сознания (в том числе уровень патриотизма в обществе) являются средства массовой информации. Речь идет как о новостных ресурсах, так и о многочисленной развлекательной продукции, на уровне которой реализуется момент отражения социальной реальности. Так, эксперты отмечают высокое значение для роста патриотизма художественной продукции, раскрывающей роль СССР в Великой Отечественной Войне. Еще одним важным направлением, которое способствует развитию патриотизма, является спорт. Сопереживание представителям собственной страны способствует осознанию общности с другими членами общества.

Помимо обозначенных выше моментов немаловажное значение приобретает личный опыт участников социальных отношений. Этот момент неразрывно связан как с проблемой возникновения патриотических установок, так и с тематикой его процессуального существования. В ходе личного опыта социальной деятельности человек приобретает знания об окружающей его среде и формирует собственное отношение к отдельным ее элементам. В этом отношении чрезвычайно большое значение имеет эффективность государственных структур, поскольку опыт конструктивного взаимодействия с представителями государства (чиновники, представители правоохранительных органов и т.д.) приводит к укреплению патриотических установок, в то время как негативный опыт способствует их пересмотру. В этом смысле значение приобретает как личный опыт, так и различного рода имиджевые моменты, связанные с транслируемыми в процессе социальной коммуникации сведениями о состоянии государства в тех или иных вопросах. Так, например, знание о политически сильных действиях главы государства способствует укреплению патриотических настроений в обществе, в то время как актуализация информации о должностных злоупотреблениях представителей власти может способствовать их подрыву. Здесь важно понимать, что момент самоидентификации сочетается с оценочными действиями и выбором оптимальной социальной модели.

Процесс разрушения патриотических установок во многом близок рассмотренному в парадигмальной теории кризису парадигмы. Речь идет о прямом или косвенном социальном опыте, не удовлетворяющем положительным ожиданиям членов общества, и, тем самым, косвенно опровергающем их исходные предпосылки рассмотрения социальной структуры и своего места в ней. Следует отметить, что, зачастую решающую роль играет не сам негативный опыт, а его интерпретация. Так, например, отдельные действия представителей власти,

направленные на оптимизацию социальных процессов, могут привести к кратковременному возникновению кризисных последствий. При условии корректной оценки развертывающихся социальных процессов, члены общества примут выстраиваемую линию государственной политики, в то время как некорректная трактовка реализуемых процессов может способствовать деактуализации исходных конструктивных установок. Это значит, что патриотическое сознание в наибольшей степени устойчиво в том случае, если оно сочетается со способностью к корректной оценке политической и социальной обстановки. Это актуализирует значимость образовательного процесса, на уровне которого, фактически, закладывается последующий ресурс стабильности общественного сознания.

Подводя итог, следует отметить, что развитие патриотизма представляет собой комплексную проблему. Она не может быть в полной мере разрешена на уровне какого-либо одного социального института. Вместе с тем, реализация системы мер, направленной на оптимизацию институциональной сферы государства, и, в частности, института образования, представляет собой важнейший шаг в оптимизации ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 606 с.
2. Лемещенко П.С. Институциональные противоречия и ловушки переходного периода // TERRAECOMICUS. 2005. Том 3.
3. Фалеева Л.В. Вузовская социализация студентов (подходы, структура, факторы, механизмы) // Теория и практика общественного развития. - 2013. - №6.

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Апанасенко Ф.Е.

SOCIAL CONSEQUENCES OF E-GOVERNMENT DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIAN CONDITIONS

Apanasenko F.E.

Развитие структур электронного государства в условиях постиндустриального общества начала XXI в. является следствием действия ряда объективных факторов. Электронное государство выступает воплощением прогресса информационно-компьютерных технологий. Вместе с тем, в научной литературе в настоящее время представлены противоречивые точки зрения исследователей в аспекте оценки социальных последствий происходящих трансформаций института государства.

The development of structures electronic States in a post-industrial society in the early XXI century is the result of the action of a number of objective factors. The electronic state is the embodiment of the progress of information and computer technologies. At the same time, the scientific literature currently presents contradictory views of researchers in the aspect of assessing the social consequences of the ongoing transformations of the institution of the state.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, глобализация, информационно-компьютерные технологии, институт государства, электронное государство.

Keywords: transforming society, globalization, information and computer technologies, Institute of state, electronic state.

Стремительный прогресс информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий, рост влияния Интернета в политической, экономической, социальной и духовной сферах общества с неизбежностью приводит к переопределению облика

государства. Данный социальный институт не просто осваивает информационно-компьютерные технологии и активно применяет их в процессе взаимодействия с населением (электронное государство, электронное правительство и т.д.). Государство в XXI в. постепенно начинает использовать информацию (шире – информационный фактор) для удержания власти, сохранения своего господства. Государство при этом ракурсе анализа предстает определенной функцией и информационной технологией одновременно. В данном случае уместно обратить внимание на различные последствия генезиса электронного государства, в частности: – увеличение скорости информационного обмена между государством и гражданами; – научно-технический прогресс в сфере государственного управления; – большая (по сравнению с традиционной) прозрачность действий властей; – повышение эффективности системы государственного управления, движение от субъективизма и волюнтаризма при принятии управленческих решений к снижению роли человеческого фактора и, таким образом, повышению объективности; – увеличение управленческих возможностей государства вследствие создания и широкого внедрения электронной управленческой инфраструктуры; – соответствие государства запросам и ожиданиям людей в постиндустриальном мире.

Как отмечает Ю.А. Нисневич, «построение электронного государства, стимулирующее перемещение деловой активности граждан и их взаимодействий с государственной властью в сетевую информационную среду, выдвигает на первый план и такие существенно значимые социально-политические проблемы как защита частной жизни, прав интеллектуальной собственности и обеспечение информационной безопасности в новой сетевой информационной среде» [1, С.6-18].

В.В. Партугимов указывает, что «влияние глобализации сказывается на внутренних функциях государства; они интернационализируются, т.е. за счет тесного взаимодействия государства с другими странами они приобретают международный аспект, и соответственно, взаимосвязь внутренней и внешней политики государства» [2, С.86-90]. Именно так генезис электронного государства по сути становится неизбежным явлением.

Современное государство оказывается значительно более технически оснащенным, чем даже десять-пятнадцать лет тому назад. Стоит учитывать, что подобный информационно-компьютерный потенциал может быть по-разному использован в отношении граждан, в том числе – и в ущерб их правам. В целях верификации теоретической информации было проведено экспертное неформализованное интервью, которое позволяет сконцентрироваться на следующих тематических блоках.

Вопрос: «Известно, что в последние годы институт национального государства испытывает серьезные трансформации под воздействием электронно-компьютерных технологий. Насколько глубокими оказались изменения государства?»

В ходе экспертного опроса выяснилось, что эксперты по-разному видят характер и направленность происходящих трансформаций института государства. Не отрицая в подавляющем большинстве своем самого факта глубоких изменений, эксперты разошлись во мнениях в деталях происходящего. Одна группа экспертов акцентирует внимание лишь на «виртуальной форме» государственной власти, «как объективным реалиям его интеграции в информационное общество». Другая группа экспертов предполагает наличие определенных функциональных изменений в институте государства, «наряду с очевидно изменившейся внешней оболочкой», однако «характер и направленность произошедших изменений еще предстоит объективно оценить науке». И, наконец, третья группа экспертов видит наличие глубоких, кардинальных изменений в деятельности института государства, следствием чего и стала проявившаяся «электронная форма».

Вопрос: «Как Вы относитесь к феномену электронного государства?»

Как показал проведенный опрос, эксперты осведомлены о феномене электронного государства. Данную форму государства эксперты считают «вполне соответствующей реалиям времени и глубоким научно-техническим и социально-коммуникационным трансформациям мировой системы». Как отмечали опрошенные, генезис электронной

формы государства стал закономерным следствием научно-технического прогресса. По мнению экспертов, «в разных странах процесс становления электронного государства может быть кардинально противоположным». Следует заметить, что немалая часть опрошенного экспертного сообщества придерживается мнения о том, что Россия значительно отстает от ведущих мировых держав в аспекте построения электронного государства. Между тем, эксперты полагают, что «электронное государство – это не технологический придаток государства, это принципиально иной подход к взаимодействию граждан и государственной власти; здесь власть существует для людей и подчиняется общественному контролю».

Вопрос: «Можно ли современную Россию назвать электронным государством и почему?»

Как показал проведенный опрос экспертов, какого-либо согласованного мнения относительно поднятой проблемы не наблюдается. Одна часть опрошенных высказала мнение о том, что, пусть и с некоторой долей условности, современную Россию можно назвать электронным государством. «Да, по сравнению с ведущими мировыми державами мы существенно отстаем в этом плане, но в целом, основным индикаторам формирования электронного государства современная Россия вполне отвечает».

Большинство экспертов указали на такой индикатор соответствия России признакам электронного государства как эффективно работавшая федеральная целевая программа «Электронная Россия» (принятая в 2002 г. и действовавшая до 2010 г.). Именно благодаря реализации этой программы стало возможным достижение многих позитивных эффектов в сфере интеграции института государства в пространство информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий. Однако часть экспертов с тревогой указывали на то обстоятельство, что «начиная с 2010 г. государство уменьшило силу своего преобразовательного воздействия в этом направлении».

Вопрос: «Какие социальные последствия формирования в России электронного государства Вы могли бы отметить?»

Как показало проведенное исследование посредством экспертного опроса, эксперты в целом пришли к согласованному мнению относительно позитивных и негативных моментов генезиса электронного государства в России. В числе основных позитивных эффектов наличия в нашей стране электронного государства экспертами отмечались: – активное использование Интернета и информационно-компьютерных технологий в деятельности государства, реализации государственной власти; – виртуализация органов государственной власти, формирование «электронного правительства», «электронного судопроизводства» и т.п.; – устранение многих отрицательных моментов «живой бюрократии» – коррупции, волокиты, субъективизма при принятии негласных управленческих решений; – удовлетворение потребностей значительной части населения в аспекте использования информационно-компьютерных услуг; – гораздо меньшая конфликтность во взаимоотношениях власти и населения вследствие опосредованных контактов; – прогрессивное развитие государства, соответствие общим глобальным трендам социальной динамики; – расширившиеся возможности для граждан получать государственные услуги.

В то же время, эксперты указывали на негативные стороны генезиса электронного государства: – «обвальное» внедрение новых услуг, вследствие чего существенная часть населения (прежде всего, пенсионеры) оказалась неподготовленной в информационно-техническом плане к данным инновациям; – периодические сбои в работе технологий вследствие технического несовершенства и отставания от развитых стран мира в покрытии и качестве сети Интернет; – сложности в переходе от виртуальной к физической реальности (когда человеку необходимо осуществить не только электронные действия, но и прийти к реальному государственному чиновнику); – наличие устаревших документов и нормативных актов, которые «просто цифруются» и не удаляются из системы государственного управления; – громоздкость реформы, так как переход от традиционного к электронному документообороту требует значительных ресурсов, в том числе временных и

финансовых, которых зачастую просто не имеется в распоряжении; – подобная масштабная реформа создает условия для коррупционных злоупотреблений, так как подобные программы «щедро финансируются» государством, при этом далеко не всегда оказывается должным образом организован контроль за расходованием средств.

Оценивая в целом соотношение позитивных и негативных последствий генезиса электронного государства, большинство экспертов пришли к выводу, что положительных все же больше, чем отрицательных. Однако, как полагают эксперты, «это соотношение весьма неустойчивое и может в любой момент измениться». Особую тревогу опрошенных экспертов вызывают непоследовательные и недостаточно продуманные реформы системы государственного управления в нынешних российских условиях. Основным смыслом высказываний большинства экспертов: в системе государственного управления процветает формализм и «манипулирование данными официальных отчетов и статистики в ущерб реальному положению дел». Такая деятельность государственных управленцев создает иллюзии у руководителей государства, которые доверяют информации, получаемой «с мест», не обладая действующими механизмами ее проверки.

Вопрос: «Каков Ваш прогноз относительно развития событий вокруг интеграции института государства в глобальное информационное общество XXI в.?».

Отвечая на последний вопрос, экспертное сообщество сформулировало позитивный, нейтральный и негативный варианты прогнозного видения возможного развития событий в ближайшей временной перспективе.

Первый сценарий. Положительный. Российская государственная власть будет и дальше двигаться по пути модернизации и дальнейшей интеграции в пространство глобального информационного общества. При этом, как отмечали эксперты, входящие в эту группу, «будет происходить не только внешняя, технологическая модернизация, но и внутренне перестроение государства по пути дальнейшей демократизации власти и установлению подлинного народовластия».

Второй сценарий. Нейтральный. В ближайшей временной перспективе не будет происходить сколько-нибудь значимых событий. «Будет сохраняться имеющийся баланс элементов индустриального и постиндустриального общества, в том числе применительно и к политической сфере». Как полагают эксперты, в настоящее время ни один из факторов – как конструктивного, так и деструктивного плана не превалирует. Именно поэтому и возникает подобная ситуация.

Третий сценарий. Негативный. В ближайшее время, как полагают эксперты, входящие в эту группу, возможно усиление негативных факторов, которые обладают способностью существенно ухудшить положение института государства в глобальном мире. «Возможно, значимость транснациональных корпораций существенно возрастет и их социально-политический и социально-экономический вес, который будет существеннее многих государств, особенно не слишком развитых экономически». В этой связи беспокойство экспертного сообщества вызывает положение России в постиндустриальном мире. «Если наша страна будет такими низкими темпами развиваться, ее участь в глобальном информационном обществе будет незавидной». Как отмечают некоторые эксперты, уже сейчас в России сложилась чрезвычайно тяжелая ситуация с отставанием в сфере высоких технологий, финансирование науки и наукоемких производств «в настоящее время на уровне стран Африки, что приведет к самым тяжелым последствиям».

Таким образом, становление электронного государства соответствует общему тренду прогрессивного развития в условиях информационного мира начала XXI в. В современном обществе социальные институты, в том числе и государство, виртуализируются, технологизируются, стремясь интегрироваться в глобальное информационное пространство. Государство в результате происходящих преобразований существенно модернизируется, принимает новые, ранее не известные науке и практике черты высокотехнологичности, оснащенности современными информационными, интернет-технологиями. Происходящие изменения института государства способствуют оптимизации

его функциональных возможностей, в целом делают его в большей мере соответствующим потребностям граждан в начале XXI в. Стремительное развитие компьютерных технологий, массовое распространение сети Интернет, упрощение доступа к глобальной сети предоставляет возможности для развития электронных форм государства. Подобная динамика облика государства способствует решению весьма важной стратегической цели: преодолению цифрового разрыва – одной из системных проблем XXI в., угрожающих принять глобальный, общемировой характер. При этом информационный разрыв неизбежно приводит к социальному неравенству и общему нарастанию конфликтности, социальной напряженности в обществе.

Как и любые другие изменения, подобная динамика сопряжена с рядом рисков и угроз, как эксплицитного, так и имплицитного характера. Особую опасность представляют именно последние, которые крайне слабо просчитываются как современной наукой, так и практикой. Обыденное и даже специализированное сознание, находясь под определенным воздействием происходящих изменений института государства, в ряде случаев упускает из виду нарастающие опасные тенденции в его функционировании. Эта ситуация, особенно учитывая критическую важность государства, как в институциональной матрице, так и для индивидов, групп, общностей, выглядит достаточно опасной. Ее развитие зависит в настоящее время от комбинации различных политических, экономических, социальных факторов; при этом вариативность крайне сложно поддается подсчету и прогнозированию. Именно поэтому достаточно «безобидные», на первый взгляд, угрозы «утечки мозгов», например, в перспективе могут вполне серьезно угрожать интеллектуальному суверенитету государства, а, следовательно, его существованию как таковому. Рост потенциала электронного государства, в зависимости от стратегических целей политической элиты, может способствовать как укреплению демократической власти, противостоянию глобальным угрозам и вызовам, так и ренессансу тоталитаризма – теперь уже в сверхтехнологичной, электронной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нисневич Ю.А. Электронное государство // Вопросы политологии. - 2011. - №1.
2. Партугимов В.В. Влияние глобализации на функции государства // Вестник ЧитГУ. - 2011. - №1.

УДК 316

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЦЕЛОСТНОГО ПОДХОДА В ПРИКЛАДНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ СТАРОСТИ

Килясханов М. Х.

TO A QUESTION OF NEED OF COMPLETE APPROACH FOR AN APPLIED RESEARCH OF A PROBLEM OF AN OLD AGE

Kilyashanov M.H.

Проблема старости приобретает все большую значимость в социальном знании. Это связано с тем, что современные социальные условия имеют значительно более агрессивный характер для представителей старших возрастных групп, что делает проблематичной их адаптацию к изменчивой социальной среде. В этом контексте актуально проведение целостного исследования феномена старости. В статье проводится общий обзор основных подходов к исследованию старости. Рассматриваются биологический и социальный аспекты возраста. Доказывается, что наибольшую эффективность имеет теоретический подход, объединяющий результаты частных исследований старости.

The problem of an old age gains the increasing importance in social knowledge. It is connected with the

fact that modern social conditions have much more aggressive character for representatives of the senior age groups that does problematic their adaptation to the changeable social environment. In this context carrying out a complete research of a phenomenon of an old age is relevant. In article the general review of the main approaches to an old age research is carried out. Biological and social aspects of age are considered. It is proved that the theoretical approach uniting results of private researches of an old age has the greatest efficiency.

Ключевые слова: старость, теории старости, возраст, социальный аспект возраста, общество.
Keywords: old age, theories of an old age, age, social aspect of age, society.

Начиная с прорыва в развитии медицины, произошедшего в 20-м веке, отмечается общая демографическая тенденция к «старению общества». По факту это означает, что рост возможностей медицины и улучшение общего спектра условий проживания вкупе с развитием механизмов социальной защиты пожилых людей привели к существенному увеличению продолжительности жизни. Непосредственным результатом этого явления стало изменение демографического состава общества. С учетом того, что развитие средств контрацепции определило снижение рождаемости, налицо два взаимодополняющих процесса: снижение прироста числа молодых людей и увеличение продолжительности жизни пожилых людей. Таким образом, в 20-м веке наметилась общая тенденция к повышению процентной доли пожилых людей в среде населения. Эта тенденция имеет ряд очевидных последствий, связанных с изменением условий экономической деятельности, повышением нагрузки на систему здравоохранения, актуализацией ряда проблем социального характера, связанных с защитой интересов пожилых людей и обеспечением их основных потребностей. Отдельного внимания в данном случае заслуживает и то, что изменение возрастного состава населения приводит к смене условий экономической деятельности, что связано с моментом распределения трудовых ресурсов. С учетом того, что, в условиях глобализации, это сопровождается интенсивными трансформационными процессами [3], оказывающими серьезную нагрузку на структуру общества, а также серьезными изменениями социокультурного характера[5], проблема участия представителей старшего поколения в социальной жизни и одновременно – проблема обеспечения комфортных условий для них приобретает дополнительное обоснование.

Помимо сферы экономики и системы здравоохранения очевидно влияние складывающейся ситуации на государственную структуру, что связано с необходимостью эффективного управления процессами обеспечения пенсионеров, а также на сферу права, в которой актуализируется проблема нормативного выражения прав и привилегий пожилых людей. На уровне института семьи обозначенная тенденция также имеет существенное значение, поскольку налицо, с одной стороны, рост нагрузки на более молодых членов семьи, связанной с уходом за стариками, с другой – наличие носителей большого количества знаний, которые активно участвуют в воспитании подрастающего поколения. Это имеет как позитивное значение (на уровне более полной реализации момента социальной преемственности в условиях благоприятного взаимодействия представителей разных поколений в семейной группе), так и, напротив, проявляется негативно в таком феномене, как конфликт поколений. При этом в данном случае участниками конфликта являются не только молодые люди, но и, зачастую, зрелые члены общества, не принимающие социальные установки пожилых людей в силу наличия собственного устоявшегося мировоззрения. Подобного рода конфликты имеют очевидно деструктивный характер.

Отдельного внимания в данном случае заслуживает то, что, в отличие от представителей младших поколений, пожилые люди обладают значительно меньшим уровнем адаптивности, что в условиях интенсивных трансформационных процессов приводит к формированию заведомо невыгодной ситуации, зачастую граничащей с естественным исключением пожилых людей из ряда сфер общественной жизни. В основном это может быть объяснено с точки зрения рассмотрения изменений в условиях коммуникации, ее содержательной и ценностной составляющих[4].

В совокупности это позволяет сделать вывод о том, что в современном обществе отношения с пожилыми людьми хоть и регламентируются рядом нормативных установлений, как негласных, так и законодательно закрепленных, но, в целом, социальная позиция пожилых людей, и сами пожилые люди, как социальная группа, обладают существенной степенью

уязвимости и проблематичности. Это определяет целесообразность углубленного исследования основных факторов, определяющих характер существования пожилых людей в обществе и, в частности, ведущие сущностные аспекты их возрастной определенности.

Большинство исследований, посвященных проблеме старости, носит прикладной характер. Это непосредственная реакция научного сообщества на актуализацию проблем, связанных со старостью. Аналитически можно выделить несколько групп исследований:

- биологические (общая направленность которых лежит в объяснении феномена физиологического старения и поиске условий противодействия негативным изменениям в организме, приходящим с возрастом);

- психологические (связанные с рассмотрением эмоционального, психосоматического, поведенческого аспектов существования человека, основанных на его возрастных характеристиках);

- социальные (общая направленность которых состоит в раскрытии статусного и ролевого аспекта жизни пожилых людей, анализе их потенциала в системе общественных отношений и основных проблем, связанных с социальной поддержкой пожилых людей).

Особняком в данной сфере держатся эссенциалистские исследования, направленные на поиск сущностной определенности старости, комплексные исследования, раскрывающие взаимосвязь различных аспектов старения, а также философские работы, посвященные экзистенциальному аспекту изменения возраста.

Прикладной аспект исследования проблемы старости с точки зрения биологического знания связан с определением уровня возможностей людей различных возрастных категорий, а также с разработками, направленными на противодействие негативным процессам, развивающимся в организме в результате возрастных изменений.

Ценность психологических теорий старости состоит в том, что они раскрывают взаимосвязь между физическим состоянием организма, выступающим как объективный фактор старения, и психоэмоциональным фоном человека, при этом исследуются как прямые психосоматические связи, так и устойчивые процессы, связанные с осознанием человеком своего возраста. В определенном смысле можно судить о том, что современные психологические исследования, направленные на раскрытие феномена старения, находятся на границе психологии, биологии и социологии. Последнее обусловлено тем, что имеет значение самосознание пожилого человека, которое во многом связано с принятой в обществе системой условностей. Здесь биологический возраст уступает место возрасту социальному – тому, каким образом в обществе оценивается тот или иной рубеж жизненного пути. Во многом этот показатель связан со средней продолжительностью жизни – так, в обществах, где средний срок жизни невелик, этапы взросления и старения, оцениваемые внешне, начинаются значительно раньше, нежели в социальной среде, где долгая жизнь является нормой.

Конкретизируя значение социальной теории старения, отметим ее разноплановый характер. Социальный аспект возраста связан как с условностями в классификации возрастных категорий, так и с характером личностного самоопределения членов разных возрастных групп в социальной среде. Кроме того, немаловажное значение имеет институциональный аспект, выступающий как внешний фактор существования пожилых людей, и, напротив, необходимость включения их в социальную жизнь, как один из актуальных запросов современной институциональной структуры общества.

Немаловажное значение имеют также экзистенциальный и когнитивный аспекты возраста. На уровне экзистенциального подхода анализируется переживание возраста, как важной составляющей определенности жизненного пути. Исследования когнитивных способностей пожилых людей находятся на стыке социально-антропологического, биологического и психологического знания, поскольку в них не только рассматриваются возрастные изменения, как результат падения уровня познавательных возможностей, но и, напротив, процесс старения рассматривается в его обусловленности снижением темпов познавательной и деятельностной активности, что определяет момент зависимости физиологического старения от социального.

В настоящее время фрагментарность научного знания в отношении проблемы старости является одной из причин абстрактного к ней отношения на уровне предпринимаемых действий. Один из недостатков теоретической специализации в науке как раз и состоит в том,

что рассмотрение частных аспектов сложных явлений зачастую оканчивается констатацией наличия многочисленных теорий, внешне противоречащих друг другу, либо неочевидно взаимосвязанных. Несмотря на то, что в настоящее время существуют теоретические подходы, ориентированные на целостное рассмотрение феномена старости, их реализация далека от завершения.

Одной из причин, определяющих сложности в раскрытии проблемы старости и, в частности, ее социальных и биологических аспектов, является двойственность в построении исследовательского подхода при условии формирования общетеоретических работ и при выработке прикладных исследовательских подходов. Это позволяет судить о том, что в настоящее время разработка тематики старости в науке далека от завершения и помимо наиболее значимых теоретических работ необходимы исследования, отражающие практическую сторону разрешения проблемы старости именно в опоре на комплексное, целостное ее понимание.

Как было уже показано выше, исследования феномена старости, преимущественно носят прикладной, узкоспециальный характер, который одновременно определяет и предмет изучения, и его конечную цель. Одновременно с этим работы, имеющие общетеоретическое значение, зачастую не востребованы при осуществлении прикладных исследований. Таким образом переход от теории к практике осуществляется абстрактно, а системность на уровне общей геронтологической теории не находит адекватного отражения на уровне социальной практики. На деле предпринимаемые меры должны учитывать как физиологические особенности пожилых людей, так и их психологическое состояние, социальное мировоззрение и положение в обществе. Только в таком случае можно будет говорить об эффективном, целостном подходе. Очевидно, что для этого необходимо построение целостной теоретической модели, отражающей как существо вопроса (теоретико-методологический аспект проблемы), так и его прикладную сторону.

Но существует ли в настоящее время такая целостная теоретическая модель? Ответ проблематичен, как минимум, в силу того, что уже наличествуют попытки комплексного объяснения феномена старости, однако их реализация зачастую носит узкий характер, либо не имеет прикладного раскрытия теории. Причина во многом состоит в том, что понимание феномена старости предполагает ответ на ряд вопросов, каждый из которых может быть возведен в генеральную линию исследования, что определяет разночтения в исследовательской среде и обилие работ, имеющих глубокое теоретическое значение, но не получивших должной реакции на уровне практики. Рассмотрим некоторые из них.

Одна из серьезно разработанных позиций в геронтологии принадлежит Дж. Тернеру и Д. Хелмсу, рассматривающим старость как комплексное явление, в котором сочетаются три аспекта – психологическое, физиологическое и социальное старение. Согласно их теории, существует объективный процесс физиологических изменений, которые приходят с возрастом, при этом этот процесс находит отражение на индивидуально-мировоззренческом уровне и на уровне характера социальной включенности индивида. Таким образом, старость представляет собой результат внутренней и внешней оценки физического состояния и биологического возраста, проявляющийся на уровне реализации специфических поведенческих моделей и изменения стратегии социальной деятельности, модифицируемой в зависимости от возрастных ожиданий самого человека и его окружения[2]. Эта теория, безусловно, имеет высокую ценность в раскрытии как механизмов актуализации старости, так и ее социального содержания.

Еще один интересный подход, сформированный П. Балтесом, предполагает рассмотрение в качестве основного критерия старости характер отношения индивида к процессу развития и его соотносительность с усредненными моделями развития, принятыми в обществе. В результате имеет место соединение индивидуальных биологических аспектов, определяющих возможности человека, и характера его внешней социальной определенности. Как следствие, Балтес рассматривает нормативное и ненормативное развитие, как две основные разновидности движущих факторов возрастных изменений[1]. Под нормативным развитием Балтес подразумевает усредненные процессы, присущие человеку как члену общности (например, люди, социальное становление которых приходится на определенный исторический период), в то время как ненормативный аспект выражает, в первую очередь, индивидуальные

особенности развития. Подобного рода подход имеет очевидные преимущества, связанные с отражением типологических особенностей возрастных групп и одновременно – с теоретической детализацией отклонений от усредненных социальных показателей. Вместе с тем, теория Балтеса представляет собой скорее методологический конструкт, применимый при анализе характеристик старшего поколения в конкретных обществах, нежели развернутую систему знания прикладного характера.

Что является характерным для перечисленных теорий: в них исследование старости приобретает схематичный, аналитический характер. Немаловажно и то, что это – преимущественно работы западных авторов, и раскрытие социального аспекта старения в тех моментах, где идет конкретизация применительно к области практики, может существенно расходиться с реалиями российского общества. На уровне же отечественной геронтологии имеет место существенная фрагментарность: несмотря на наличие собственной теоретической традиции исследования старости, российское научное сообщество не может на данный момент констатировать ее последовательное раскрытие. Это свидетельствует о необходимости проведения последовательных разработок, направленных на детализацию знания в области проблемы пожилого возраста, производимую с опорой на системную модель реализации возрастных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балтес П.Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Психологический журнал. - 1994. - №1. - С.60-80.
2. Краснова О.В. Социальная психология старения как основная составляющая социальной геронтологии // Мир психологии. - 1999. - №2. - С.133-141.
3. Нарыков Н.В. К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов // ИСОМ. - 2014. - №6-1. - С.295-298.
4. Самойлов С.Ф. Проблема коммуникации в социально-философской мысли 20 столетия / Общество и право. - 2012. - №2(39). - С.283-285.
5. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин, - М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003, - 336 с.

УДК 316

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Ростова А.Т.

DYNAMIC ASPECT OF SOCIAL CONTINUITY

Rostova A.T.

Существование общества связано с постоянным процессом социального воспроизводства, что связано с необходимостью передачи системы общественных отношений новым носителям и необходимостью адаптации к новым условиям. В статье рассматриваются основные аспекты социальной преемственности. Анализируется, какие условия определяют стабильность общественной структуры и ее не искаженную передачу от поколения к поколению. Рассматриваются факторы, определяющие высокую интенсивность трансформационных процессов. Исследуется роль культурных и информационных процессов в трансформации общества. Доказывается, что образование и религия способствуют стабилизации общественных отношений через закрепление системы ценностей.

Existence of society is connected with continuous process of social reproduction that is connected with need of transfer of system of the public relations to new carriers and need of adaptation to new conditions. In

article the main aspects of social continuity are considered. It is analyzed what conditions define stability of public structure and its not distorted transfer from generation to generation. The factors defining high intensity of transformational processes are considered. The role of cultural and information processes in transformation of society is investigated. It is proved that education and religion promote stabilization of the public relations through fixing of system of values.

Ключевые слова: общество, преемственность, стабильность, изменчивость.

Keywords: society, continuity, stability, variability.

Общество существует во времени. Его существование содержит в себе парадокс тождественности: оставаясь собой, оно одновременно подвержено изменениям. Эти изменения носят различный характер – от развертывания заложенных в систему общественных отношений и культуру тенденций и вплоть до радикальных трансформационных процессов, имеющих ситуационную определенность. Вместе с тем, одним из наиболее серьезных факторов социального развития становится ограниченность срока человеческой жизни, которая определяет необходимость постоянной передачи культурных традиций, норм поведения, знаний и, наконец, ролей от поколения к поколению. Процесс социализации и приобщения к содержанию культуры предполагает преломление социального опыта в акте индивидуального познания, что определяет принципиальную проблематичность неискаженной передачи содержания культуры и, в частности, ценностных установок в коммуникативном процессе. Вместе с тем, изменение в характере понимания отдельных аспектов жизни общества, связанное с процессом социального производства, при рассмотрении на общем уровне неминуемо влечет за собой изменения в содержании культуры и способе организации общественных отношений, что наблюдается далеко не на всех этапах развития общества в ярко выраженной форме. Достаточно привести в пример традиционные общества, показатели социальной и культурной динамики которых невысоки. Это наталкивает на мысль о том, что процессы социального воспроизводства на качественном уровне детерминированы рядом факторов, ответственных за сохранение социокультурной среды в неизменном виде и факторами, определяющими трансформационную динамику. Рассмотрим по порядку исходную проблему и определим, при каких условиях вариативность индивидуального приобщения к социальным нормам и содержанию культуры не несет в себе предпосылок для изменения общества, а в каких случаях она представляет собой основание для интенсивных трансформационных процессов.

Первое, на что необходимо обратить внимание в данном отношении – это однородность среды, в рамках которой развивается человек. Индивидуальное развитие представляет собой динамический процесс, при котором неизбежным явлением становится корректировка личной позиции в процессе воспитания. Чем более однородной в социокультурном плане является среда, в которой развивается человек, тем интенсивнее становится корректировка социальных проявлений личности. Здесь, с одной стороны, реализуется момент подражания, принятия парадигмы мышления и образа действия, с другой – выправление отклонений, статистически значительно более вероятное в однородной социальной среде [5]. Это, в частности, объясняет относительно замкнутый характер традиционных обществ, в которых основная коммуникативная среда состоит из носителей общих социальных и культурных признаков. В этом плане рассматриваемые выше изменения в понимании отдельных аспектов общественной жизни, с одной стороны, корректируются, с другой – находятся в сравнительно невысоком диапазоне отклонений, что во многом определяется неприятием альтернатив общепринятым нормам и ценностям. Кроме того, поскольку носителями культуры и социальных ролей является множество людей, расхождения в понимании отдельных сторон общественной жизни нивелируется разнонаправленностью преломления социальных установок в сознании различных людей. В данном отношении момент взаимосвязи мировоззренческих установок различных членов общества определяет несводимость процесса общественного развития к индивидуально-

личностному аспекту. Несмотря на то, что роль личности в истории чрезвычайно высока, развитие личностных качеств немислимо вне контекста развития человека – его окружения, происходящих на уровне общества процессов, содержания культуры и т.д. Более корректной в данном отношении является позиция, при которой в качестве субъекта социального воспроизводства рассматривается не отдельный человек, но демографический срез общества – поколение.

Следующим важным аспектом, определяющим динамику социальных изменений, является уровень развития в обществе практики социальной рефлексии. И здесь видится важным следующий аспект: социальная реальность представляет собой, с одной стороны, непосредственную данность, с другой – является объектом мировоззренческих поисков. И здесь возникновение многочисленных вопросов либо перекрывается набором социальных догм, распространенных в конкретном обществе и принимаемых некритически, либо становится отправной точкой в творческом процессе формирования мировоззрения.

Некритическое принятие социальных установок является тем условием, которое определяет возможность длительной их передачи от поколения к поколению в практически неизменном виде. В данном отношении имеет место альтернатива между непосредственной включенностью в конкретную социальную реальность, рассматриваемую как данность (что включает в себя не только личный опыт взаимодействия, но и транслируемые модели оценок и отношения) и рефлексивным ее осмыслением, что предполагает момент противопоставления познающего субъекта и исследуемой социокультурной среды. С учетом того, что развитие культуры предполагает, в том числе, выражение в концептуальной форме и привитие способностей к осмыслению окружающей действительности, которые в ходе исторического процесса развиваются в методологическом и теоретическом измерениях, общество постепенно движется в сторону повышения динамики трансформационных процессов, в основе которых лежит социальная рефлексия различного толка. Немаловажным в данном отношении является и то, что развитие различных направлений социальной мысли определяет снижение уровня однородности общества по характеру принимаемых отдельными людьми установок и форм мирозерцания, что также влияет на диапазон принимаемых социальных позиций. Таким образом, в ходе естественного развития общества складываются предпосылки для повышения его внутренней динамики, основанной на различиях взаимодействующих участников общественного процесса. На современном этапе общественного развития можно констатировать как высокий уровень интенсивности предпосылок рефлексивного осмысления социальной действительности, так и многообразие форм социального мировоззрения. В совокупности это определяет предпосылки к формированию высокой вариативности социальных позиций отдельных людей, а также интенсификацию преломления социальных традиций в их сознании. Текущее поколение «перерабатывает» культурное наследие и адаптирует его к собственному мировидению и набору потребностей значительно интенсивнее, нежели это имело место на более ранних этапах жизни общества. При этом данная тенденция продолжает развиваться, что позволяет сделать вывод о возможном усилении трансформационной динамики.

Немаловажным аспектом, определяющим уровень социальной преемственности, является характер передачи социальных норм и, в целом, содержания культуры. И здесь большое значение приобретает то, какова природа носителей социокультурного кода, а также то, насколько они долговечны. Для пояснения этого момента следует обратить внимание на то, что приобщение к культуре реализуется как в процессе межличностной коммуникации, так и посредством обращения к материально закрепленному культурному наследию, которое находит отражение в книгах, архитектурных памятниках, кинематографе, музыке и т.д. В результате мы имеем дело с ситуацией, когда существенная часть культуры сохраняется в практически неизменном виде на протяжении многих десятилетий и даже столетий. Эти статичные элементы культуры обладают различной

степенью доступности для членов общества, что напрямую определяет их влияние на область социального мировоззрения. Наиболее устойчивы в этом плане религиозные тексты, обращение к которым циклически повторяется на протяжении столетий, а также классические произведения философского, литературного, научного характера, которые сохраняют свою актуальность и транслируются посредством реализации образовательных программ. Еще одним примером статических элементов общества, приобщение к которым имеет общий характер, являются законы, которые при всей своей пластичности (в условиях активного законотворчества и саморазвития правовой сферы), в ряде аспектов характеризуются существенным постоянством.

В контексте проводимого анализа справедливо рассматривать различные элементы культуры, получившие материальное закрепление, с точки зрения длительности их воздействия на социальную картину мира. Так, например, содержание ежедневной газеты, будучи материально закрепленным элементом культуры, имеет краткосрочный характер воздействия, в то время как отдельные научные, религиозные, литературные тексты способны влиять на общество в течении длительного периода времени. Эти долгосрочно существующие элементы культуры составляют собой своеобразный «опорный каркас» социальной картины мира, передаваемой из поколения в поколение, поскольку они сохраняются в неизменном виде, будучи передаваемыми материально, а не в ходе коммуникативного процесса, несущего в себе явный отпечаток субъективности участников.

Уже на этом уровне, по степени длительности воздействия можно выделить некоторые постоянные факторы формирования социальных установок, а также краткосрочные по своему проявлению формы существования социальных позиций, как получивших внешнее выражение, так и существующих на уровне личного мировоззрения. В контексте производимого рассмотрения справедливо рассмотреть повышение изменчивости социального мировоззрения в двух контекстах – на уровне роста многообразия культурных проявлений и социальных контактов и на уровне изменчивости самой культуры, связанной с ростом творческих способностей человечества. Рассмотрим по порядку каждый из аспектов.

Повышение культурного многообразия и рост числа контактов с представителями альтернативных мировоззренческих установок – это тот фактор, который повышает вариативность индивидуального мировоззрения, которое, по выражению Дж. Холтона, характеризуется внутренней противоречивостью, связанной с необоснованным принятием элементов различных мировоззрений[4]. Таким образом, в условиях культурного многообразия имеет место активное комбинирование различных элементов существующих мировоззренческих позиций, что зачастую приводит к формированию эклектичного, внутренне несогласованного мировоззрения. Здесь следует отметить, что в современных условиях имеют место глубокие предпосылки для «горизонтальной» интенсификации деформирующих социальное мировоззрение воздействий, что связано с повышением демографической плотности и качественным ростом коммуникаций (как транспортных, так и информационных)[3]. Вместе с тем, большую роль в изменении общества играет и то, что в настоящее время качественно изменились условия жизни, что определяется высвобождением личного времени членов общества на досуговую и творческую активность. В целом, одним из основных направлений научно-технического прогресса является высвобождение человеческих ресурсов, преодоление задачи по созданию условий для выживания и смещением индивидуальной активности с внешне детерминированной в сторону внутренне обусловленной. Иными словами, тяга человека к самореализации ограничивается внешними факторами, однако в процессе научно-технического развития происходит постепенное ослабевание роли этих факторов в жизни человека. И в этом смысле современные условия жизни определяют беспрецедентные возможности по направлению человеческих ресурсов в гуманитарную, творческую, научную стороны, что неизбежно сказывается на динамике развития культуры. А если учесть и то, что

современные информационные технологии открывают практически неограниченные возможности по распространению информации, становится очевидно, что современная культура развивается беспрецедентными темпами.

Еще один аспект, обосновывающий повышение трансформационной динамики, связан с количественными показателями населения планеты. Как отмечает С. Капица, скорость развития общества пропорциональна его населению, и в настоящее время, когда население планеты превысило семимиллиардную отметку, прямая зависимость между скоростью социально-трансформационных процессов и уровнем населения свидетельствует о беспрецедентном повышении динамики [1, 2]. Это объясняется, как уже было показано выше, как повышенной плотностью социальных контактов, вызванной демографическими показателями общества, так и большим числом активных деятелей культуры, науки, политики, чья совокупная активность приводит к серьезным социальным изменениям.

В завершение обзора следует обратить внимание на момент, освещенный ранее – долговечность носителей социально-мировоззренческих установок как фактор стабильности социального мировоззрения. Современный формат передачи информации далек от постоянства: фактически, речь идет об информационном потоке, в котором преобладают короткие, удобные для мгновенного восприятия информационные послы, ярким примером чего является популярность социальной сети Twitter. И в этом смысле приходится признать, что еще до постановки вопроса о преемственности социальных позиций в процессе развития новых членов общества уже актуализируется проблематичность их сохранения, связанная с пластичностью и изменчивостью индивидуального мировоззрения под воздействием интенсивного информационного потока и высокой динамики внешних изменений.

Таким образом, в современном процессе социального воспроизводства изменчивость преобладает над стабильностью. Это приводит к активному развитию новых социальных форм и, неизбежно, влечет за собой возникновение новых проблем, поскольку современное общество меняется быстрее, чем отдельные люди оказываются способны адаптироваться к происходящим изменениям. Современный процесс социального воспроизводства связан с утратой связей между носителями различных социальных позиций и ролей. И в этом отношении механизмы, определяющие статичность отдельных сторон жизни общества, не только приобретают высокую актуальность, но и демонстрируют существенную востребованность, примером чего может служить широкое обращение современной молодежи к религии. Несмотря на то, что в современном обществе имеют место беспрецедентные по своей интенсивности предпосылки роста трансформационной динамики, отмечается обратная тенденция, выраженная в стремлении к стабилизации ситуации. На наш взгляд, чем более эффективно будет реализован социальный вектор стабилизации трансформационных процессов, тем выше шансы общества минимизировать их деструктивные последствия. И в данном отношении наибольшие перспективы демонстрируют социальные сферы, связанные с трансляцией долговременных элементов культуры – религия и образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капица С.П. Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история, - №4, - 2004.
2. Капица С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. - М.: «Альпина Нон-фикшн», 2010. - 192 с.
3. Нарыков Н.В. К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов // ИСОМ. - 2014. - №6-1. - С.295-298.
4. Холтон Дж. Что такое антинаука? / URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/holton_chno/ 09.11.2017

5. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. Перевод Г.С. Батыгин, - М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003, - 336 с.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ

Акопян Г.А.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY ABOUT FREEDOM OF CONSCIENCE

Akopyan G.A.

В статье анализируется философско-антропологический аспект проблемы свободы совести. Автор приходит к выводу о том, что данный аспект позволяет учесть идентичность человека не только в качестве абстрактного тождества в правовом пространстве, но и конкретную индивидуальность в пространстве ценностно-смысловой реальности. Социальные институты формируют ценностный план выражения свободы совести, а план содержания ценностей оказывает влияние на процесс формирования общественных институтов. Такое взаимодействие социальных институтов и человека, в свою очередь, позволяет сопрягать рациональную и ценностную автономность человека.

In article the philosophical and anthropological aspect of a problem of freedom of worship is analyzed. The author comes to the conclusion that this aspect allows us to take into account the identity of a person not only as an abstract identity in the legal space, but also a specific individuality in the space of value-semantic reality. Social institutions form a value plan for the expression of freedom of conscience, and the plan for the content of values influences the process of the formation of social institutions. Such interaction of social institutions and man, in turn, allows to combine rational and valuable autonomy of a person.

Ключевые слова: человек, религия, ценности, свобода совести, право, автономия, теономия.

Keywords: man, religion, values, freedom of conscience, law, autonomy, theonomy.

Не вызывает сомнения актуальность проблемы феномена свободы совести в различных аспектах: правовом, политическом, нравственном. Политический аспект проблемы выражается в компромиссном признании толерантности. Правовой аспект очерчивает внешние границы, исключая насилие и фанатизм. Свобода совести в глубинном философско-антропологическом и духовно-нравственном измерении выражает самый глубинный уровень человеческой свободы и служит критерием всех других критериев социального, культурного прогресса.

Духовный феномен свободы совести – это один из самых существенных результатов работы мировой истории и культуры. История – это прогресс свободы. Такой прогресс выражается в осознании человеком своей внутренней свободы. В свою очередь, внутренняя свобода прямо и непосредственно касается совести. Совесть и сознание связаны друг с другом как совместное и одновременно разделенное знание о личностном бытии. С возникновением и развитием личности, формированием ее сознания, развивались и представления о свободе совести. Несомненным является расширение границ свободы совести. Например, философа Сократа сама повседневная жизнь долго защищала от обвинений в свободомыслии. А христианское понимание свободы совести, которое говорит, что нет ни эллина, ни иудея, а есть только свободный и ответственный человек, уже подводит итог формированию нового человека в осевое время. Наконец, сама возможность атеизма в современном обществе свидетельствует о достижении полноты содержания этого понятия

В России противоречивость демократизации нашла свое весьма противоречивое отражение в законодательном оформлении свободы совести в 1997 году [4]. Свое концентрированное выражение свобода человека находит в проблеме защиты свободы совести, провозглашенной в конституционной статье 28. Эта статья гласит, что каждому гражданину гарантируется право на его свободу совести, в том числе право исповедовать какую-либо религию или же не исповедовать вообще никакой, свободно избирать религиозные или какие-либо иные мировоззренческие убеждения и реализовать их в своей деятельности. Содержательно данная статья связана со статьей 2, устанавливающей неразрывную взаимосвязь прав и свобод личности, человека и гражданина, а также государства (ст. 14 о РФ как светском государстве).

Подавляющее количество исследований феномена свободы совести посвящено правовому аспекту данной проблемы [6, С. 42-45]. Это справедливо, поскольку преобразования, протекающие в России в последние годы, выявили ряд трудностей, которые связаны с недостаточной эффективностью ныне действующего государственно-правового механизма защиты прав человека и свобод граждан.

Особого внимания заслуживает философско-антропологический аспект, в котором можно интегрировать в обобщенном виде различные подходы к данной проблеме. Идея выделения философско-антропологического измерения в автономии сознания имеется в современной литературе, и это дает возможность применить ее к анализу свободы совести. Более конкретно - это идея социокультурной и личностной автономии сознания, в частности, правового сознания [7, С. 96-100]. Суть такого подхода заключается в том, что исходной точкой отсчета становится не общество, а человек, не детерминизм, а свобода. Причем свобода не в урезанных вариантах, а в полном ее объеме.

Свобода совести является великим достижением истории и культурной ценностью. Эту ценность можно рассматривать со стороны общества и со стороны человека. Культура есть система ценностей, «определяющаяся системой научного мировоззрения, научно-осознанными социальными целями общества» [3, С. 26-29]. Она в этом своем качестве служит механизмом взаимосвязи человека как личности и общества как социальной саморегулирующейся системы, характеризующейся «сложным взаимодействием различных видов социальной коммуникации» [1, С. 95-100], которая «... становится новой коммуникационной средой взаимодействия» [2, С. 118-124]. Каждая культура индивидуальна, отличается своими ценностями, и практически нет одинакового набора этих ценностей среди культур мира: восточных и западных, культур Африки и мусульманских культур. Пожалуй, исключением являются религиозные ценности, которые универсальны, фиксируют в себе абсолютную модальность человеческой субъективности. В связи с этим интерес представляет проблема свободы совести в аксиологическом аспекте.

Свободу совести рассматриваем как ценностную автономию человека, которая раскрывается в диалоге с миром. Автономия действует как в теоретической, так и в практической сферах культуры. Конечно, теонормная ситуация в древних, – и особенно в первобытных культурах и восточных цивилизациях, – была такой сильной, что автономия не могла даже начаться, хотя достигла значительной рационализации, как, например, в Китае [9, С. 227-228].

Слабость социальной, культурной и антропологической автономности субъектов исторического процесса делала диалог в истории явлением случайным, а войны – закономерным способом отношения между этносами. При этом мы не исключаем, что в недрах теонормии вызревали ростки автономии. Однако в настоящее время диалог зависит от зрелости автономии: чем более зрелой является автономность социального или индивидуального субъекта, тем более культурным является его диалогическое отношение с миром. И, наоборот, культурный диалог свидетельствует о высоком уровне автономности сознания и бытия субъекта. Отметим, что автономия понимается не как независимость или зависимость, а как их неразрывное единство.

В таком случае диалог оказывается неразрывно связанным с автономией. Диалог

выступает в таком случае как самораскрытие автономии. Соответственно и свобода совести выражается в диалоге своеобразно. Если в правовом поле свобода совести для всех одинакова, то в нравственном аспекте нет одинаковой свободы совести. У христианина она одна, у мусульманина другая, у буддиста – третья. Более того, протестанты понимают свободу совести иначе, чем католики или православные. Право на истину их разделяет. Что же тогда может объединять их в диалоге?

Речь идет о ключевых проблемах современности, связанных с проблемами войны и мира, с экологическими проблемами, с сотрудничеством в области духовной культуры, социальной благотворительности и милосердия. Если проблему свободы совести анализировать с аксиологических позиций, возникает горизонт понимания фундаментальных общечеловеческих ценностей. Получает развитие процесс освобождения от стереотипов и предписаний, который охватывает всю систему духовной жизни и направлен на расширение демократических прав и свобод, на возрастание роли и значения ценностей общечеловеческой культуры, на утверждение взаимопонимания и сотрудничества всех членов общества в деле гуманизации общественных отношений.

Аксиологический подход к проблеме феномена свободы совести показывает, что ориентация и верующих, и неверующих людей на общечеловеческие ценности создает хорошую перспективу для консолидации их усилий в деле преобразования общества, выработки культуры взаимопонимания и терпимости, последовательного осуществления принципов свободы совести на практике [8].

Если в западной культуре человек реализует свое право на индивидуальную свободу совести, ориентируясь, прежде всего, на пространство социального, на совокупность политико-правовых связей и институтов, которые и выступают по отношению к нему в качестве последней инстанции, конечной реальности, то человек в России и человек восточной культуры поиски разрешения проблем свободы совести соединяет с интересом не столько утилитарно-практическим, сколько философско-аксиологическим опытом самосозерцания и самосовершенствования. В западном обществе человек, ощущая неудовлетворенность бытием, направляет свои усилия на совершенствование социума. Для такого общества характерен рациональный тип автономии человека.

Принципиально иной тип культуры связан с нерациональным, аксиологическим типом личности. Так, на Востоке творческая реализация означает для личности духовное самосовершенствование за пределами общественной жизни. Опять-таки, культурное разделение Восток-Запад-Россия требует диалога в духе свободы совести. Конкретно-исторические формы реализации права свободы совести обусловлены той или иной самобытностью религиозной идентичности индивида в различных цивилизациях и культурах. Философско-антропологическое измерение свободы совести дает возможность понять специфику существующих нарушений права свободы совести в России, обосновать возможность конструктивной критики существующего закона о свободе. В частности, это относится к ограничению прав атеистов.

Антропологический и аксиологический анализ феномена свободы совести дает возможность сделать обобщения по поводу взаимодействия основных аксиологических (антропологических) и институциональных (социальных) факторов, оказывающих влияние на ее (свободы совести реальное протекание) и условия формирования [5].

Таким образом, мы можем в явном виде выделить философско-антропологический аспект исследования феномена свободы совести. Являясь философско-антропологической и этической категорией, данный феномен подразумевает возможность поступать в соответствии с собственными представлениями о норме и девиации, справедливом либо несправедливом, добре либо зле. Как категория философской антропологии свобода совести означает право человека на свой мировоззренческий выбор, выбор как в рамках религиозного мировоззрения, но и выходя за эти рамки. Основная закономерность диалогического взаимодействия социального и антропологического начал в понимании развития свободы совести, формулируется таким образом. Взаимодействие это

осуществляется по таким направлениям: с одной стороны, социальные институты (конфессии, государство, общественные организации и общественное мнение) формируют ценностный план выражения свободы совести, давая готовые модели социально-одобряемого поведения, направляя и корректируя внешнюю презентацию творческих интенций личности. В свою очередь, план содержания ценностей оказывает корректирующее влияние на процесс формирования общественных институтов. Западная модель свободы совести предполагает рациональную автономность сознания (на основе науки и права) и соответствующую безграничную свободу совести в социокультурном пространстве. Восточная модель опирается на аксиологическую суверенность (ценностный эквивалент автономности на основе философского мировоззрения). На Востоке свобода означает свободу в ограниченном пространстве, в одной из плоскостей общественных отношений. В России, на наш взгляд, свобода совести основана на моральном поиске истины, правды. Это позволяет отнести такой тип свободы совести к аксиологической суверенности социального субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - №3-1. - С. 95-100.
2. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
3. Гончаров В. Н., Колосова О. Ю. Социально-философский аспект научно-информационной деятельности в системе общественного развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. - С. 26-29.
4. РФ. Законы. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»: Принят Государственной Думой 9 сентября 1997 года. - М.: Ось-89, 1998. - С. 15.
5. Заевский Д.А., Похилько А.Д. Автономия религиозного сознания: теория, методология, практика: монография. - Армавир: РИЦ АГПУ, 2004. - 176 с.
6. Казанцева Н.В. К вопросу о мерах по предупреждению преступлений, посягающих на свободу совести в России (по результатам проведенного исследования) // Российский следователь. - 2014. - № 21. - С. 42-45.
7. Похилько А.Д. Предпосылки автономии правового сознания // Общество и право. - 2005. - №1(7). - С. 96-100.
8. Свобода совести и религиозная нетерпимость в современном мире. М. : Юристъ, 2015. 139 с.
9. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. - М.: Юристъ, 1995. - 479 с.

УДК 1

ДИАЛОГ И СОЦИАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ ДИАЛОГА

Глянев А. А.

DIALOGUE AND SOCIALITY IN THE PHILOSOPHY OF DIALOGUE

Glanev A. A.

В статье исследуются отдельные позиции философии диалога. Историко-культурные основания философии диалога позволяют рассматривать предмет исследования (диалог) как особый коммуникативный процесс, обуславливающий устойчивое развитие социальности. По мнению автора, диалогичность усиливает общество и эффективность взаимодействия социальных субъектов. Монолог в

социальном управлении ведет к усилению деструктивных тенденций, обуславливающих снижение эффективности социального взаимодействия. Исследования диалогической этики показывают, что диалог формирует ценностные категории социальности, важнейшие факторы самоорганизации и развития общества.

In article separate positions of philosophy of dialogue are investigated. The historical and cultural bases of philosophy of dialogue allow to consider an object of research (dialogue) as the special communicative process causing sustainable development of sociality. According to the author, dialogicity strengthens society and efficiency of interaction of social subjects. The monologue in social management leads to strengthening of the destructive tendencies causing decrease in efficiency of social interaction. Researches of dialogical ethics show that dialogue forms valuable categories of sociality, the most important factors of self-organization and development of society.

Ключевые слова: диалог, монолог, социальность, философия диалога, социальная коммуникация, самоорганизация общества, управление

Keywords: dialogue, monologue, sociality, philosophy of dialogue, social communication, self-organization of society, management

Актуальность рассмотрения соотношения понятий социальности и диалога обусловлена необходимостью расширения теоретических представлений о роли диалога как особого коммуникативного взаимодействия, результатом которого, с одной стороны, становятся устойчивые представления о социальной реальности, с другой - определяются устойчивые социальные связи, представляющие собой условия, в которых осуществляется социальная коммуникация. Современное общество отличается «сложным взаимодействием различных видов социальной коммуникации» [4, С. 95-100]. В современном мире различные формы взаимодействия между людьми, народами, корпорациями, странами, культурами обретают глобальный характер. На различных уровнях интеграции социальных субъектов актуализируется проблема устойчивого развития. Один из аспектов этой проблемы – необходимость обеспечения эффективных форм взаимодействия, формирующих устойчивые социальные связи и представления о социальной реальности.

В докладе на международной конференции «Актуальные вопросы экологии человека: социальные аспекты» Г. В. Бакуменко указывает, что «в контексте интенсивно развивающихся информационно-коммуникационных технологий можно сформулировать проблему экологии социальной коммуникации, проблему сохранения содержательности социальной коммуникации и ее основополагающей функции - общественной самоорганизации» [5, С. 33]. Иными словами, проблема диалога как особого вида коммуникативного взаимодействия, формирующего устойчивые представления о социальной реальности и обеспечивающего устойчивые социальные связи, ведущие к самоорганизации общества, в современных условиях особо актуальна [9, С. 64-68].

В отечественной научно-философской мысли интерес к проблематике диалога постоянно развивается. Тесная взаимосвязь диалога с основополагающими принципами философского познания диктует необходимость историко-философских методов (сравнительно-исторического и историко-культурного анализа), реализация которых возможна с теоретических позиций философии диалога (Ф. Эбнер, М. Бубер, Г. Марсель, М. М. Бахтин, М.С. Каган, В. С. Библер, Г.С. Померанц, А.С. Ахиезер, О.Н. Астафьева).

Осмысление социальности связано с этической проблематикой и свойственно в той или иной степени древнейшей философской мысли. Функциональная сторона диалога в контексте социальности, в условиях становления в социальной коммуникации и непосредственном взаимодействии социальных субъектов ценностно-смысловых устойчивых категорий, таких, например, как «праведность» или «добродетель», имплицитно находит отражение уже в наследии Конфуция и апологетике Сократа. В праведности и добродетели закрепляются этические аспекты и тесная связь истинности бытия и познания, неявные вне взаимодействия человека и общества. Ценность человека задается выдающимися мыслителями до осевого времени как результат формирующего личность диалога одного с другим или одного с другими и измеряется возникающими в

процессе этого диалога категориями.

В индийской философии социальность задается как одно из проявлений сансары в специфических соотношениях статичности и динамики дхарм: постоянство взаимодействия закономерно возникающих факторов. Высшая ценность человеческой жизни проявлена как возможность через самосовершенствование преодолеть кармическую предопределенность сансары постижением закономерности дхарм и достижением нирваны (просветленного состояния духа). Поскольку общество, в традиционном кастовом понимании, является отражением статики и динамики высших сил и законов мироздания, диалог человека и общества трактуется как постижение истины (нирваны). Восприятие истории как природного цикла исключает возможность построения концепции прогресса социальности, хотя учения о государстве и обществе занимают центральное место в этике и эстетике индуизма и, как и в китайской традиции, социальное время измеряется периодами царств.

В индийской философии циклическое время приобретает концептуальную завершенность в идее реинкарнации и диалоге времен как причинно-следственной кармической связи. Природный цикл как диалог сущностей Брахмана (мироздания) и Атмана (индивида), порождающий не только общество, но все многообразие и единство живых существ, представляется закономерно организованной реальностью, свойством бытия. Что и объясняет специфику трансцендентного: возможность непосредственного обращения личности, минуя социальную опосредованность, к сущности мироздания.

В античной, древнекитайской и древнеиндийской философии есть возможность выделить исторические фигуры Сократа (ок. 470-399 гг. до н. э.), Конфуция (ок. 551-479 гг. до н. э.) и Будды (ок. 623-543 гг. до н. э.), в наследии которых подчеркнута роль формирующего личность диалога. Даты жизни этих знаковых в истории философии фигур позволяют предположить, что современные им общества переживали близкие по содержанию социокультурные трансформации, определяющие «тенденцию устойчивости общества ... число управляемых и контролируемых общецивилизационных факторов» [8, с. 23-26].

Обобщив, можно заключить, что функция диалога мыслителями древности используется при определении ценности человека и категорий ее измерения. Иными словами, метод диалогического мышления, как особая форма теоретизирования и умозаключений известен с древних времен, но получает свое описание лишь в XX веке.

Проблематика философии диалога, несмотря на отдельные скептические ее оценки, рассматривается с герменевтических (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр) и семиотических (Ю.М. Лотман, А.М. Пятигорский) позиций, в теории дискурса (Ж. Деррида, М. Фуко) и коммуникации (А. Моль, В.Ю. Боров). Акцентируя внимание на критике «диалогических» суеверий Ю. Бохеньский, все же указывает и на античную этимологию термина «диалог», и на социальную («коллективистскую») его сущность, на принадлежность к коммуникативному процессу. Отрицать диалог как часть социальной жизни, связанную с коммуникацией, Ю. Бохеньский не берется и, критикуя его как феномен некоторой коллективистской рефлексии, которой, по его мнению, экзистенциалистами придается чрезмерное значение, все же констатирует его связь с социальностью.

В.С. Библер, в противовес скепсису Ю. Бохеньского, раскрывает глубинные онтологические корни диалога культур и эвристическую ценность концепции диалогической философии, опираясь на сравнительно-исторический культурфилософский подход. Хотя он и не отрицает методологическую значимость монолога, как логического приема концептуализации и построения логичной (законченной) философской системы взглядов (концепции). Сравнивая диалектику и «диалогическую» как два инварианта мышления, присущие в различной степени разным историческим эпохам, В.С. Библер указывает, что диалектика в классическом понимании, являясь продуктом эпохи Нового времени, замкнута в собственной концептуальности, от чего не исчерпывает всего историко-культурного опыта. Развивая мысль В.С. Библиера, можно заключить, что монолог по своей природе конечен (обязан иметь логическое завершение), а диалог всегда остается открытым к

продолжению. Это два, принципиально различных по результату, коммуникативных акта, востребованных сегодня и в теоретической дискуссии, и в социальной жизни, описываемой, в том числе, в категориях теории дискурса. Следовательно, ограничивать социальность одним из инвариантов мышления (монолог или диалог) – означает мыслить односторонне, что неминуемо приведет к заблуждению относительно природы социальности. Так, игнорируя глубокое философское значение категории диалога, Ю. Бохеньской явно недооценивает конструктивную сторону коллективизма как феномена общественного сознания, и деструктивную сторону индивидуализма, явно переоценивая последний. Иными словами, для соотнесения категорий социальности и диалога необходим широкий историко-культурный контекст, не позволяющий замкнуться на одной из сторон проявления социальности [7, С. 27-30].

Обращение к историко-культурному контексту развития теоретического дискурса – один из распространенных приемов осмысления проблемных вопросов и, одновременно, интерпретации исторической событийности. В этой связи методологически ценным представляется социокультурный подход к интерпретации истории А.С. Ахиезера в плане развития диалогической концепции культуры [1, С. 122-132]. В основе его лежит положение о бинарных оппозициях категорий мышления. Эта дуальность присуща не только индивидуально-личностным когнитивным мыслительным процессам, но и социокультурной динамике. В зависимости от преобладающего социокультурного типа мышления социальность переживает инверсионные или медиационные периоды онтогенеза, которые и представляют собой циклы исторического развития. «Существование таких циклов может быть объяснено тем, что закономерности переосмысления, выступающие в конкретно-исторической форме, всегда были мощным процессом, определяющим специфику отношений людей, смену этих отношений, содержание решений миллионов людей, определяющих ход истории... Диалог следует рассматривать как историческую категорию. Он развивается в процессе движения мышления от господства инверсии к господству медиации, что не исключает периодических возвратов назад, к, казалось бы, давно ушедшим, забытым пластам культуры, возможно, архаичным, догосударственным» [3, С. 132].

Диалог как историческая категория, по А.С. Ахиезеру, периодическая (циклическая) смена преобладающего социокультурного типа мышления в коммуникации социальных субъектов: инверсии (разрешения противоречий путем постулирования нового знания) и медиации (разрешения противоречий путем смягчения диспозиций). Историческая категория диалога в общих чертах может трактоваться как постоянный диалог (диалектика) традиции и инновации. В диалогической концепции культуры социальный субъект не тождественен себе ни в индивидуально-личностном проявлении, ни в коллективном. Структура социальности образуется в переходе внутреннего диалога субъекта во внешнее коммуникативное взаимодействие и представляет собой сложную иерархию, у «подножия» которой находится диалог социальности и бытия, а «на вершине» – диалог человека (индивида) и общества. Собственно, образующаяся пирамида – лишь метафора, в которой вершина и подножие являются условными и амбивалентными, противоположащими категориями, взаимно конвертируемыми в зависимости от позиций прочтения категорий общего и частного.

Дуальность общего и частного можно признать основным методологическим приемом философии диалога. На нем основывается и анализ соотношения монолога и диалога в социальном управлении у А.С. Ахиезера. «Функция диалога, анализируя на материале отечественной истории тенденции монологизации и диалогизации социального управления в бинарной диспозиции двух его полюсов, – постоянная интерпретация культуры в сфере ее функционирования с целью воспроизводства жизнедеятельности, выживаемости на основе воспроизводства интеграции обоих полюсов, социокультурной интеграции через внешний диалог, в рамках соответствующих институтов... Конкретное содержание двойственности управления меняется в истории, но сама двойственность

никогда не исчезает» [2, С. 25-26]. Управленческий центр, в структуре социальности, представляет один полюс, а управленческая периферия социальной системы - другой. Тенденция воспроизводства культурой устоявшейся традиционной модели социального управления, «статичного идеала соответствующих отношений как неизменных» [2, С. 26], ведет к монологизации управления. В то время, как задачи повышения эффективности управления требуют гибкости и постоянного обновления (совершенствования) системы. Выработка необходимых, обусловленных ходом социогенеза, гибких и обновляемых качеств системы управления обществом, связывается с постоянным диалогом управляющего центра и периферии: «эффективность определяется не одним из полюсов управления, но способностью общества постоянно искать меру компетенции между ними» [2, С. 26]. А.С. Ахиезер обращает внимание на распространенное заблуждение, связывающее усиление власти с ее централизацией (монологизацией). В предельной властной централизации (монологизации) он видит деструктивную тенденцию, ведущую к разрушению системы социального управления и, как следствие, к удельной раздробленности.

Таким образом, с позиций философии диалога диалог рассматривается как реальный коммуникативный процесс, обуславливающий устойчивое развитие социальности. Диалогичность социального управления усиливает общество и эффективность взаимодействия социальных субъектов, в то время как подмена диалогических форм управления монологическими ведет к усилению деструктивных тенденций, связанных со снижением эффективности социального взаимодействия. Кроме того, исследования диалогической этики показывают, что только в рамках диалога как особой формы социального взаимодействия формируются ценностные соотношения человека и общества, «... становятся новой коммуникационной средой взаимодействия» [6, С. 118-124], являющиеся важнейшими факторами самоорганизации общества и социального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. С. Между циклами мышления и циклами истории // *Общественные науки и современность*. - 2002. - № 3. - С. 122-132
2. Ахиезер А. С. Монологизация и диалогизация управления: Опыт российской истории // *Общественные науки и современность*. - 2004. - № 2. - С. 24-34.
3. Ахиезер А. С. Сфера Между и ее осмысление // *Общественные науки и современность*. - 2009. - № 5. - С. 125-133.
4. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // *Историческая и социально-образовательная мысль*. - 2016. - Т. 8. - №3-1. - С. 95-100.
5. Бакуменко Г. В. Экология социальной коммуникации в контексте интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий // *Актуальные вопросы экологии человека: социальные аспекты*. В 3-х томах / отв. ред. Г. М.Хасанова. - Уфа: РИО ИЦИПТ, 2017. - Том 3. - С. 30-34.
6. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // *Социально-гуманитарные знания*. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
7. Гончаров В. Н. Социальная концепция информационного общества // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. - 2011. - №6-2. - С. 27-30.
8. Колосова О. Ю. Глобализация культурных процессов: синергетический аспект // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. - 2012. - №2. - С. 23-26.
9. Лукьянов Г. И. Трансформационные процессы в современном российском обществе как отражение динамики новой социальной реальности // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. - 2017. - №4. - С. 64-68.

УДК 1

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ**

Гончаров В. Н.

**ANTHROPOLOGICAL ASPECT OF INFORMATIZATION OF
FORMATION OF SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

Goncharov V. N.

Изменение характера современного общества требует переосмысления такого фундаментального понятия, как образование, поскольку в свете перехода общества от индустриального к постиндустриальному, изменяется внутреннее содержание этого понятия. Наряду с изменением роли образования в постиндустриальном обществе расширяется также понимание сущности самого образовательного процесса. В статье рассматриваются возможности преодоления технократического характера образования путем развития антропологических факторов образования.

Change of character of modern society demands reconsideration of such fundamental concept as education as in the light of transition of society from industrial to post-industrial, the internal content of this concept changes. Along with change of a role of education in post-industrial society also the understanding of essence of the most educational process extends. In article the possibilities of overcoming of technocratic nature of education by development of anthropological factors of education are considered.

Ключевые слова: социальная реальность, общество, образование, информатизация образования, субъект коммуникации, гуманитарное обучение, национальная культура

Keywords: social reality, society, education, education informatization, subject of communication, humanitarian training, national culture

В настоящее время одной из наиболее актуальных тенденций развития современного общества является информатизация социальной реальности. Данная тема является настолько востребованной, что практически любое современное исследование, затрагивающее различные экономические, социальные, политические, культурологические, философские проблемы, не обходится без обращения к этой тематике. Актуальность темы информатизации современного общества обусловлена рядом причин. Во-первых, современное общество переживает переходный этап: от индустриального общества к постиндустриальному обществу, или информационному обществу; во-вторых, данный переход вызывает лавинообразные изменения в социальной структуре современного общества; в третьих, данные изменения имеют радикальный характер. Вследствие процесса информатизации в современном обществе теряется ощущение устойчивости, поскольку стремление к инновациям, постоянным изменениям характеризует собой лейтмотив современной эпохи. Причиной данных изменений является процесс информатизации, который задает как характер, так и динамику трансформаций в информационном обществе, контекст любых научных исследований.

Можно предположить, что изменения в обществе носят не внешний, а сущностный характер для современного общества в целом и различных областей (политики, экономики, образования, науки), определяя «специфический феномен той или иной общественной жизни» [6, С. 87-93]. Сущностный характер процесса информатизации в современном информационном обществе проявляется в том, что он изменяет как динамику социальных процессов, так и характер социальной реальности, что позволяет говорить о «сложном взаимодействии различных видов социальной коммуникации» [2, С 5-10]. Таким образом, процесс информатизации изменяет не только реалии современного постиндустриального общества, но и способы его понимания, интерпретации. Информатизация современного общества приобретает сегодня глобальный характер, поскольку процессы, лежащие в основе информационного общества, определяют сущность, характер, динамику и

перспективы развития социальных процессов в целом [3, С. 118-124]. Информационное общество развивается как принципиально новый вид общества, задавая особый характер социальных связей. При этом актуальным является понимание того, «на каком уровне начинают совершаться трансформации и в сознании человечества в целом и в сознании каждого индивида» [7, С. 115-120]

В информационном обществе, актуализация темы образования, обусловлена спецификой информационного общества. Суть данного типа общества раскрывается в развитии и совершенствовании информационных и телекоммуникационных технологий, причем специфической чертой последних является их непрерывное совершенствование. В этом заключается сущностное отличие техники индустриального общества от информационных технологий постиндустриального общества. Если техника в индустриальном обществе воспринимается как нечто чуждое человеку, как разновидность машины, то информация несет в себе другие признаки. Информация объединяет в себе материальный носитель и интеллект, и в этом смысле она воспринимается как разновидность интеллекта, грань между человеком и техникой становится неуловимой. Информация выступает не как вспомогательное средство в современном образовании, а как смыслообразующий фактор. Техника в информационном обществе представляет собой источник бесконечного технического развития.

Безграничные возможности информационных технологий в образовании, прежде всего, обуславливают новую модель образования: образование не ограничено пространственными, временными и институциональными рамками, поскольку появляются новые формы образовательных практик, которые не вписываются в традиционную схему обучения. Безграничные когнитивные возможности массовой информации делают невозможным законченный образовательный процесс. Постоянное совершенствование и развитие информации требует непрерывного обучения не только в рамках образовательных институтов, но и социальных институтов в целом. Образование направлено не столько на усвоение знаний, сколько на возможности управления им. Таким образом, современное образование разворачивается в социальном пространстве и включает в себя нетрадиционные формы образовательной практики. Статус образовательных приобретают любые процессы, которые направлены на образование субъекта. Речь идет о переосмыслении парадигмы современного образования в рамках социальных преобразований, о формировании современной концепции образования, включающей теоретический (концепция образования) и практический аспекты (образовательная практика).

В современном образовании разворачивается информатизация образования, и по сути дела, перестройка системы образования происходит в соответствии с потребностями данной образовательной стратегии. Важность и актуальность процесса информатизации для развития образования и современного общества в целом осознается на всех уровнях: теоретическом, практическом, институциональном. Однако как теория, так и реальная практика образования далеки от решения образовательных проблем. Можно выделить следующие причины. Говоря о развитии и внедрении информационных технологий в образование, подразумевается разработка и проведение курсов, которые являются обязательными как для среднего, так и высшего образования. Данные курсы направлены на формирование необходимых знаний и навыков в обращении с современными средствами коммуникации. Такой способ преподавания и образования является традиционным для современного образования. Однако в рамках информатизации современного образования, тех требований, которые предъявляются выпускникам средних, среднепрофессиональных и высших учебных заведений, такой уровень подготовки оказывается недостаточным.

Социальная система современного общества испытывает потребность не только в компетентных специалистах, но и людях, умеющих самостоятельно решать профессиональные проблемы, прежде всего людях, способных к непрерывному образованию в процессе своей деятельности. Реалии информационного общества

свидетельствуют о том, что востребованы специалисты, имеющие достаточный уровень знаний в области информационных технологий. Для этого требуется человек адаптивный, способный к постоянному обучению, как в рамках своей деятельности, так и в области массовой коммуникации. Таким образом, процесс информатизации современного образования имеет ряд серьезных пробелов, и прежде всего, недостаточную разработанность антропологического аспекта образования в области телекоммуникационных технологий. Данный пробел должен быть восполнен как в теоретическом, так и в практическом плане.

До недавнего времени антропологические аспекты информатизации образования находились вне сферы научного исследования, поскольку данные проблемы (философско-антропологического характера) рассматривались как вторичные. На первый план, как правило, выходят проблемы технического, когнитивного, экономического характера, проблемы, решение которых определяет реальный процесс информатизации образования. В рамках такого подхода формируются соответствующие образовательные стратегии, способ преподавания, уровень информатизации образования в целом. Необходимо осмыслить данную проблематику в ином ключе. Информатизация образования должна проводиться с учетом потребностей и возможностей познающего субъекта, когда образование субъекта в области информатизации сопряжено с образованием в смежных областях. Комплекс практических знаний и навыков должен быть фундирован знаниями об информационном пространстве, социальных механизмах, языке, истории развития информационных технологий. Человек должен не только свободно ориентироваться в потоке информации, он должен оперировать интегративным знанием, знанием, включающим технические и гуманитарные компоненты. Только в этом случае мы можем говорить об образовании человека, ведь информатизация образования, в конечном счете, преследует именно эти цели.

Антропологические аспекты информатизации образования необходимо осмыслить в теоретическом плане. Говоря об основаниях, следует упомянуть, что речь идет об основаниях образовательной деятельности, прежде всего, в системе вузовского образования [10, С. 3391-3394]. Процесс информатизации нужно понимать и рассматривать в рамках образования в целом. Имманентные цели образования определяют генеральные тенденции и перспективы развития процесса информатизации. В практическом плане необходима разработка образовательных стратегий, курсов, специализаций, направленных на гуманитаризацию образования. На методологическом уровне эта потребность проявляется в разработке новых методов обучения, направленных на формирование комплексных знаний о мире. Говоря об антропологических основаниях информатизации образования, следует определить наиболее значимые параметры в образовании, которые актуализируются в свете современной постмодернистской философии. Формирование нового образа человека происходит вследствие развития антропологической, лингвистической философии и философии языка. Традиционное образование было основано на идеалах классической философии. Человек понимается в аспекте разума, сущность человека отождествляется с его разумом. Целью образования является развитие разумных задатков человека, которые отождествляются с духовными характеристиками. Такое образование можно понимать как наукоучение, поскольку обучение в рамках образовательных учреждений гарантирует умственное, духовное, моральное совершенствование человека, «взаимодействие личности и общества ... развитие личности человека» [8, С. 73-78].

Кризис образования, разразившийся в 60-70-х гг. XX века, современная образовательная практика, свидетельствует о недостаточности такого понимания образования, и, прежде всего, об основаниях самой образовательной деятельности. Развитие антропологической, онтологической философии приводит к переосмыслению сущности человека. Человек понимается как духовное существо, как некая целостность, наделенная множеством умственных, физических, духовных, моральных задатков. Наличие

разума не выделяет человека из пространства природы, напротив, как и другие существа, человек наделен разумом.

При этом человек понимается как деятельная сущность, которая еще не определена. Определение происходит в пространстве языка, в социальном окружении, когда человек обретает свою сущность, образует себя. Именно поэтому человек и нуждается в образовании. Образование предстает как способ становления человека, как среда, в которой происходит формирование человека. Образование предстает как процесс, экзистенциально причастный человеку, как онтологический процесс, вне которого невозможно существование человека. Вследствие такого подхода возрастает значимость образования не только в социальном, но и прежде всего в экзистенциальном смысле.

Любые процессы, способствующие образованию человека приобретают онтологическую значимость, поскольку в пространстве образования происходит становление человека как деятельного существа. Поэтому релевантными являются не только процессы обучения по традиционной схеме, но и любые процессы, имеющие образовательную ценность для человека: коммуникативные, интерактивные, коммуникация через Интернет. Необходимо расширить понимание образования в рамках современной интерпретации сущности человека. Образование, информатизация образования должны быть построены таким образом, чтобы способствовать образованию человека.

Человек предстает не как трансцендентальный субъект познания, а как реальный субъект коммуникации в рамках современного понимания. Посредством коммуникации человек образует себя. Коммуникация с другими субъектами выступает как способ реализации человека, как образовательное пространство, в которое человек вступает с момента рождения, и в котором он пребывает всю жизнь. Поэтому информатизация образования представляет собой возможность развития коммуникативных навыков человека, становления его как социального субъекта в информационном мире. Реальность информационного общества задает новый тип коммуникативных отношений - коммуникации посредством информационных каналов. Поэтому информатизация образования должна ориентироваться на формирование коммуникативных навыков субъекта, обучение его в соответствии с потребностями современного общества.

Разработка новых образовательных технологий, которые сочетают в себе как техническое, так и гуманитарное обучение в рамках образовательных целей и задач, для этого просто необходима. В качестве таковых выступает проектная работа. Под учебным телекоммуникационным проектом понимается совместная учебно-познавательная, исследовательская, творческая деятельность, организованная на основе компьютерной телекоммуникации, имеющую общую проблему, цель, согласованные методы и способы решения проблемы, направленную на достижение совместного результата. «При отборе содержания обучения необходимо учитывать как специфику содержания, так и методы его усвоения» [1, С. 9-12].

Для самостоятельной работы субъекта, когда он проявляет творческие способности в решении поставленных им задач, проектная работа представляет собой уникальную возможность. Специфика проектной работы в том, что в данном случае требуется применение комплекса знаний как в области информационных технологий, так и в конкретной научной области. Специфика телекоммуникационных проектов заключается, как уже говорилось, прежде всего, в том, что они по самой своей сути всегда межпредметны. Решение проблемы, заложенной в любом проекте, всегда требует привлечения интегрированного знания. Но в телекоммуникационном проекте, особенно международном, необходима, как правило, более глубокая интеграция знания, предполагающая не только изучение собственно предмета исследуемой проблемы, но и знакомство с особенностями национальной культуры партнера, его

мироощущения. Это всегда - диалог культур в контексте развития современной цивилизации [9, С. 145-160].

Таким образом, проектная работа может проводиться, как в рамках различных предметных областей, так и в процессе обучения по специализации [11, С. 85-90]. В этом заключается особенность данной образовательной стратегии. Данная образовательная стратегия может использоваться в рамках любых образовательных учреждений. Наряду с проектной работой следует выделить еще одну образовательную стратегию, в качестве таковой выступает медиен-компетенция. Медиен-компетенция - эта образовательная стратегия, направленная на формирование навыков обращения с информационными средствами связи. Под этим подразумеваются не только технические, но и гуманитарные познания в области телекоммуникационных технологий. Медиен-компетенция позволяет сформировать определенные навыки в обращении с массмедиа. Информационные средства связи (массмедиа) оказывают определенное воздействие на человека, как позитивное, так и негативное, используя при этом совокупность художественных и эстетических средств, «имеющих дело с эволюцией искусства» [4, С. 68-71], определяющих «формы духовно-практического освоения мира» [5, С. 9-12].

Посредством массмедиа для коммуникации субъект должен уметь обращаться с ними, иметь представление о негативном, манипулятивном воздействии на его сознание. Технический компонент является первичным и необходимым элементом медиен-компетенции, поскольку он делает возможным коммуникацию между субъектами. Развитие медиен-компетенции в современном образовании позволит человеку приобрести определенные знания и навыки в обращении с информационными средствами коммуникации и в то же время преодолеть негативное влияние массовой информации.

Информатизация современного образования должна быть пересмотрена в рамках современных антропологических идей. Преподавание следует дополнить и расширить новыми образовательными технологиями, которые направлены на формирование гуманитарного знания. Таким образом, тематизация антропологического принципа в современном образовании позволит коренным образом изменить процесс информатизации образования и тем самым способствовать гуманизации образования в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкина Ю. С., Морозова Т. П. Психолого-педагогическая готовность выпускника педагогического вуза к включению в профессиональную деятельность // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. - 2017. - №3. - С. 9-12.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Контуры типологического исследования социальности современного общества // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. - 2014. - Т. 14. - № 2-1. - С. 5-10.
3. Говердовская Е. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // *Социально-гуманитарные знания*. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
4. Дараганова Ю. С. Культурологический анализ репрезентативности эволюционной выборки // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. - 2010. - № 6. - С. 68-71.
5. Ерохин А. М. Религия и искусство в системе культуры // *European Social Science Journal*. - 2014. - № 7-2 (46). - С. 9-12.
6. Камалова О.Н., Карпун А.Б. Основные структурные элементы политической власти // *Гуманитарные и социальные науки*. - 2010. № 1. - С. 87-93.
7. Колосова О. Ю. Экологическая идеология как фактор устойчивого общественного развития // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. - 2015. - № 4. - С. 115-120.
8. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте

межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.

9. Несмеянов Е. Е. «Цивилизация молодых»: идея и реальность // Гуманитарные и социальные науки. - 2013. - № 6. - С. 145-160.

10. Редько Л. Л., Леонова Н. А. Антропологическая парадигма профессиональной подготовки педагогов в системе вузовского образования: методологический аспект // Фундаментальные исследования. 2015. - № 2-15. - С. 3391-3394.

11. Тюренкова С. А., Шумакова А. В. Практикоориентированный подход в подготовке студентов педагогического вуза // Гуманитарные науки в XXI веке. - 2014. - № XXIII. - С. 85-90.

УДК 1

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМООБРАЗОВАНИЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Губанова М.А.

PHILOSOPHY OF CULTURE ABOUT PECULIARITIES FORMS OF SPIRITUAL CULTURE

Gubanova M.A.

Автор рассматривает духовную культуру, особенности формообразований традиционной национальной духовной культуры России. В определение понятия «культурное формообразование», которое отнесено к неклассической форме, включены такие важные признаки как ее знаково-символический характер, динамичность, субъектность. Базовые черты духовных формообразований культуры России, связаны с экзистенциальной ментальностью русского человека.

The author considers spiritual culture, features of shapings of traditional national spiritual culture of Russia. Definition of the concept «cultural shaping» which is referred to a nonclassical form has included such important signs as her sign and symbolical character, dynamism, subjectivity. Basic lines of spiritual shapings of culture of Russia, are connected with existential mentality of the Russian person.

Ключевые слова: форма, содержание, духовная культура, культурное формообразование, национальный характер

Keywords: form, content, spiritual culture, cultural form, national character

Актуальность темы культурной формы связана с возрастанием роли формообразований традиционной российской культуры в цивилизационном и культурном развитии страны, в процессах развития личности и индивидуальности. Особую теоретическую и практическую значимость данная проблема приобретает в современной России, в которой происходит сложный процесс контаминации традиции и обновления самой сути социокультурной реальности, а, следовательно, неисчерпаемого мира форм субъектности и субъективности.

В ряду современной авторов, под влиянием которых была заложена традиция теоретического изучения социокультурной специфики формы, следует назвать ряд зарубежных (М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Гуссерль, Э. Кассирер и М. Хайдеггер) и отечественных ученых и философов (А.С. Ахиезер, В.И. Вернадский, В.Н. Шевченко, А.Я. Флиер). Например, Г. Зиммель, разработал формальную социологию и применил ее идеи к исследованию изменения культурных форм [4], а А.Я. Флиер – генезис культурных формообразований [8]. Однако в аспекте философии культуры тема именно природы культурных формообразований разработана недостаточно [6, С. 34-38].

Четко определимся с направленностью нашего анализа. Объект - духовная культура. Предмет - природа и важнейшие особенности массива формообразований национальной духовной культуры. В таком случае задачу исследования можно определить как выявление

основных характеристик сущности и динамики форм российской традиционной духовной культуры, определяющей «формы духовно-практического освоения мира» [3, С. 9-12].

Прежде всего, возникает вопрос о том, чем отличаются смежные понятия форма и формообразование. В логическом, синхроническом, срезе культурное формообразование интерпретируется как целостный духовный мир культурного самотворчества исторического субъекта, или динамичная историческая социокультурная форма, перманентно изменяется в информационно-семиотическом континууме социальной информации современного общества с его специфической социальностью [9, С. 5-7], «определяется системой научного мировоззрения, научно-осознанными социальными целями общества» [2, С. 26-29]. В историческом плане культурное формообразование наглядно отличается от устойчивой природной формы своей динамичностью, она развивается посредством добавления или потери некоторых элементов содержания. Такое формообразование имеет смысл сохраненной в исторической памяти, сконцентрированной в ней человеческой субъективности.

Например, философия, как особое духовное формообразование, связано с принципиально новой в истории культуры структуры – личностной структуры. По сравнению с чрезвычайно устойчивой социокультурной формой формообразование духовной культуры непосредственно направлено на личностное развитие человека. Такое коренное изменение в историческом развитии сути человека, его бытия (экзистенции) в осевое время К. Ясперс называет одухотворением.

Культурное формообразование изменяется под воздействием новых личностных индивидуализированных смыслов и общих ценностей. Оно приходит на смену мифоформе, которая рассматривает бытие и мышление в их единстве. Движение от мифа к логосу (логике) означает разделение формы и содержания в самом общем смысле. Этот процесс завершается в философии Аристотеля, его формальной логике и метафизике.

Аристотелевская форма есть внутренняя сущность, суть бытия, его определяющий закон, почти платоновская идея, образец, по которому возникает и существует вещь. Материя по отношению к форме является строительным материалом для строителя. Основой мира сущего выступает не первая материя, а уже оформленная вторая материя.

Высшим достижением в классическом понимании формы как в логическом, так и в культурном контексте стало диалектическое ее понимание в немецкой философии, в особенности, трактовка формы в ее органическом соотношении и взаимосвязи с содержанием в философии Канта и Гегеля. Так, кантовская философия имела значение для генезиса современной категории форма, она стала третьим этапом ее эволюции.

Эта классическая интерпретация формы основана на введении связи формы и содержания. Категориальная модель формы в данной интерпретации включает категории содержание, сущность, противоречие. При этом различаются внутренняя и внешняя форма. Внешняя форма образуется онтологически путем отделения от содержания. Гносеологически выражается в операции формализации. Самую внешнюю форму Гегель называет обоснованным, а Маркс превращенной формой. Проблематика превращенной формы означает начало неклассического классического понимания формы и возможность введения понятия формообразование. Суть предлагаемого подхода состоит в том, чтобы реинтерпретировать устойчивые классические формы духовной культуры в качестве динамических формообразований.

Смысл гегелевской диалектической категории содержание в том, что эта категория уже полностью редуцируется к системе отношений. Этой цели соответствует и разделение формы на внутреннюю и внешнюю. Внутреннюю форму можно одновременно рассматривать и как содержание, и как форму. В данном случае отсутствуют устойчивые элементы как таковые (в данном отношении Гегель в этом отношении не только отличен от Канта, но даже противоположен ему).

Предлагается подход к культурным формообразованиям как системным возможным мирам духовной культуры и мир субъективности, творчества.

Культурное формообразование дополняет процесс формализации культуры. Неклассическое понимание формы означает приобретение ею особой функциональности в культурно-семиотическом, информационном аспекте. При этом знаково-символические функции формы вытесняют ее сущностные функции. Культурное формообразование непрерывно изменяется в информационном поле, «... становится новой коммуникационной средой взаимодействия» [1, С. 118-124]. Формообразования духовной культуры представляют собой вид культурных формообразований общества и человека. Динамичность культурных формообразований обусловлена введением или замещением системообразующих элементов.

Неклассическое понимание формы в ее динамике означает переход к культурному формообразованию, в котором соединены материальное и идеальное, коллективное и индивидуальное, социальное и антропологическое, статическое и динамическое. Форма по своему значению сближается с понятием структура. Форма становится знаком социальных значений. Современное информационное общество предполагает возрастание формализации феноменов духовной культуры. Формализация создает условия процесса формообразования.

Возрастание информационной и интеллектуальной емкости – это принцип синтеза; который пронизывает современную культуру и ускоряет процесс формообразования духовных феноменов. Процессы формализации идут в науке, философии, искусстве, политике, праве, морали, религии. Как справедливо отмечает Л.Н. Лебедева, процесс формализации противоречив [5, С. 67-70.]. Культурное развитие ведет к разрыву между формой и содержанием, обеднению культурных форм, что сопровождается псевдоиндивидуализацией человека. Культурная формализация ведет к интеллектуализации культуры и обеднению ее духовного содержания.

Процесс (и результат) культурного формообразования выражает обратное движение формы к содержанию. Культурная форма - это возможный мир виртуальной реальности особого типа. В культурной форме сопряжены два вектора рассмотрения: детерминизм общественных значений и антропологический детерминизм личностных смыслов. Сочетание этих двух векторов образует ценности. Ценности можно представить либо как универсальные смыслы, либо как конкретизированные социальные значения. Покажем в этой связи, как формы общественного сознания могут быть интерпретированы в виде форм духовной культуры. Относительная самостоятельность и автономность общественного сознания обусловлена именно спецификой действия социальной формы в культуре.

При этом отметим, что реконструирование форм общественного сознания в аспекте экспликации в них человеческой субъективности, рассмотрение их как формообразований духовной культуры, дает возможность уловить понятие противоречивое единство формализации и формообразования культуры. Основой такого единства выступает автономия общественно-индивидуального субъекта [7, С. 47-52]. Подчеркнем, что автономия общественно-индивидуального субъекта раскрывается в его диалогическом отношении к миру. Диалог есть самораскрытие автономии, а автономия – результат диалогического отношения.

Субъект культуры, его исходная форма, личность (или русская душа), имеет основополагающее значение для понимания российских формообразований культуры. Культура - явление динамичное, формообразующее субъекта. Культура образует, образует, формирует человека, но и сам человек создает культуру, проявляя в ней национальный характер, накладывает свой образ. Такой двусторонний формообразующий процесс модно передать термином «культивировать», образовывать. В религиозном смысле это значит придание образа Божьего, чистой духовной формы. Культура образует и образует личность, человека, его отношение к людям, миру, социальному окружению - от культуры употребления напитков и стиля одежды - до формообразования сельскохозяйственных растений и промышленных изделий.

Концептуально-динамический характер социокультурных форм духовности выявляется в основных ее типах. Обратим внимание на специфические проблемы российских политических и правовых культурных формообразований.

Русская философия, взятая как особое культурное формообразование, существенно отличается от своего антипода - немецкой философии - отказом от признания гносеологической формы универсальной ценностью. Она выявляет не абстрактную, а совершенно конкретную особенность формы в духовно-практическом, этическом аспекте. Философствование как культурное формообразование, процесс интеллектуального вопрошания имеет национальный характер. В России традиционно существует, скорее, не сама философия как система в понимании классиков немецкой философии, нечто научное и объективное, а философствование в качестве динамичного субъективного (экзистенциального) формообразования, то есть процесс жизнотворчества.

Что же касается влияния процессов информатизации на повседневное бытие и сознания уже современного человека в современной России, то оно очень противоречиво. Рост образования как бы «онаучивает» обыденное сознание. При этом, однако, разрушается аксиологическая суверенность (ценностная автономность) сознания. Чтобы показать ценность традиции в воспроизводстве обыденного, повседневного бытия личности, необходимо проанализировать ее в аксиологическом аспекте. Национальная традиция позволяет сохранить личность как основу культуры. Личностная автономия – это не изоляция от общества и культуры, а гармоничное отношение (личности) к социальной и культурной среде, целостность индивидуального и общественного субъекта культуры.

Динамичность русского философствования как культурного формообразования находит выражение в динамичности образов-концептов художественной литературы в духовной жизни. Особенность художественной формы в традиционной русской литературе заключается в том, что она схема жизнотворчества и социального конструирования. Внутренняя форма слова философична. Одной из философско-эстетических особенностей традиционной российской духовности является преобладание вопросов над ответами, вплоть до стояния человека перед такой духовной бездной, которая может превосходить гамлетовское быть или не быть.

Культурное формообразование имеет ветвящийся характер, поскольку его тенденция – это соединение социального и антропологического измерения в измерении культурном. В социальном измерении форма конструируется, становится прочной, а в антропологическом измерении культурное формообразование деконструируется. На материале художественных формообразований видно, что они противоречивы: с одной стороны, для их существования необходимы хаотические процессы, с другой стороны – определенные устойчивые формы. Например, для реализации социального идеала необходимо, чтобы государственные формы реализовались через деятельность и сознание отдельных индивидов. Для понимания художественного текста как культурного формообразования требуется синергичное взаимодействие автора и творца.

Философия познает общее, искусство – показывает единичное, индивидуальное. Духовность относится к социальному, а смыслы – к индивидуальному сознанию. Здесь совершенно необходимо связать философию и искусство, религию и науку. Духовное не детерминировано. Оно противоположно формам детерминизма. Дух приходит не из природного мира, а является прорывом в этом отчужденном мире. Он имеет добытийную природу, то есть существует до бытия, это прорыв в новое бытие.

Выделяя особенности традиционной российской литературы как важнейшего культурного формообразования, приходится остановиться в хронологическом аспекте на отрезке XIX - начале XX века. В дальнейшем исследовании будут затронуты современные проблемы XXI века. В частности, это проблемы массовой культуры и культурной политики

в современной России. Пришлось руководствоваться идеей классичности как вечного образца и идеала, в том числе и для современности. Кроме того, надо учитывать и то обстоятельство, что обращение к русской классической художественной литературе обусловлено задачей восполнения разрыва с этой традицией, необходимостью установления новой связи с нею.

Таким образом, уточнено понимание сущности формообразований духовной культуры. В определение этого понятия включены важные признаки: знаково-символический (информационный) характер, процессуальность (динамичность), автономность (диалогичность). Все эти признаки резюмируются в наиболее существенном признаке – субъектности, развитой способности общественно-индивидуального субъекта к социокультурному творчеству и самотворчеству. Тем самым проведено отличие формообразования от понимания формы как бессубъектного общественного явления (превращенной формы деятельности).

Важнейшими чертами национальных духовных формообразований культуры России, связанными с экзистенциальной ментальностью традиционного русского человека, его национального характера (этоса) являются известные дуальные, антиномические черты: трудолюбие и инертность, панморализм и правовой нигилизм, святость и греховность, державность и анархизм, жажда свободы и рабская покорность. При этом особую значимость в духовной культуре России имеет традиционная русская философия, которую нельзя рассматривать только как интеллектуальное формообразование, поскольку она имеет ярко выраженную художественно-наглядную, чувственно-эмоциональную и практико-этическую направленность, более тесную связь с художественной литературой, искусством и религией, чем с наукой в западноевропейском ее понимании как бессубъектного явления. В свою очередь, художественная литература как формообразование духовной культуры отличается глубиной размышления, философичностью содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
2. Гончаров В. Н., Колосова О. Ю. Социально-философский аспект научно-информационной деятельности в системе общественного развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. - С. 26-29.
3. Ерохин А. М. Религия и искусство в системе культуры // European Social Science Journal. - 2014. - № 7-2 (46). - С. 9-12.
4. Зиммель Г. Избранные труды: Философия культуры. - СПб.; М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. - 432 с.
5. Лебедева Л.Н. Тенденция формализации культуры // Общество: Философия, история, культура. - 2016. - №9. - С. 67-70.
6. Петьков В.А., Похилько А. Д., Губанова М.А. Социокультурные формообразования: философский аспект // Общество: философия, история, культура. - 2015. - №3. - С. 34-38.
7. Похилько А.Д., Ромас Т.А. Автономия индивидуальности в диалогической этике и праве // Философия права. - 2013. - №3(58). - С. 47-52.
8. Флиер А. Я. Избранные работы по теории культуры. - М.: Артём: Согласие, 2014. - 556 с.
9. Baklanova O.A., Baklanov I.S., Kolomak A.I., Pokhilko A.D. Sociality as a social-philosophical problem // Life Science Journal. - 2014. - Т.11. - [№11s](#). - С. 5-7.

УДК 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Колосова О.Ю.

SOCIAL-AND-ECOLOGICAL ASPECT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND SAFETY OF SOCIETY: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Kolosova O.Yu.

В статье исследуется экологизация всех направлений современного общества, которая является одной из определяющих тенденций нашего времени. По мнению автора, концептуальной основой новой стратегии общественной системы стала идея устойчивого развития, реализация которой неотделима от сбалансирования экономических, социальных, экологических процессов как внутри отдельных государств, так и в рамках мирового сообщества.

In article greening of all directions of modern society which is one of the defining tendencies of our time is investigated. According to the author, the idea of sustainable development which realization is inseparable from balancing of economic, social, ecological processes both in the certain states, and within the world community became a conceptual basis of new strategy of public system.

Ключевые слова: цивилизация, общественное сознание, экосистема, биосфера, экологический кризис, экологическая безопасность

Keywords: civilization, public consciousness, ecosystem, biosphere, ecological crisis, ecological safety

Идеи устойчивого развития общества отвечают объективному требованию времени, «формированию новой социальной реальности» [6, С. 64-68]. Разрыв в уровнях социально-экономического развития индустриальных и развивающихся стран достиг таких масштабов, когда обеими сторонами он воспринимается как фундаментальная угроза международной стабильности.

На фоне явного сокращения роли силового противоборства и осознаваемых политических и экономических издержек, связанных с его продолжением в прежних масштабах, конфронтационные взаимодействия перешли в русло экономико-социально-экологического противостояния, основанного на фундаментальном критерии качества жизни.

Объективным основанием для этого явилась угроза глобального экологического кризиса, ставшая очевидной к середине 80-х гг. XX века. Кризис, связанный с растущей нагрузкой на жизнеобеспечивающие системы и возобновляемые ресурсы Земли, с деградацией окружающей среды и подрывом устойчивости биосферы, представляет собой столь же серьезную и актуальную опасность, как и традиционные угрозы военного характера. Изучение его развития в контексте мирового эволюционного процесса даёт весьма полезный ракурс для оценки происходящего в общественной сфере [2, С. 186-189].

Взятый мировым сообществом курс на сбалансирование экономических, экологических и социальных аспектов развития в рамках стратегии устойчивого развития ради предотвращения глобальной катастрофы является императивом. Активная поддержка Россией курса на устойчивое развитие мирового сообщества открыла для нее ряд возможностей. Во-первых, интеграции в мировое сообщество в качестве нового полноправного участника международных отношений, активно влияющего на формирование будущего миропорядка. Во-вторых, обозначения и международно-правового закрепления своего места в глобальной экологической нише как государства, обладающего одним из самых крупных в мире экологических потенциалов. В-третьих, использования международных экономических и правовых инструментов для содействия усилиям в

области устойчивого развития, предпринимаемых на национальном уровне.

Идея биологической стабилизации является фундаментальной гипотезой, объясняющей процессы саморегуляции глобальной окружающей среды. Она основана на действии естественных механизмов ликвидации тех условий и организмов, которые ведут к нарушению устойчивости среды. Это означает, что биосфера обеспечивает не только потребности человека и его хозяйственно-экономических систем, но и само существование жизни на Земле. В соответствии с гипотезой естественные экосистемы обладают конечной хозяйственной емкостью, выход за пределы которой подрывает устойчивость биоты (флоры и фауны) и окружающей среды. Человечество в своем развитии уже перешло этот пороговый уровень, нарушило устойчивость биосферы, положило начало процессу разрушения естественных сообществ и экологических ниш многих видов и организмов, а также поставило вопрос о распаде генома и существовании человека как вида. Человечество вышло за пределы хозяйственной емкости Земли, и уже сейчас ее природный потенциал недостаточен для поддержания, как существующих видов экономической деятельности, так и систем жизнеобеспечения, от которых зависит цивилизация. При этом наблюдается кризисное состояние социальной системы, неустойчивость и рискогенность социального развития [5, С. 41-43].

Необходимо признать, что попытки реализации стратегии устойчивого развития, ориентированной на несдерживаемый глобальный экономический рост будут означать только усугубление и без того острейшего кризиса надежности экосистемы и, в конечном счете, приведут к гибели человечества. Экологическую катастрофу можно предотвратить лишь при условии возврата на уровень допустимых антропогенных нагрузок на биосферу.

Чрезвычайно важным этапом современного глобального процесса - экологизации массового сознания [3, С. 18-22]. Для рядового гражданина экологическое качество среды обитания и потребляемого им продукта во все большей мере осознается как ценность, за которую он готов платить, и обеспечения, которого готов требовать как покупатель, налогоплательщик и избиратель. Во многих странах растет понимание того, что экологический рычаг постепенно превращается в универсальный инструмент постановки и общественного контроля решения любой проблемы, связанной с условиями и качеством жизни.

Экологизация общественного сознания и общественного мнения - процесс инерционный и медленный. Но именно понимание его значения - как на национальном уровне, так и на международном уровне - положено в основу подхода ряда государств к обеспечению не только экологической безопасности, но укреплению своих экономических позиций в системе международных отношений. Расчет строится на том, что глобальная переориентация спроса на товары и услуги, отвечающие определенным экологическим критериям, приведет к серьезной качественной перестройке мирового рынка, на котором наиболее конкурентоспособной будет продукция тех государств, где достигнут высокий уровень экологизации экономики и, прежде всего, технологической базы, обеспечивающей ее функционирование.

Основным направлением обеспечения защиты в экологической сфере должно быть укрепление экологической безопасности страны как составной части национальной безопасности и придание высшего приоритета экологической компоненте разрабатываемой стратегии устойчивого развития. Кроме того, императивом внутригосударственной политики в этой области является отход от практики реагирования на уже проявившиеся внешние угрозы в связи с экологической ситуацией и ориентация на предвидение и предотвращение таких угроз. Необходимо оказать целенаправленное и активное воздействие на идущее формирование международных отношений в области экологической сферы. В качестве приоритетного направления реализации мер эколого-экономического характера, можно сформулировать следующие:

- произвести всестороннюю инвентаризацию экологического потенциала,

включающую оценку состояния, размеры и динамику изменения природных систем (почва, леса, воды, воздух, биосфера);

- осуществить переход от экологической парадигмы, основанной на борьбе с загрязнениями и контроле состояния окружающей среды, к парадигме, основанной на предвидении, оценке и предотвращении экологического ущерба;

- разработать общегосударственную программу экологизации экономики, охватывающую все ее этапы - от добычи сырья и производства продукта до его потребления, переработки и утилизации отходов;

- исходить из объективной необходимости учета экологических факторов при формировании нормативно-правовой базы развития экономики, а также обеспечения взаимосвязи нормативов качества окружающей среды и показателей, определяющих уровень и качество жизни населения;

- разработать меры государственной поддержки регионов в области решения экологических проблем, предусматривающие ассигнования и инвестиции из федерального бюджета, бюджетные дотации (субсидии, субвенции), а также льготные инвестиционные кредиты и гарантии государства;

- принять и начать осуществление государственной программы создания и использования экологически безопасной и ресурсосберегающей технологии с упором на развитие превентивной, контролирующей и восстанавливающей технологии, а также средств и аппаратуры экологического мониторинга;

- взять курс на совершенствование политики в области налогов, регулирования, закупок и торговли, которая поощряет технологические разработки и снимает барьеры на пути инновационных экологических технологий, ориентированных на сокращение риска, повышение эффективности затрат и создание экологически благоприятной продукции;

- способствовать разработке и внедрению методов экосистемного управления природными ресурсами в процессе развития экономики. Исходить из того, что такое управление позволит сохранить продуктивность и биологическое разнообразие экосистем, а также предотвратить отрицательные последствия для одних видов ресурсов в результате принятия мер эколого-экономического характера в отношении других ресурсов;

- разработать комплексную программу мониторинга, контроля, предотвращения и возложения ответственности за трансграничные поступления загрязнений со стороны сопредельных государств.

Помимо этого необходимо осуществление и внутривластных мер, основными из которых являются - оценка преимуществ и возможности принятия локального уровня в качестве базового при переходе к устойчивому развитию. При этом исходить из того, что концепция устойчивого развития, фокусирующая внимание не только на экономическом росте, но и на экологических условиях существования человека, открывает возможность превратить наиболее динамичный критерий качества жизни - показатель экологического прогресса - в индикатор начавшегося социально-экономического сдвига. Поскольку зримое улучшение экологической ситуации неотделимо от рационализации экономики и роста социальной вовлеченности граждан на конкретном уровне локального сообщества, то именно этот уровень представляется оптимальным для постановки задачи перехода к устойчивому развитию. Только на уровне сообщества могут быть наиболее полно учтены особенности и возможности решения локальных проблем и приняты во внимание его культурные, этнические и религиозные особенности, учтен многовековой опыт коренного населения и его традиции, обеспечено справедливое распределение экологического риска внутри сообщества. Именно локальное сообщество и его оценка глобальных и общегосударственных интересов и проектов является ключевым звеном в создании системы обратной связи в принятии решений между центральной властью и ее нижними уровнями.

Вместе с тем, сотрудничество местных властей и центральной власти открывает возможность выработки сбалансированных и стабильных решений по ключевым вопросам развития локальных сообществ и укрепления межобщинного сотрудничества в рамках регионов по проблемам, выходящим за пределы местной политической юрисдикции.

В отношениях локальных сообществ и центральной власти особое значение следует придать федеральной помощи общинам в тех случаях, когда обеспечение национальных интересов по ключевым экологическим, внешнеэкономическим и оборонным вопросам приводит к ущербу на локальном уровне.

Основой успешной реализации стратегии устойчивого развития и, как следствие, закладки фундамента для блокирования внешних угроз, связанных с экологическим компонентом этого развития, является активное вовлечение населения в этот процесс. Важным инструментом такой социальной мобилизации должна стать экологизация общественного сознания граждан.

Конкретные меры должны быть приняты по следующим направлениям:

- закладка в основу социального компонента стратегии устойчивого развития ориентации на гарантированное государством повышение уровня и качества жизни населения не только в его материальном выражении, но и в сбалансировании и стабилизации социальных процессов;

- принятие в качестве одной из основ стратегии устойчивого развития курса на достижение социальной справедливости. В рамках этого курса упор должен быть сделан на соблюдение законности, обеспечение социальной и экологической безопасности и сокращение разрыва в уровнях доходов наиболее обеспеченных и находящихся за чертой бедности слоев обществ;

- приоритетное внимание социальным аспектам стратегии устойчивого развития на локальном уровне, где процесс выработки и принятия решений неразрывно связан с реальными интересами конкретных людей, озабоченных зримыми проблемами и готовых нести ответственность за такие решения. Именно на этом уровне, - где существуют местные системы ценностей и приоритетов, где задача формирования устойчивой социальной среды наиболее ощутима и конкретна, - эффективно формируется системное мышление, облегчающее как интеграцию экономических, природоохранных и социальных действий, «обеспечивая максимальное взаимодействие социальных условий» [4, С. 143-147], так и достижение социальной справедливости, предполагающей «необходимость рассмотрения изменения функций и диспозиции социальных структур» [1, С. 168-177].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О.А. Бакланов И.С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. - 2015. - Т. 7. - № 1-2. - С. 168-177.

2. Гончаров В.Н. Общественная информация: функции управления в социальной сфере // Фундаментальные исследования. - 2013. - № 4-1. - С. 186-189.

3. Ерохин А.М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - №2(81). - С. 18-22.

4. Лобейко Ю. А., Говердовская Е. В. Психолого-педагогический аспект развития личности студента-спортсмена в контексте современных социальных условий // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 143-147.

5. Лукьянов Г. И. Риск и социальная нестабильность // Актуальные проблемы современной науки. - 2006. - №2(28). - С. 41-43.

6. Лукьянов Г. И. Трансформационные процессы в современном российском обществе как отражение динамики новой социальной реальности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2017. - №4. - С. 64-68.

УДК 316

СВОБОДА И БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ В КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Руденко А.М.

FREEDOM AND SAFETY OF THE PERSON IN THE COURSE OF SELF-REALIZATION IN THE CULTURE OF THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Roudenko A.M.

Статья посвящена соотношению экзистенциалов безопасности и свободы в процессе самореализации человека в современной культуре. Автор отстаивает позицию, согласно которой свобода безопасна в процессе самореализации человека лишь тогда, когда он представляет собой сформированную личность, которая имеет высокий уровень социального, психического (в том числе интеллектуального и эмоционально-волевого), физического и духовного развития. Будучи сформированной личностью с высоким уровнем развития, человек является носителем способности преобразования окружающего мира, сохраняющим внутреннюю индивидуальную целостность, являющуюся относительно автономной по отношению к факторам социокультурной действительности. В то же время свобода массового человека в условиях XXI века, наоборот, является источником постоянных угроз и требует константных внешних ограничений.

This article is devoted to a ratio of ekzistentsial of safety and freedom in the course of self-realization of the person in modern culture. The author defends a position according to which freedom is safe in the course of self-realization of the person only when he represents the created personality who has high level social, mental (including intellectual and emotional and strong-willed), physical and spiritual development. Being the created personality with the high level of development, the person is the carrier of ability of transformation of the world around keeping the internal individual integrity which is sociocultural reality, rather autonomous in relation to factors. At the same time freedom of the mass person in the conditions of the XXI century, on the contrary, is a source of continuous threats and demands constant external restrictions.

Ключевые слова: свобода, безопасность, человек, самореализация, культура, современность.

Keywords: freedom, safety, person, self-realization, culture, present.

Философско-антропологическая проблема соотношения свободы и безопасности человека в процессе его самореализации в условиях современной культуры актуальна, как никогда ранее. Об этом свидетельствует появившееся в последнее время значительное количество исследований, посвященных тем или иным аспектам данной проблемы. На сегодняшний день рассмотрены и исследованы: общие методологические подходы к проблеме соотношения свободы и безопасности [3], проблема терроризма в контексте свободы и безопасности [4], социологические аспекты преодоления фундаментального противоречия между свободой человека и его безопасностью [6], социально-правовые аспекты безопасности и свободы в жизнедеятельности человека [5], безопасность и свобода личности в информационном пространстве [7], феномены свободы и безопасности личности в процессе социализации личности [8], религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы [11] и т.д. Но, несмотря на то, что исследование соотношения свободы и безопасности человека привлекает сегодня многих исследователей, данная проблема все еще далека от полного и исчерпывающего изучения. И особенно мало работ, которые бы рассматривали с философско-антропологических позиций соотношение свободы и безопасности человека в процессе его самореализации в условиях культуры XXI века. Все это дает основания для изучения данной проблемы.

Свобода человека – это важнейший экзистенциал человеческого бытия, ключевой модус человеческого мироотношения, постоянно присутствующий в эпицентре его смысложизненной интенциональности. Свобода человека появляется там, где обнаруживается личностное Я, которое способно к тому, чтобы делать выбор и нести ответственность за его последствия. Бегство от свободы – это бегство от личности. И наоборот: самоотрицание личности – это отрицание свободы. Свобода безопасна только тогда, когда она есть личностный феномен и предстает как позитивное условие личностной самореализации носителя высокой интеллектуальной, креативной и духовно-нравственной культуры.

Свобода массового человека, наоборот, предстает как источник постоянных угроз и требует константных внешних ограничений. Вот здесь и возникает необходимость обеспечения безопасности человека со стороны общества и особенно государства. При этом, как верно отмечает Л.В. Давыдов, «...безопасность не есть результат удушения свободы индивидов государством, а есть свобода интересов, защищаемых государством от случайных трудностей и сложностей» [3, С. 10]. Государство в этом смысле выступает посредником между человеком и его свободой, ключевым гарантом безопасности. Критерием эффективности работы государства всегда выступает безопасность целого путем защиты совместной деятельности на основе сохранения устоявшихся способов взаимодействия людей в рамках конкретной культуры.

Однако категория свободы часто используется и как манипулятивный лозунг, как средство политических спекуляций. Массовый человек, привыкший считать, что ему во что бы то ни было нужна свобода, сам толком не знает, что ему на самом деле нужно и что ему мешает быть свободным. Это в свою очередь порождает противоречивое отношение к свободе, к трактованию ее как синонима анархии, беспредела, аномии, как причины роста преступности, безработицы, обнищания масс. А главное – свобода провозглашается как первостепенная причина нарушения безопасности жизнедеятельности человека, как препятствие для его самореализации. Все это порождает необходимость трезвого философского и научного анализа такого сложного и амбивалентного феномена, как свобода.

Объективный и взвешенный анализ показывает, что свобода и безопасность далеко не всегда должны противопоставляться друг другу, ибо они вместе при определенных условиях нацелены на жизнеутверждение и самореализацию человека в социокультурном пространстве. Поэтому трудно не согласиться с тем, что зачастую «...стремление противопоставить отношения свободы и безопасности есть стремление теоретически обосновать представления о государстве как механизме подавления свободы, как только оно начинает укреплять безопасность» [3, С. 18]. Более того, нередко оглашается позиция, согласно которой увеличение свободы в обществе стало причиной терроризма: «Критики всего нового часто обвиняют в появлении терроризма современное демократическое мироустройство. Они утверждают, что с появлением и развитием демократии развился и терроризм. Свободу слова, свободу частной жизни и свободу СМИ они называют благоприятными для терроризма фактами» [4, С. 5]. На самом же деле в высокоразвитом обществе: чем больше свободы, тем больше безопасности (и наоборот). Чем больше людей получает возможность самореализовываться на личностном уровне, тем в меньшей степени требуется защита как их самих, так и от них самих. И наоборот: чем меньше в обществе личностей, способных к подлинной, продуктивной и творческой самореализации, тем меньше позитивной свободы и меньше безопасности сосуществования. Поэтому корни терроризма заключаются не в свободе, а, наоборот, в несвободе, состоящей в бедности и неравенстве, заидеологизированности тоталитарных культур и репрессиях, низком культурном и образовательном уровне массового человека.

Свобода есть ценность, прежде всего, личности. Лишь человек как личность может ей пользоваться в позитивном ключе. Свобода для него предстает не как освобождение от зависимостей («свобода от»), а как базовое условие для продуктивного творческого

созидания («свобода для»). Очерчивая границы жизненного пространства, свобода позволяет личности постоянно осуществлять процесс самотрансценденции внутренней психической энергии во внешний мир, творческого самовоплощения уникальной самости в релевантные ниши актуального социокультурного пространства. В этом отношении совершенно верно пишет о свободе личности Е.В. Волохова: «Человек всегда, так или иначе, творит самого себя и это творение себя и есть самотрансцендирование. Оно есть раздвигание границ своего «Я» и своего существования в области мира бытия, это «забрасывание» себя в другое, что дает результат не только миру, но и самому человеку. При этом самотрансцендирование жизни человека как личности есть в то же время самотрансцендирование его свободы» [1, С. 4]. Таким образом, человек как личность самореализуется в том жизненном пространстве, которое определяется границами его свободы, расширение которых означает для человека увеличение возможностей самореализации. Сужение границ свободы вплоть до ее лишения, наоборот, веками используется как универсальное наказание человека: от штрафа (ограничение финансовой свободы) до казни (лишение свободы распоряжаться жизнью).

Именно поэтому расширение свободы личности до сих пор считается одним из важнейших критериев прогресса. А вся история культуры рассматривается как эволюционирующий процесс расширения границ свободы и ответственности. Последнее особенно значимо, ибо свобода, лишенная ответственности, может стать фактором увеличения рисков и угроз безопасности существования человека, девиаций, преступности, перверсий, деспотизма и анархии.

Стремление к абсолютизации свободы всегда приводит к обратному эффекту: вместо свободы происходит ее сворачивание. Поэтому ученые приходят к выводу: «В современных условиях, с появлением в XXI в. новых опасностей, угроз, рисков, нужен, как нам представляется, некий общественный договор, согласно которому человек жертвует частью своей свободы в обмен на безопасность» [5, С. 5]. В реальности же часто под лозунгом обеспечения всеобщей безопасности появляется тотальный, механизированный и бюрократизированный контроль над человеком, границы свободы желания, выбора и действия которого сведены до минимума.

Однако во все эпохи историко-культурного развития и, особенно в условиях начала XXI века, человек, обретая личностный потенциал, как правило, осознаёт несовершенство социокультурного пространства, в котором он живет. Неудовлетворенный им, личность, обладая свободой, творчески перерабатывает окружающий мир, который, постоянно вследствие этого усложняясь, в свою очередь сам становится фактором развития личности. Свободная личность постоянно преодолевает собственные саму себя, проходя состояния бифуркации и оказываясь в пограничных ситуациях. Переживая неуверенность и страх, свободная личность самостоятельно формирует свое существование как скрытую спонтанность жизни. Осознавая собственную свободу, человек постоянно выбирает себя, самопроектирует, самотрансцендирует, чувствуя ответственность за свое существование во времени и пространстве и результаты творческой деятельности.

Являясь причиной творческих изменений мира, свобода человека как личности процессуальна по своей сути: она и действительна и бытийственна одновременно. Как бы это ни парадоксально звучало, но человек как личность, существуя в относительно детерминированном мире, свободен, ибо он является главным творцом своей жизнедеятельности.

Истинная свобода не должна и не может противопоставляться безопасности человека, поскольку она не тождественна произволу. Более того, как раз преодоление произвола, как внутриличностного, так и социокультурного, является глубинной характеристикой свободы, которая обретается в экзистировании, поиске аутентичности самобытия, саморазвитии и самореализации. Как верно отмечает Е.В. Волохова, «попытка избегания конечности существования человека с целью трансцендирования и воссоединения с бытием является фактором самоопределения и позитивного

самоограничения, содействующего появлению ощущения стабильности и жизнестойкости» [1, С. 95]. В этом состоит парадокс свободы, сущность которого в том, что любая успешная попытка личностной самореализации, утверждая человека в бытии, всегда очерчивает и выявляет границы возможностей проявления человека в бытии.

В то же время свободная, творческая и продуктивная самореализация человека как личности всегда ослабляет мотивы избежания неудач, притупляет фундаментальную потребность в безопасности, разжигая пассионарность. Свобода в этом смысле «...есть экзистенциальное крещендо сущностных сил настоящего к приоритетной смысложизненной цели человека» [1, С. 95]. Понять же, на верном пути находится человек или нет, можно на основе наличия у него осознанной удовлетворенности общей смысложизненной интенциональностью его бытия. Еще одним субъективным критерием успешности самореализации выступает осознание необходимости постоянного самосовершенствования собственной личности, а также адекватность самооценки своего статуса и роли в собственном социокультурном пространстве.

Личность всегда склонна формировать такие ситуации в социокультурном пространстве, которые максимально соответствуют ее внутренней сущности. В то же время сама социокультурная реальность творит личность, определяя ее историческое своеобразие. Поэтому в условиях культуры должны государством создаваться условия, которые бы способствовали не просто ощущению безопасности личности, но и ее максимальному и творческому развитию.

Личность, имеющая развитые творческие способности, а также нашедшая сферу применения им, проявляя свободу в творчестве, не нуждается в тотальном контроле, ибо ей практически не свойственна тяга к деструкции, разрушению, преступлениям. Однако данное положение вряд ли может быть применено к массовому человеку, в руках которого свобода может привести именно к таким последствиям. Все это заставляет говорить о дуалистическом характере свободы, ее антиномичности, контрадикторности и амбивалентности. Свобода в реальной социокультурной практике всегда осуществима лишь и с определенными ограничениями, продиктованными как природными, так и культурными факторами. И именно в таком понимании она не становится фактором, препятствующим достижению безопасности существования человека, а выступает вторым базовым условием его бытия.

Обеспечение гармонии свободы и безопасности человека в процессе его самореализации должно стать приоритетной задачей любого прогрессивного государства. Достижение этой цели ограничивается самыми разными факторами экономического, политического, социального и духовного характера. В этой связи уместно отметить, что «...социокультурная среда может оказаться и нечувствительной к личностной свободе человека, например, проявленной в творчестве, если его результаты не будут вписываться в заданные средой социокультурные запросы, особенно в условиях полицентричности деятельностных устремлений человечества» [2, С. 64]. Более того, разные исторические эпохи формируют неодинаковые условия для проявления личностной свободы в творческой самореализации. Например, достаточно сравнить современные социокультурные условия российской действительности с тоталитарным режимом СССР 30 – 50-х годов XX века. В то же время и современные условия далеки от идеальных: «Парадокс современной западной цивилизации заключается в том, что свобода и безопасность индивида все более становятся зависимыми от государства, давление последнего на индивида продолжает нарастать. Перед нами дилемма безопасности индивида и государства, когда разграничение частного и общественного становится затруднительным, что способствует легитимному «отвоеванию» государством плацдарма свободы у индивида» [5, С. 6]. Конечно, этот процесс является по большей части латентным и касается в основном массового человека.

Подлинная свобода, как и подлинная безопасность, достижима не только за счет внешних социокультурных факторов, но и за счет максимального развития личностного начала в человеке, формирования четкого жизненного плана, учитывающего как

традиционные, так и прогрессивные гуманистические ценности и смысложизненные установки. Продуктивная творческая реализация этого плана в процессе жизнедеятельности человека, имеющего континуальное мышление на основе развитого исторического сознания, и есть реальное воплощение позитивной личностной свободы, не исключающей приложение волевых усилий.

Ключевыми социокультурными механизмами обеспечения в культуре начала XXI века продуктивной самореализации личности, осуществляющейся в условиях безопасности и свободы, являются: политическая власть, право, традиции семьи, институт образования, религия, мораль, средства массовой коммуникации и др. Они выступают и сферами самореализации, пространством воплощения творческих способностей и возможностей человека. Причем первоначальным важнейшим механизмом и сферой самореализации является институт семьи, который закладывает в человеке не только отношение к свободе, формирует способы самореализации, но и за счет этого выступает «одним из основополагающих звеньев социальной системы, определяющих качество социальной безопасности» [12, С. 85]. Без полноценной семьи человек утрачивает важнейшую часть себя, что не позволит испытывать полное удовлетворение и от самореализации в любых других сферах. В случае же достижения баланса самореализации в семье, профессии, досуговой сфере и др. человек получает возможность достижения полноты осознанной удовлетворенности жизнью, которая, однако, также имеет диалектическую природу. Речь идет о том, что, находясь в этих сферах, человек, имеющий личностную свободу, постоянно выходит за пределы своего «Я», периодически испытывая неудовлетворенность собой и окружающим миром. Это приводит к постоянному самообновлению и совершенствованию форм культуры.

Любой человек – это всегда открытый проект, обладающий незавершенностью и устремленностью к воплощению смысла жизни, который всегда обретается лишь контекстуальностью и интенциональностью экзистенции в мире культуры. Человек есть существо, постоянно выходящее за пределы самого себя за счет продуктивной творческой реализации позитивной свободы личности, которая проявляется в качестве сверхфизической ноуменальной основы человеческого измерения бытия. В этом же часто усматривается и угроза безопасности как самой личности, реализующей свой потенциал, так и тех, на кого она направлена, ибо свобода одного человека всегда сосуществует со свободой другого.

Но свобода безопасна в процессе самореализации человека тогда, когда он есть уже сформированная личность. Только в этом случае можно согласиться с А.Г. Елагиным в том, что «понятия «свобода» и «безопасность» не взаимоисключающие, а взаимодополняющие, укрепляющие друг друга» [5, С. 6]. Это достигается присущей личности гармонией свободы самореализации, являющейся источником творческих преобразований в мире, и нравственного самоограничения, выступающего залогом как личностной, так и социальной безопасности. Устремленность к самореализации личность всегда соотносит с границами дозволенного в культуре, а также с границами собственных возможностей. Нередко эти границы нарушаются, что иногда приводит к кардинальным трансформациям в культуре, что само по себе неоднозначно, ибо может привести не только к разрушению традиционных основ существования отдельных культур, но и стать основой культурной модернизации.

Специфика позитивной свободы состоит в том, что она выступает не самоцелью и не средством избавления от зависимости, а условием самореализации заложенного потенциала личности. В свою очередь личность, имеющая развитый личностный потенциал и реализующая его для соответствующей целевой аудитории в рамках современного социокультурного пространства, вряд ли будет иметь мотив проявлять сознательную деструкцию. В этом смысле личность, самореализуясь, с одной стороны, не представляет угрозы не только для личной безопасности другого человека, но социальной безопасности в целом, а, с другой стороны, – использует свободу как созидательную силу, фактор творческого самовоплощения в культуре. При этом деструкции может подвергаться лишь отжившее,

устаревшее, эпигонское, пошлое, ретроградное, мешающее прогрессивному развитию современной культуры.

Позитивная свобода не только сосуществует с обеспечением безопасности личности, но и способствует ей за счет того, что помогает человеку осознать противоречие между наличным бытием и его идеальным состоянием. Стремление к воплощению личностных идеалов коррелирует со смысложизненной интенциональностью человеческой экзистенции, выступая фактором противостояния обесмысливанию жизни, механизмом обеспечения жизнеутверждения за счет нахождения смысла в пределах человеческого существования. Интенциональность самопознания, самоопределения и самореализации, которая возникает в условиях позитивной свободы, выступает одним из самых эффективных механизмов обеспечения духовной и социальной безопасности личности, фактором, защищающим человека от переживания жизненной смыслоутраты.

Стремление обеспечить баланс свободы и безопасности человека в процессе его самореализации в культуре начала XXI века проявляется в существующих в ней механизмах управления, регламентации и регуляции. Важно отметить, что «в настоящее время особенно интенсивно происходит процесс расширения границ человеческой свободы и одновременно сужения границ ее субъектности» [10, С. 65]. Управление свободой человека и обеспечение его безопасности достигается с помощью различных социальных институтов. Важнейшим механизмом при этом выступает контроль над массовым сознанием и поведением человека, осуществляемый с помощью создания мнимого ощущения свободы воли, выбора, желания и действия управляемого индивида, на самом деле такой свободой не обладающего. При этом используются политические, религиозные, образовательные, информационные, правовые, идеологические, социально-экономические, технологические и иные механизмы, которые так или иначе направлены на манипуляцию массовым сознанием.

В начале XXI века это особенно актуализировалось в условиях процессов не только культурной глобализации, приносящей как новые способы коммуникации, так и единые культурные стандарты, но и индивидуализации, приводящей к освобождению от традиций нормирования человеческой жизни. Сегодня важно понимать, что «опасности глобализации заключаются в возможности массовой культуры манипулировать сознанием, навязывании чужих мировоззренческих концепций, разрушении традиционной культуры и менталитета» [9, С. 5]. Кроме того, поляризация жизни в индивидуализируемом и глобализующемся мире приводит к необходимости выработки новых способов гармонизации свободы и безопасности человека в процессе его самореализации. Культура постмодерна, провозгласив потерю историчности и глубинного измерения феноменов окружающего мира, абсолютизировала личностную свободу, особенно свободу человеческого желания. Но в такой экспликации свобода не только лишается своего позитивного смысла, но и становится фактором личной и социальной угрозы, механизмом разрушения социальной стабильности и безопасности, причиной разрушения устойчивых ценностно-смысловых ориентиров личностной самореализации в культуре.

Таким образом, необходим поиск наиболее оптимального баланса свободы и безопасности человека в процессе самореализации. Данный баланс позволил бы обеспечить минимизацию отрицательных и разрушительных последствий свободы самореализации, максимизируя ее конструктивные проявления. Поэтому необходимо направить усилия всех агентов социализации, особенно институт семьи и образования, на то, чтобы формировать личность, которая имеет высокий уровень социального, психического, физического и духовного развития и поэтому умеет правильно пользоваться позитивной свободой. Личности не может быть вне позитивной свободы, а, в свою очередь, позитивная свобода создается личностью. В противном случае свобода превращается в фактор дестабилизации общества, приводящий к утрате безопасности человеческого существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волохова Е.В. Свобода личности в социокультурном пространстве: философско-антропологический анализ. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2015. – 292 с.
2. Ворожко Ю.Н., Несмеянов Е.Е., Руденко А.М. Философия самореализации личности в современной культуре: монография; под общ. ред. А.М. Руденко. – Новочеркасск: Лик, 2015. – 168 с.
3. Давыдов Л.В. Свобода и безопасность: pro et contra // Конфликтология. – 2014. – Т.1. – С. 7 – 19.
4. Девишев Р.С. Между свободой и безопасностью: проблема терроризма // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации материалы международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 313 – 317.
5. Елагин А.Г. Безопасность и свобода в жизнедеятельности человека // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 5 – 8.
6. Кузнецов В.Н. О социологическом преодолении фундаментального противоречия между свободой человека и его безопасностью // Безопасность Евразии. – 2003. – № 2 (12). – С. 7 – 52.
7. Мищериков А.А. Безопасность и свобода личности в информационном обществе: анализ проблемы // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 1. – С. 39 – 42.
8. Рошка А. Свобода, социализация и безопасность личности // Общество и экономика. – 2010. – № 7 – 8. – С. 19 – 41.
9. Руденко А.М. О необходимости системного подхода к формированию культуры безопасности человека в современной России // Проблема безопасности человека в современном мире: сборник материалов по итогам всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2017 г. / под ред. А. М. Руденко [и др.]. – Новочеркасск: Лик, 2017. – С. 5 – 9.
10. Руденко А.М., Волохова Е.В. Человек, свобода, бытие // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 4. – С. 64 – 72. – URL: <http://www.hses-online.ru/2017/04/07.pdf>
11. Самыгин С.И. Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия религиозному экстремизму // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. – № 4. – С. 167 – 179.
12. Степанова В.Н. Кризис института семьи как фактор угрозы социальной безопасности современного российского общества // Проблема безопасности человека в современном мире: сборник материалов по итогам всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2017 г. / под ред. А. М. Руденко [и др.]. – Новочеркасск: Лик, 2017. – С. 85 – 88.

УДК 1

ВИДЫ МОДЕЛЕЙ УРОВНЕЙ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С МОДЕЛЯМИ БЫТИЯ МИРА

Ярычев Н.У., Николов Н. О.

TYPES OF MODELS OF LEVELS OF PERSONAL BEING IN COMMUNICATION WITH MODELS OF BEING OF THE WORLD

Yarychev N.U., Nikolov N.O.

Статья посвящена изучению соотношения уровней личностного бытия с моделями бытия мира. Отражена специфика парадуховных (атемпоральных), а также духовных (темпоральных) моделей бытия. Показана особенность корреляции духовных моделей бытия с я-концепцией теории азбучных планов,

методологической принцип которой является концепция триединства мироздания следующего вида: «Я-русская-тройка: душа, дух, тело».

Доказывается, что данная я-концепция отображает в тоже время и обобщённую холистичную модель уровней личностного бытия, формирующей устойчивый признак рассмотрения души в категории всеобщего по отношению к событию духа, телу человека. Раскрывается перспектива к дальнейшему раскрытию особенностей психики интеллекта, ума, рассудка, разума в корреляции с духовной моделью уровней личностного бытия.

The article is devoted to the study of the correlation of the levels of personal being with the models of the existence of the world. The specificity of the para- spiritual (temporal), as well as spiritual (temporal) models of being is reflected. The peculiarity of the correlation of spiritual models of being with the i-concept of the theory of alphabetic plans is shown, the methodological principle of which is the concept of the triune unity of the universe of the following kind: "I am a Russian-troika: soul, spirit, body."

It is proved that this i-concept reflects at the same time a generalized holistic model of the levels of personal being that forms a stable sign of the consideration of the soul in the category of the person universal in relation to the event of the spirit. A perspective is opened for further disclosure of the psychic features of the intellect, mind, reason, reason in correlation with the spiritual model of the levels of personal being.

Ключевые слова: модели бытия, модели уровней личностного бытия, психичность, время, психологичность, душа, дух, тело.

Keywords: models of being, models of levels of personal being, psychic, time, psychology, soul, spirit, body.

Начиная исследование данной темы, должны отметить, что бытие, как центральное понятие онтологии — это «философское понятие, обозначающее наличие явлений и предметов – самих по себе или как данности в сознании, а не содержательный их аспект» [16].

Бытие, как самостоятельное понятие возникает уже в период расцвета древнегреческой философии в учении элеатов в конце VI – первой половине V веков до н. э. Тезис, сформулированный Парменидом, что это есть вечное и неизменное единство впоследствии стал нормой понятийного аппарата онтологии и теории познания западноевропейской науки.

Второй составной компонент нашей темы исследования это личность (англ. *personality*; от лат. *persona* – маска актера; роль, положение; лицо, личность), обозначающее согласно словарю под редакцией М. Г. Ярошевского особое качество человека, а также феномен «индивидуальной представленности индивида в жизни других людей» [3].

Личностное бытие в подобных определениях – это неизменное единство материальных и духовных модусов «индивидуальной представленности индивида в жизни других людей» [2; 5, С. 165].

Неизменными и относительно устойчивыми (в масштабах моделях бытия Вселенной) мы можем назвать тело, дух. Душа – как бессмертное основание нами вслед за исследованиями Платона, А. А. Свиридова определённо относится к постоянно устойчивой структурности во времени и без него (о буквенной структурности души, способной нести дефиниции «материи вечности меры» ранее указывалось в таких статьях, как: «Материя вечности в объеме философских контуров познания в стратегии утверждения сознания разума души (программа разумогенеза «ум за душой»», «Онтология языка в мирах дуата и лазоревого мира (в вербальных знаках филомыслия и родомыслия)» [7; 8]).

Наша позиция об относительной устойчивости духа во времени, как категории личностного бытия созвучна с мнениями Г. Гегеля, А. Б. Невелева, В. Невелевой («...дух предельно устойчив в его не-устойчивости» [6]), А. А. Свиридова и других авторов.

Мы утвердились с составом уровней личностного бытия, смогли различить относительно неизменяемую во времени составную её часть – дух и тело человека, а также часть, способную обходиться даже без времени внешнего мира – душа, теперь мы можем перейти к исследованию феноменов неоднородности формирования духовности в обществе, что в последующем приведёт нас к кристаллизации неоднородности и моделей уровней личностного бытия в том или ином социуме.

Оценивая рациональные и иррациональные обобщения события духа в различных научных школах, в различные исторические периоды мы не можем не затронуть такой элемент социального бытия общества как духовность. Необходимо отметить, что социальные общества, универсализировавшие сознания интеллекта, ума (смешивая их в семантической конструкции с сознаниями рассудка, разума, души – *ratio* (лат.)), а соответственно и феноменологию духа, выставляя их в аспекте всеобщего, всеобщей закономерности развития своих обществ, фактически, формируют усечённый план личностного бытия.

Данный процесс формирования усечённой матрицы личностного бытия осуществляется через такие понятия, как:

– «*灵魂* (кит.)», «*精神* (кит.)» в древнекитайской философии (Лао-цзы, Конфуций, Мо-Цзы), Атман «*आत्मन्* (санскр.)», Буддхи «*बुद्धि* (санскр.)» в древнеиндийской философии адживики, джайнизма и буддизма (Ригведа, Махабхарата, сутры буддизма, тексты Махаяны), «*Psyche* (греч.)» в работах Аристотеля, Платона, в эллинистической философии Плотина;

– *Anima* (*anima mundi*)(лат.)», в эпикуризме Тита Лукреция, в ранний период средневековой философии (Ориген), в философии схоластики (Августин Аврелий), в западноевропейской зрелой (высокой) схолистике (Фома Аквинат, Дунс Скот), в европейской философии эпохи Возрождения (Николай Кузанский, Джордано Бруно, Мишель Монтень, П. Помпонаци), *روح* (*ruh*)(араб.) в восточном аристотелизме (Аль-Кинди, Ибн Сина, Аль-Фараби, Ибн Рушд). *לשמה* (иврит)», «*למה*» (иврит), «*למה*» (иврит) – нешем» в иудаизме, *Spirit* (англ.), *Ame* (франц.), *esprit*(франц.) в европейской философии начала Нового времени Т. Гоббс, Дж. Локк, Р. Декарт, в работах эпохи Просвещения, в трудах классического позитивизма (Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, О. Конт);

– «*Geist* (нем.), *gemüt* (нем.), «*vernunft* (нем.), «*seele* (нем.) [1, С. 331; 9, С. 106; 13, С. 158; 14, С. 69], в трудах немецкой классической философии и в философии диалектического материализма – марксизма, в философии психоаналитического подхода, в работах по феноменологии, экзистенциализму, герменевтике (Г. Гегель, И. Кант, И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинг, Л. А. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс, З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм, А. Шопенгауэр; Ф. Ницше, О. Шпенглер, Шлейермахер, Дильтей, Гадамер), –

что согласно нашему подходу опосредованно тем или иным набором семиотических элементов, и открытых типов их планов, иначе матриц семиотических систем.

При этом семантические конгломераты вида *vernunft* (нем.), *ratio* (лат.), присутствующие во всех 19 евроязыках формируют по схожему механизму (смещения в единой конструкции полярных понятий) эрозированный состав психики человека, иначе смешивают психику интеллекта, ума, рассудка, разума в единый неразличимый феномен. Одновременно в русском языке, следуя позиции А. А. Свиридова, имеются барьеры в виде букв-символов, наличествующих в качестве семиотических элементов только в нашем алфавите, блокирующих эрозию различного по своему качественному психологическому составу сознаний интеллекта, ума рассудка, разума, которые сохраняют четырёхмерный каркас психики человека (А. А. Свиридов, в работе «Интеллект»), формируя условия для развития полноценного психологического базиса личности, объёмную модель я-концепции: Я-русская тройка: душа, дух, тело (форму трёхмерной модели уровней личностного бытия) [12].

Своевременным будет отметить, что формирующую роль языка в познавательных процессах разрабатывалась не только в работах Э. Сепира, Б. Уорфа (так называемая «лингвистическая гипотеза»), но также и в философии марксизма-ленинизма, а сегодня её развивает и теория азбучных планов А. А. Свиридова.

Вместе с тем, обобщая большинство трактовок понятия духовность, рассматриваемых в толковых словарях Д. Н. Ушакова [15, С. 131], В. И. Даля [4, С. 561], С. И. Ожегова [10, С. 183], психологических энциклопедий современности, мы можем дать такое определение что – это не только самый высший уровень развития личности, в

континууме которого базовыми регуляторами её бытия становятся высшие человеческие ценности, а также это и постоянный процесс стремления к внутреннему личностному совершенствованию и также имманентное свойство души.

Таким образом, общества косвенно или напрямую абсолютизирующие феномен духа, отрицая при этом эссенциальное бытие души среди остальных уровней личностного бытия посредством ранее рассмотренных семантических конгломератов формируют фактически двухуровневую модель бытия человека.

Трёхмерная и двухмерная модели уровней личностного бытия, разводимые нами как разноуровневые мировоззренческие позиции осмысления своего психологического микрокосма (субъективного уровня бытия), как условные обозначения взяты нами по подобию деления на двух, трёхмерные пространства материи. И по нашему предложению отличающиеся наличием либо трёх векторов – уровней личностного бытия в онтологии личности человека (душа, дух, тело), составляющих объёмное, полноценное описание бытия (отражающее духовное знание), либо двух векторов (дух и душа – как единый неразличимый конгломерат и тело), составляющая усечённый объём знаний (парадуховный) человека как микрокосма.

Непротиворечиво можно заметить, что современная научная парадигма содержит примат дихотомичных (парадуховных) моделей бытия мира, ранее превосходно «схваченных» в философии марксизма-ленинизма вида: материальное – первично, сознание – вторично; сознание – первично, материальное – вторично.

Данные модели, не содержащие психологический модус времени, формируя устойчивую неустойчивость своего бытия, а также и тождественных им двухмерным моделям уровней личностного бытия, в рамках последних создаются условия для «метаморфозы духа», трансцендентный лик которого формируется из смешиваемых по принципу гематрий числовой эманации цифры духа и буквенной эманации души, превращаясь в ктонический образ иероглифа-символа, квази-буквенный объект, подверженный систематическому самораспаду (данный факт относительно метаморфоз духа в работах «Философия духа», «Философия Природы» отмечал Г. Гегель).

Однако нельзя не заметить, что современная теория азбучных планов (А. А. Свиридова) [11], адаптируемая нами в философском дискурсе в альтернативу данным двумерным моделям бытия предлагает использовать темпоральную (духовную) модель: психичность, время, психологичность

Среди выделенных концепций двухмерных и трёхмерных моделей, рассматриваемая концепция триединства мироздания, являющаяся в свою очередь парадигмой для теории азбучных планов поддерживает трёхмерное пространство личностного бытия человека, которое ранее мы обозначали в виде обновлённой Я-концепции: Я-русской тройки: душа, дух, тело, элементы которого феноменологически, онтологически категорически не «склеиваются» друг с другом до не различения, как, к примеру, это происходит на семантическом, риторическом уровне во всех евразыках, а также во всех иероглифических языках (китайский, иврит, корейский языки).

При этом источником и трёхмерных и двухмерных моделей бытия [17], влияющих в свою очередь на модели уровней личностного бытия являются одно-, двух-, трёхмерные первичные моделирующие системы языков.

К одно-, двухмерным при этом моделирующим системам мы вслед за теорией А. А. Свиридова относим все 19 евразыков, а также все иероглифические языки (китайский, корейский, японский, иврит), русский язык вслед за позицией теории азбучных планов мы относим к трёхмерным семиотическим системам, способных формировать полновесную трёхуровневую модель личностного бытия.

На этом основании полагаем, что адаптация теории азбучных планов в философском дискурсе фактически раскрывает новое направление аналитической философии, вбирающее в себя традиции философии постмодернизма, философию обыденного языка и которое можно назвать философией рецептуализма, философией трёхмерности, что позволит

конкретизировать онтологию уровней личностного бытия: «душа», «дух», «тело».

Эту позицию мы рассматриваем в связи с различением духа, как цифровой эманации числа (не обладающего своим собственным сознанием в силу усечённой возможности чисел-символов к порождению своего плана сознания), а душу как буквенную эманацию слова, а значит через её архетипы букв-символы, обладающей сознанием (см. работу «Материя вечности в объеме философских контуров познания в стратегии утверждения сознания разума души (программа разумогенеза «ум за душой»)» [7]).

Следуя философским выводам работ по семиотике (Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, Б. А. Успенский), уточнённых в рамках содержания теории азбучных планов языков мира (А. А. Свиридов) представляем наш вывод, что: 1) структура семиотических систем трёхмерности конгруэнтна многомерной (духовной) топологии уровней личностного бытия: душа, дух, тело, а также многомерной темпоральной модели бытия Вселенной: психичность, время, психологичность; 2) структура семиотической системы одно-, двухмерности конгруэнтна одно-, двухмерной (псевдодуховной) топологии уровней личностного бытия: душа и дух объединены в единый субстанциональный конгломерат, тело, а также двухмерной атемпоральной модели бытия Вселенной: материя – первична, сознание – вторично; сознание – первично, материя – вторична.

Намеченная перспектива исследования психики интеллекта, ума, рассудка, разума в конгруэнтной для их имён процессуальной и эссенциальной сущности в рамках духовной модели уровней бытия личности человека в последующем может привести к парадоксальным выводам о том, что классического и неклассического вида рациональности имеют под собой основание максимы интеллекта, ума, иначе реализующих программу интеллектгенеза [11; 12], являющейся частью метаморфозы духа, а не души.

Проективно программу интеллектгенеза ранее начал фактически реализовывать в работе «Философия духа» Г. Ф. Гегель, обозначая, что «...единство интеллекта и созерцания, в-себе-бытия духа и его отношения к внешнему миру должно быть не началом, а конечной целью, не непосредственным, а произведенным единством». Подобный срез как бы наталкивает на мысль, что абсолютизация интеллекта, духа в немецкой классической философии заслонила, «поглотила» истинные психические особенности разума, рассудка, выступив подобием «метаморфантов» (образ взят из экранизированного фильма по мотивам романа В. С. Шефнера «Лачуга должника») через семантические конгломераты «vernunft» (нем.), «geist» (нем.), сочетающихся на уровне языковой материи речи полярные понятия, смешивая их до не различения.

Данный вывод может в дальнейшем привести к исследованию новых пределов трансценденций в «горизонте бытия» разума души – диалектике души, имеющей совершенно иную субстанциональную природу (буквенной эманации слова) по отношению к духу (числовой эманации цифры), при этом наличие собственного сознания у души ранее не отрицали такие исследователи, как Р. Декарт, И. Кант, Г. Ф. Гегель, М. Шеллер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / Сост. В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова, В. Л. Юхт ; под общ. руковод. [и с предисл.] доц. В. В. Акуленко. – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – С. 331.
2. Бабахова Л. Г. Деонтологизация культуры и кризис личности в эпоху потребления / Л. Г. Бабахова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2017. – № 6. – С. 61–65.
3. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. – СПб. : Прайм-Евроник, 2003. – 632 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Том 1: А-З. – М.: Рипол классик, 2006. – С. 561.
5. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1985. – С. 163, 165.

6. Невелев А. Б., Невелева В. С. Предметно-энергийный подход к процессу познания // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 25 (354). – С. 137–140.
7. Николов Н. О. Материя вечности в объеме философских контуров познания в стратегии утверждения сознания разума души (программа разумогенеза «ум за душой») / Н. О. Николов // Перспективы науки. – 2012. – № 8 (35). – С. 64–67.
8. Николов Н. О. Онтология языка в мирах дуата и лазоревго миръа (в вербальных знаках филомыслия и родомыслия) / Н. О. Николов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2012. – № 6. – С. 150–151.
9. Новый латинско-русский и русско-латинский словарь. 100000 слов и словосочетаний. – М. : ООО «Дом славянской книги», 2011. – С. 106.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – С. 183.
11. Свиридов А. А. Словотолк ведической традиции. – Аркаим ; Увельский : [б. и.], 2011. – С. 15, 73.
12. Свиридов А. А. Абажур [суперфэнтези] / А. А. Свиридов. – квадрат спирали – Челябинск, 2017. – 308 с.
13. Рымашевская Э. Л. Современный немецко-русский и русско-немецкий словарь. – М. : Фирма «НИК П», 1999. – С. 158.
14. Татаринов В. А. Немецко-русский общенаучный словарь: Около 5 000 терминов, выражений и речевых клише. – М. : Московский Лицей, 2004. – С. 69.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013. – С. 131.
16. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
17. Ярычев Н. У. Модели мира в исламской онтологии: особенности, структура, философская конструкция / Н. У. Ярычев, Р. Х. Даудов. – Кисловодск: учебный центр «Магистр», 2015. – 100 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВ МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат социологических наук, частное образовательное учреждение высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»

Адрес: 357600, г. Ессентуки, ул. Ермолова, 2

АКОПЯН ГОАРИК АРАМАЙСОВНА – кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159

АПАНАСЕНКО ФЕДОР ЕВГЕНЬЕВИЧ – соискатель, частное образовательное учреждение высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»

Адрес: 357600, г. Ессентуки, ул. Ермолова, 2

ВДОВЕНКО-МАРТЫНОВА НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА - кандидат фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ГЛЯНЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159

ГОНЧАРОВ ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ – доктор философских наук, Гуманитарный институт Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

ГУБАНОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159

ДАУДОВ РАМЗАН ХОЖАЕВИЧ – старший преподаватель, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет»

Адрес: 364907, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

КИЛЯСХАНОВ МАГОМЕД ХИЗРИЕВИЧ – кандидат философских наук, частное образовательное учреждение высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»

Адрес: 357600, г. Ессентуки, ул. Ермолова, 2

КОЛОСОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА – доктор философских наук, Ставропольский филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес: 355035, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43.

КОРКМАЗОВ АЛИМ ВИКТОРОВИЧ – преподаватель, Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес: 360016, г. Нальчик, ул. Мальбахова, 123

КРУГЛАЯ АННА АЛЕКСАНДРОВНА - кандидат фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ЛОБЕЙКО ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор педагогических наук, Институт образования и социальных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Адрес: 355035, г. Ставрополь, ул. Ленина, 133^б

МОРОЗОВА ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА – кандидат педагогических наук, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт»

Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417^а

НИКОЛОВ НИКИТА ОЛЕГОВИЧ – ответственный секретарь издательского отдела, государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования»

Адрес: 454092 г. Челябинск, ул. Воровского, 36

ПОПОВ ИВАН ВИКТОРОВИЧ – кандидат фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ПОПОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА – доктор фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

РОСТОВА АНТОНИНА ТИМОФЕЕВНА – кандидат физико-математических наук, доцент, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске,

Адрес: 357500, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56

РУДЕНКО АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – доктор философских наук, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области.

Адрес: 346500, г. Шахты, ул. Шевченко, 147

САФИН НИЯЗ МИНЕРАФКАТОВИЧ – старший преподаватель, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации"

Адрес: г. Казань, Магистральная улица, 35

СИУКАЕВА ЕЛЕНА ГУРАМОВНА – кандидат педагогических наук, Юго-Осетинский государственный университет

Адрес: 100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, Московская, 8.

СУЛТАНОВА ЗАРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат психологических наук, государственное бюджетное учреждение "институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания"

Адрес: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

ФЕДОТОВА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ХАЛМЕТОВ ТИМУР АНВАРОВИЧ – преподаватель, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации"

Адрес: г. Казань, Магистральная улица, 35

ЯКОВЛЕВА СТЕЛЛА ГЕННАДИЕВНА – кандидат фармацевтических наук, Пятигорский

медико-фармацевтический институт – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 357532, г. Пятигорск, просп. Калинина, 11

ЯРЫЧЕВ НАСРУДИ УВАЙСОВИЧ – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет»

Адрес: 364907, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ABRAMOV MAKSIM ALEKSEEVICH – Candidate of Sociological Sciences, Private educational institution of higher education "Essentuki Institute of Management, Business and Law"

Address: 357600, Yessentuki, Str. Ermolova, 2

АКОПЯН ГОАРИК АРАМАISOVNA – Candidate of Philosophical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Address: 352900, Armavir, Str. Rosa Luxemburg, 159

APANASENKO FEDOR EVENYEVICH – applicant, Private educational institution of higher education "Essentuki Institute of Management, Business and Law"

Address: 357600, Yessentuki, Str. Ermolova, 2

DAUDOV RAMZAN KHOZHAEVICH – Senior Lecturer, candidate of philosophical sciences federal state budget educational institution of higher education "Chechen State University"

Address: 364907, Chechen Republic, Grozny, Str. Sheripova, 32

VDOVENKO-MARTINOVA NATALIA NIKOLAEVNA - Candidate of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Volgograd State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Address: 357532, Pyatigorsk, ave. Kalinina, 11

GLENEV ALEXANDER ALEXANDROVICH – graduate student, Federal state budget educational institution of higher education "Armavir State Pedagogical University"

Address: 352900, Armavir, Str. Rosa Luxemburg, 159

GONCHAROV VADIM NIKOLAEVICH – Doctor of Philosophical Sciences, Humanitarian Institute of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North Caucasian Federal University"

Address: 355009, Stavropol, Str. Pushkina, 1

GUBANOVA MARINA ALEKSANDROVNA – Candidate of Philosophical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Address: 352900, Armavir, Str. Rosa Luxemburg, 159

KILYASHANOV MAGOMED HIZRIEVICH – Candidate of Philosophical Sciences, Private educational institution of higher education "Essentuki Institute of Management, Business and Law"

Address: 357600, Yessentuki, Str. Ermolova, 2

KORKMAZOV ALIM VICTOROVICH – Lecturer, North Caucasus Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

Address: 360016, Nalchik, Str. Malbakhova 123

KOLOSOVA OLGA YURYEVNA – Doctor of Philosophical Sciences, Stavropol Branch of the Federal State Public Educational Institution of Higher Professional Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

Address: 355035, Stavropol, Kulakov Ave., 43

KRUGLAYA ANNA ALEXANDROVNA - Candidate of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Volgograd State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian

Federation

Address: 357532, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 11

LOBEIKO YURI ALEKSANDROVICH – Doctor of Pedagogical Sciences, Institute of Education and Social Sciences of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North Caucasian Federal University"

Address: 355035, Stavropol, Str. Lenina, 133b

MOROZOVA TATIANA PETROVNA – Candidate of Pedagogical Sciences, State Budget Educational Institution of Higher Education "Stavropol State Pedagogical Institute"

Address: 355029, city of Stavropol, Str. Lenina, 417a

NIKOLOV NIKITA OLEGOVICH – executive secretary of the publishing department, state budgetary institution of additional professional education "Chelyabinsk Institute for Retraining and Advanced Training of Educators"

Address: 454092, Chelyabinsk, Str. Vorovsky, 36

POPOV IVAN VICTOROVICH - Candidate of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Volgograd State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Address: 357532, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 11

POPOVA OLGA IVANOVNA - Doctor of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Volgograd State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Address: 357532, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 11

ROSTOVA ANTONINA TIMOFEEVNA – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Institute for Service, Tourism and Design (branch) of the federal state autonomous educational institution of higher professional education "North Caucasus Federal University" in Pyatigorsk,

Address: 357500, Pyatigorsk, Ave 40 Let Octobrya, 56

ROUDENKO ANDREY MIKHAILOVICH – Doctor of Philosophy, associate professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of the State Budget Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University» in Shakhty, Rostov Region

Address: 147, Shevchenko Str., Shahty, 346500

SAFIN NIYAZ MINERAFKATOVICH – Senior Lecturer, Federal State Educational Institution of Higher Education "Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Address: Kazan, Str. Magistralnaya, 35

SIUKAEVA ELENA GURAMOVNA – Candidate of Pedagogical Sciences, South Ossetian State University

Address: 100001, Republic of South Ossetia, Tskhinval, Moscovskaya, 8.

SULTANOVA ZARINA VYACHESLAVOVNA – Candidate of Psychological Sciences, State Budgetary Institution "Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania"

Address: 362025, Vladikavkaz, Str. Vatutina, 46

FEDOTOVA VICTORIA VLADIMIROVNA – Candidate of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Volgograd State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Address: 357532, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 11

KHALMETOV TIMUR ANVAROVICH – lecturer, Federal State Educational Institution of Higher Education "Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

Address: Kazan, Str. Magistralnaya, 35

YAKOVLEVA STELLA GENNADIEVNA – Candidate of Pharmaceutical Sciences, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Volgograd State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Address: 357532, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 11

YARYCHEV NASRUDY UVAYSOVICH – Doctor of Pedagogical Sciences, candidate of philosophical sciences federal state budget educational institution of higher education "Chechen State

University"

Address: 364907, Chechen Republic, Grozny, Str. Sheripova, 32

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

I. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Все статьи проходят проверку на плагиат. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте redsov@mail.ru.

1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании (см. сайт www.cegr.ru).

II. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются следующие: индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (правила индексирования см.: www.teacode.com. название статьи (на русском и английском языках); фамилия и инициалы автора (соавторов); аннотация (на русском и английском языках); ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; примечания и библиографические ссылки (литература);

2.2. Правила оформления текста следующие: авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210x297мм), с полуторным междустрочным интервалом; цвет шрифта – черный, размер шрифта – 14 кегль, TimesRoman. Размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм.. Подчеркивание в тексте нежелательно. Все текстовые авторские материалы принимаются в форматах doc. и rtf. Исправления и дополнения, внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Рисунки. Чертежи. Графики. Иллюстрации должны иметь наименования; на них должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком, их следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт TimesNewRoman, 9 кегль, прямое начертание. Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД). Все иллюстрации должны быть представлены отдельными файлами электронных документов. Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы.

2.4. Таблицы. Таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть кратким, размещенным над таблицей. Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт TimesNewRoman, 9 кегль, начертание прямое. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников (список использованной литературы). Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа, например, [7]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки, например, [7, С.15]. Библиографических ссылки (ЛИТЕРАТУРА) оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

2.6. Текст статьи предоставляется в электронном виде в отдельном файле в формате doc. или rtf. Название файла – фамилия первого автора + «статья». Например: «Петров, статья. rtf». Файлы иллюстраций и диаграмм предоставляются в электронном виде: в одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате jpg., tif. (для полутоновых изображений) или ai, cdr, eps (для векторных изображений). Название файла – фамилия первого автора +

«рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Петров, рис. 1.jpg», «Петров, рис. 2.eps».

Рецензию или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза, следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате jpg. или pdf. Название файла – фамилия первого автора + «рец». Например: «Петров, рец.jpg».

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса. Электронный адрес: **redsov@mail.ru**

Научно-теоретический журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» № 1 2018 г.

Учредитель: «Научно-исследовательский центр социально-гуманитарных проблем Кавказского региона». Адрес учредителя: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д.109. Подписано в печать 28.02.2018 г. Формат 340x245. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами, в типографии ЗАО «Центр Универсальной Типографии». Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 201.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.